

СТ. В.
У-49

УЛУГ-ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО —
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

15
1974

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

ЧЛУГ-ХЕМ

Литературно-
художественный
альманах

15
1975

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЫЗЫЛ — 1975

РС
У47

7-3-3
7-4-3

121-170+03+M133

© Тувинское книжное издательство, 1975 г.

*Степан САРЫГ-ООЛ,
народный писатель Тувинской АССР.*

ВЕЧНАЯ СЛАВА

Неужели погасли глаза
молодого, лихого арата?..
И родители ждут, и друзья —
и никак не дождутся солдата.

На Украине дружеской, там,
где окончился путь твой солдатский,
головою к тувинским хребтам
ты в могиле покоишься братской.

Город Ровно тебя приютил.
По тебе украинки рыдают.
И цветы возле братских могил
полыхают и не увядают.

На ограде не вянут цветы.
Имя Родины врезано в камень,
под которым останешься ты
навсегда с боевыми дружками.

Ты врага переспорил в бою,
имя предков навеки прославил.
Охраняем мы славу твою —
ту, которую внукам оставил.

Сергей
ПЮРБЮ

ЧУРГУЙ-ООЛ — ГОРДОСТЬ ТУВЫ

Весна 1918 года была бурной и стремительной. Даже старики не помнили, чтобы Хемчик так неистовствовал. Стиснутый в узком гранитном ложе, он kloкотал и пенился буро-красными водами, вырывал с корнями могучие железные листовницы, сбрасывал их в поток и нес, швыряя о прибрежные скалы, будто щепки. Через несколько километров такой су-

масшедшей гонки от толстенных стволов оставались лишь раздробленные кремовато-белые куски.

Старики покачивали головами и, вспоминая древние предания, говорили, что такие бурные весны неспроста и надо ждать больших событий. Слухи, приходившие в далекую Туву из революционной России, еще больше возбуждали аратов. А в мае, подобно Хемчику, забурлили и становья. В бедняцких юртах люди подолгу засиживались у пылающих очагов и вели длинные разговоры о тяжелой аратской доле, о баях-феодалах, о колчаковцах, о русских, сумевших избавиться от своих нойонов, о большевиках и их вожде Ленине.

В одну из таких майских ночей бедняк-скотовод Намгай, разбивший свою юрту неподалеку от Хемчика в небольшом урочище, долго не спал. Он посматривал на темную степь, на звездное небо, перебирал в уме все те разговоры, которые слышал в последние дни, и прислушивался к тому, что происходило в юрте. Он ждал прибавления семейства. Хорошо бы мальчик, думал он. Мальчик — это будущий мужчина, это — сильные руки и неутомимые ноги. Для бедняка мальчик — огромное подспорье; девочка — лишняя обуза. Ну да, наверное, родится мальчик. У них, Намгаев, в роду сильна мужская

линия. Если в каком-либо роду много мужчин, то это повторяется из поколения в поколение. Так сказал лама. Дрянь этот лама, но вот за такое известие спасибо. Хоть и нелегко ему, Намгаю, но второму мальчику он обрадуется. Только вот как сложится его судьба? Время тревожное. А может, это и хорошо, что добрые духи подарят ему и его жене Хокпеш сына в такое время? Старики говорят: кто рождается под звон мечей, тот будет мужественным, сильным человеком.

Со склонов Тандинского хребта набежал ветер. Он разметал над дымоходом юрты искры.

«Искры.— Намгай посмотрел на север.— Там, в России, сейчас всюду такие раскаленные искры. Искры бедняцкого гнева и надежд. Русские скинули царя. Смелые, отважные люди. Может, и нам они помогут?»

В юрте стало совсем тихо. Намгай насторожился. И вдруг за войлочными стенами раздался мучительный пронзительный крик Хокпеш. Потом наступила тишина. Она длилась какую-то секунду, но показалась Намгаю вечностью. Он вскочил на ноги и весь напрягся. И тут же все лицо его озарилось улыбкой. В уши его ворвался писк новорожденного.

— Мальчик!— донесся из юрты чей-то возглас.

Мальчика назвали старинным именем Хомушку Чургуй-оол.

Минуло четыре года. По Туве промчался ветер национально-освободительной революции. Красная Армия помогла тувинскому народу свергнуть власть феодалов. Скотоводы начали строить свое трудовое государство — Тувинскую Народную Республику. Но сил у молодой республики было мало. Феодалов прогнали, но осталось их наследие. Привычки и традиции оказались живучими, цепкими, как репей. В ставнях еще велико было влияние лам и шаманов. Но жить стало легче, а будущее сулило еще лучшую долю. Намгай, поглядывая на своих детей, думал о том, что они-то обязательно увидят новый мир, а может, и ему с Хокпеш доведется порадоваться будущему большому счастью детей.

Но судьба распорядилась иначе. Однажды, возвращаясь домой, Намгай свалился с коня в студеную воду реки, весь продрог под злым холодным ветром и слег. Две недели метался арат в бреду. Хокпеш приглашала лам и шаманов, они яростно колотили в свои бубны, барабаны, страшно завывая, читали заклинания, уезжали, забрав то козу, то овцу за «лечение», но злые духи оказались сильнее добрых и не подпускали их к Намгаю.

Болезнь иссушила Намгая: остались кожа да кости. Он лежал молчаливый и строгий, с закрытыми глазами. А когда весело зазеленела степь, он вдруг попросил откинуть полог.

В юрту ворвались лазоревая глубина высокого неба и дальний ответ снеговых вершин тандинского хребта. Снова, как и четыре года назад, по земле стремительно шагала весна. Все вокруг было светло и чисто. Ровно зазеленела молодая трава, в тонкой прозрачной зеленой пелене был лес, и где-то там куковала кукушка. Над прогретыми высокими местами дрожало марево.

Намгай знал, что умирает. Но он не хотел расставаться с жизнью в темной душной юрте. Он хотел, чтобы жизнь отлетела от него при ярком свете весеннего дня и солнца. Пусть боль непоправимого еще сильнее сожмет сердце, но только умереть не с тьмой в глазах и легкими, полными спертого дымного воздуха юрты.

Он долго смотрел на обновлявшуюся землю и вдруг почувствовал, как жизнь покидает его. Он окликнул Хокпеш и попросил привести к нему детей.

Когда дети пришли, он жестом подозвал к себе Хомушку. Мальчугану шел уже пятый год. Он был крепким мальчиком, со смышленными темными глазами и упрямым маленьким подбородком. Хомушку, как только начал ходить, никогда не плакал. И даже когда Намгай посадил сынишку на коня, и Хомушку не удержался и свалился на скаку, он не заплакал, только прикусил упрямо нижнюю губу и молча снова пошел к коню.

«Он действительно родился под звон мечей,— думал Намгай, ласково глядя на среднего сына.— Он будет смелым мужчиной, и его ждет большое счастье».

Намгай протянул дрожащую исхудалую руку и положил ее на голову Хомушку. Он хотел сказать сыну, чтобы тот рос настоящим мужчиной, был твердым в невзгодах и преданным в дружбе, но не успел...

Хокпеш осталась с четырьмя. Старший, Сержи, сеял, убирал урожай, заготавливал дрова. Бичии помогала матери по хозяйству и ухаживала за младшим братом Чулаем. Хомушку делал все понемножку. Мать была строгой, но справедливой. Она хорошо знала, что к «сидячему добыча не придет, а счастье мимо лежащего пройдет», и неустанно внушала детям: «Лучше в труде расти, чем в холе нежиться».

Шли годы. Росла и набирала сил республика. Улучшалась жизнь скотоводов. В сумонах¹ открывались школы, и араты садились за книги и тетради.

Открылась школа и в Хонделене. Хомушку определили тудаходящим учеником. Сын Намгая рос любознатель-

¹ Сумон — административное деление в бывшей ТНР, равное примерно сельсовету.

ным пареньком. Все его интересовало, и на уроках он чаще других поднимал руку и задавал учительнице вопросы: куда скрывается на ночь солнце? Где прячется половина старого месяца? Чье горло выдувает ветер? Почему зимой холодно, а летом жарко?

— Ты очень торопишься, Хомушку, — не раз говорила учительница. — Хочешь сразу узнать обо всем. Не спеши, времени у тебя много.

Но время летело быстро, и Хомушку не заметил, как превратился в восемнадцатилетнего юношу.

Была осень 1936 года. Тихо и ласково светило солнце. Горы, будто нарисованные, резко выделялись своими гребнями на фоне чистого высокого неба. Бронзовым отсветом играли в урочищах сосны. В воздухе медленно проплывали серебряные нити паутины.

Хомушку, размахивая нагайкой, быстро гнал коня. Назад старался не смотреть. Боялся, что не выдержит и вернется домой. Опасался, что зов степи и гор окажется неодолимым и мечта его стать бойцом Народно-революционной армии Тувы не сбудется. Он ничего не сказал матери и уехал из дому тайком, — не был уверен, что его возьмут в армию. Его год не призывался.

Но вот и хошунный центр Кызыл-Мажалык. В помещение военного комиссариата вошел стремительно. Заполнил анкету, прибавив себе год, и стал раздеваться, чтобы идти на врачебный осмотр. Врачи долго слушали Хомушку, выстукивали грудь, проводили по телу палочками и смотрели, не остаются ли на коже белые следы. Иногда обменивались непонятными фразами.

Наконец председательствующий сказал:

— Годен.

Военная служба пришлась по душе Хомушку. Он занимался с увлечением и вскоре стал отличником боевой и политической подготовки. В армии он много читал и понял, что знает еще очень мало, что знания — мир такой же огромный и притягательный, как те бесчисленные созвездия, что ночами холодным пожаром загораются над его родной Тувой, и уже тогда решил, что будет учиться дальше.

Кончились годы службы. Хомушку демобилизовался, но уехал не домой, а в столицу республики, где явился в контору советско-тувинского акционерного общества «Совтувтранс». Отсюда он вышел с направлением на курсы шоферов.

— Ну вот, ты поднялся еще на одну ступеньку в жизни, — сказал спустя шесть месяцев старший инженер «Совтувтранса» Тугаржик, вручая Хомушку удостоверение шофера. — Экзамены ты сдал хорошо. Но впереди тебя ждут испытания

более трудные. По-настоящему человек проверяется в труде. Желаю тебе выдержать и этот трудный экзамен.

В то время в Туве почти не было современных дорог. Тяжелые грузовики, поступавшие из Советского Союза, приходилось чаще всего водить по бездорожью. Хомушку коротал ночи под проливными дождями в Кызыл-Арыгских болотах, грелся у костра в Оттук-Дашской степи, его нещадно палило солнце в Шольских степях. Он переносил трудности мужественно и стойко, а когда ему приходилось очень туго, вспоминал наказ отца, услышанный от матери: «Будь настоящим мужчиной».

Освоившись на трассах, Хомушку стал подумывать о поступлении в техникум. Он решил стать механиком по автомобилям, а затем уже готовиться в институт.

22 июня 1941 года Хомушку только что вернулся из дальнего рейса. Он сутки не спал и очень устал. Поставив машину в гараж и доложив диспетчеру о прибытии, Хомушку отправился в общежитие. И вдруг по радио передали, что сейчас будет сообщено важное известие. Через несколько минут все узнали, что фашистская Германия напала на Советский Союз, что первые вражеские снаряды и бомбы обрушились на мирные города и поселки.

Во дворе автобазы стихийно возник митинг. Один за другим выходили в круг товарищи Хомушку и заявляли, что тувинцы не оставят в беде своего старшего брата — народ первой страны социализма.

В это время колонна, в которой работал Хомушку, вывозила мясо, законтрактованное Советским Союзом. Хомушку попросил слова, сказал, что помощь — это прежде всего конкретное дело, и тут же предложил всем, кто только что вернулся из рейса, вновь сесть в кабины машин.

— Диспетчер,— обратился Хомушку,— выписывай мне путевой лист...

Минул еще год, очень трудный для Хомушку. Он не помнил, когда как следует высыпался. Рейсы следовали один за другим. Туда, на север, в Советский Союз, гоняли тяжело груженные машины, назад чаще всего возвращались недогруженными. Спешили. Все время спешили. Не жалели ни себя, ни технику. А трасса была нелегкой, особенно Кулумыские петли. Чуть зазеваешься— примет тебя вместе с машиной на свою каменную грудь не одно, так другое ущелье. Помогало Хомушку, как, впрочем, и его товарищам, одно: советским братьям еще труднее.

Однажды (это случилось уже весной, когда Чургуй-оол вернулся из очередной поездки) к нему подошел диспетчер.

— Ну, ты свое отъездил,— сказал он и протянул Хомушку повестку из горвоенкомата.

Хомушку вспыхнул от внезапной радости.

— На фронт?— воскликнул он.

— Нет, пока в армию. Но все равно поздравляю. Из армии к фронту ближе.

Из военкомата Чургуй-оола, направили в объединенный кавалерийский полк, там зачислили в бронетанковое подразделение. Здесь он встретил старых друзей — шоферов Ондара Дыртыка, Кызыл-Таса, Тюлюша Шойдуна, Байкара Биче-оола и других.

Снова учеба, и как итог ее — первое воинское звание: сын бедняка-арата Хомушку Чургуй-оол стал младшим лейтенантом и помощником командира танкового взвода.

В тот же день Хомушку и Ондар Дыртык подали командиру полка рапорт, в котором просили отправить их в Советский Союз на фронт. Но вместо фронта Хомушку очутился в Чаа-Хольском хошуне¹ начальником военного стола.

Шло время. Отгремела битва на берегах Волги. Снова наступила весна. В газетах и по радио сообщали, что на фронте спокойно и в основном идут бои местного значения. Хомушку совсем приуныл. «Какой же теперь фронт,— иногда думал он,— когда русские сами крепко бьют фашистов.» И вдруг телефонограмма из военного министерства. Чургуй-оола срочно вызывали в столицу республики. «Может, сборы какие?»—подумал он, собираясь в дорогу.

В приемной военного министра генерала Шома он встретил своих однополчан Нурсата Тюлюша, Михаила Конгара, Ондара Дыртыка, Тюлюша Шойдуна, Кыргыса Идама и других. Все они о чем-то оживленно переговаривались

Увидев Хомушку, Дыртык весело улыбнулся и сказал:

— Ну, кажется, теперь все!

— Что все?— не понял Чургуй-оол.

В этот момент адъютант генерала пригласил командиров в кабинет министра.

— Сейчас узнаешь,— таинственно сказал Дыртык и первым проследовал в кабинет.

Генерал Шома не стал томить командиров. Поднявшись из-за стола, он поздоровался со всеми и тут же сказал:

— Вы, наверное, догадываетесь о причине вашего вызова. Могу вас обрадовать. Центральный комитет партии рассмотрел ваши заявления с просьбой послать на фронт в Советский Союз и удовлетворил их. Поздравляю вас. А теперь

¹ Хошун — административное деление ТНР, равное району.

пройдемте в зал заседаний. Там уже ждут вас члены ЦК партии, правительства и работники представительства СССР.

Перед добровольцами выступил секретарь ЦК партии тов. Тока. Он сказал, что в адрес партии и правительства поступают тысячи заявлений от трудящихся с просьбой направить их на фронт Великой Отечественной войны добровольцами. Но пока решено отправить на фронт только группу танкистов. Вопрос о других добровольцах будет решен в ближайшее время.

Товарищ Тока взял со стола лист бумаги и прочитал имена добровольцев-танкистов. Фамилия Чургуй-оола стояла в числе первых.

Через несколько дней жители столицы провожали в Советский Союз Хомушку и его боевых друзей. Когда митинг закончился, из толпы к трибуне протиснулся седой старик.

— Сыны мои!— в наступившей тишине прозвучал его голос.— Отныне вы сыны не только своих родителей, теперь вы сыны всего нашего народа. Вы идете на священную войну. Советские люди — братья нам. Они от всего сердца помогали нам все эти годы. Теперь наш черед за добро воздать добром. Мы маленький народ, и помощь наша невелика. Но как бы ни была мала капля, она наполняет чашу. Помните это и нещадно бейте гитлеровских шакалов, врагов всего человечества. Разите их от имени всего нашего народа! И пусть никакая сила не одолеет вас и пуля не берет.

После переподготовки тувинцы-добровольцы получили специальности водителей-механиков. Всех их зачислили в 25-й полк 72-й танковой дивизии.

Командир полка полковник Антонов сердечно принял их, познакомил с фронтовой обстановкой и командирами танковых экипажей, по которым их распределили.

Начало марта 1944 года. Это была победная весна. Гитлеровцев били на всех фронтах. Войска 2-го Украинского фронта, в состав которых входила 72-я танковая дивизия, освобождали от врага один город за другим. Несмотря на распутицу, наступление не останавливалось.

На рассвете 4 марта 25-й танковый полк пошел в атаку на село Дубровку, где засели гитлеровцы.

Когда командир взвода старший лейтенант Шашин скомандовал «по машинам», Хомушку замешкался и очутился в танке позже остальных. Даже могучий рыжебородый стрелок-радист сибиряк Иван Парфенов, который протискивался в люк, скосив плечи, и тот оказался в танке раньше Хомушку.

— Ну, что ты, джигит!— недовольно пробасил Парфенов.— Хочешь, чтобы командирский танк в хвосте плелся?

Чургуй-оол вспыхнул и от волнения дал задний ход. Танк

дернулся и угодил в какую-то рытвину. Нос «Т-34» задрался вверх. Хомушку тотчас переключил рычаг скорости, дал побольше газу и «тридцатьчетверка», взревев мотором, рванулась вперед, едва не подмяв под себя какую-то повозку.

— Эх, водитель!— вырвалось у башенного стрелка Петра Колбасы.

— Разговорчики!— тут же за спиной Хомушку раздался строгий голос Шашина.— У человека первый бой, понятно — волнуется.— На плечо Хомушку легла командирская рука.— Сбавь малость обороты,— услышал водитель.— Вот так...

Шашин дружески похлопал Хомушку по плечу.

«Спасибо, брат!»— мысленно поблагодарил Хомушку командира.

Миновав небольшой лесок, танки выкатились в поле и на ходу стали перестраиваться в боевой порядок. Первый батальон построился уступом вправо: две роты в линию, третья — метров на сто пятьдесят сзади и справа. Второй батальон двигался уступом влево. Такой порядок наилучшим образом предохранял шедшие в атаку танки от фланговых ударов противника.

Погода была пасмурная, над землей низко висели тучи, и дальние предметы сливались. Хомушку с трудом рассматривал кочки и воронки от снарядов. «Тридцатьчетверку» то и дело сильно встряхивало. «Плохой я еще водитель»,— корил себя Хомушку. Чтобы лучше разглядеть землю, он все подавался вперед и наконец уперся лбом в броню. Повел глазами по горизонту и только тогда заметил, что и другие машины клюют передками. Эта картина несколько успокоила Хомушку.

— Черт!— раздался возглас командира.— По болоту шпарим. А издали казалось, что тут ровно.

Впереди танка черным султаном вздыбилась земля, и тотчас по броне забарабанили осколки вражеского снаряда. Хомушку непроизвольно вжал голову в плечи.

— Не кланяйся, шея скоро заболит,— усмехнулся Колбаса и щелкнул замком пушки.— Сейчас мы фрица заставим кланяться. Веди ровнее, Хомушку.

Петр очуть опустил орудийное дуло и нажал на спусковой рычаг. По танку прокатился гром, звякнула выпавшая из казенника гильза, и сильно запахло пороховой гарью. Хомушку увидел, как на окраине Дубровки, возле сарая с наполовину снесенной крышей, где мелькнула огненная вспышка, вырос черный земляной фонтан.

— Попал, Петя!— крикнул радостно Хомушку.

— Нет, трошки не дотянул,— ответил Колбаса.— На одно деление ошибся.

И снова прильнул к прицелу.

Бой разгорался с каждой минутой. По сухому болоту, где двигались советские танки, металась черная смерч разрывов. Откуда-то из-за Дубровки по наступавшим стала молотить тяжелая артиллерия. Воздух наполнился дымом и гарью. Измельченная в пыль земля еще больше ухудшила видимость. Потом над танками появились серые шрапнельные шапки, и Хомушку догадался, что в атаку поднялась пехота. В танке грохотало и становилось все жарче и жарче. Лицо, шея и спина Хомушку покрылись липким потом. Веки, словно набухшие водой, отяжелели, легким не хватало воздуха, и у Хомушку было сильное желание приоткрыть водителский люк, чтобы сделать два-три глотка свежего воздуха, чтобы ветерком обдало лицо. Он совсем приник к смотровой щели и жадно ловил пересохшими губами тоненькую прохладную струйку, пробивавшуюся через микроскопический зазор между крышкой люка и корпусом танка. Никогда он не думал, что в этой стальной коробке может быть так нестерпимо мучительно жарко и душно. Он уже не думал об опасности, забыл, что смерть поджидает его на каждом метре, и жаждал только одного: быстрее ворваться в Дубровку, подавить гусеницами фашистов и вырваться наконец из танка на вольный воздух, почувствовать под ногами земную твердь а не качающийся пол. И, сам не замечая того, он все прибавлял оборотов и без того нестерпимо ревущему мощному мотору.

— Хомушку, держи строй, не вырываться!— приказал Шашин.

Опять вблизи рвануло землю, и на башню обрушилась земля.

— Эх, уже трое наших горят!— вскрикнул командир.

— Товарищ старший лейтенант!— покрывая своим басом и рев мотора, и грохот разрывов, крикнул Парфенов.— Комбат-один передает: прекратить атаку и отойти в лощину. Говорит, сейчас наши артиллеристы крестить фрица начнут. Нам велено малость переждать.

В неглубокой лощине, поросшей кустарником, батальон остановился. Взлетели откидываемые крышки люков, и танкисты, будто черные жуки, посыпались с брони на землю. Хомушку последним покинул танк. Очутившись на земле, он вдруг качнулся и ухватился рукой за гусеницу. Перед глазами его все закружилось, к горлу подступила тошнота.

— Э, да тебя, браток, укачало,— сказал Парфенов. Он подхватил Хомушку под мышки и положил на землю.— Отлежись-ка малость, да вот водицы испей.

Сибиряк приложил к губам водителя горлышко фляжки. Вода была теплой и пахла бензином. Но Хомушку жадно выпил полфляжки. Оставшуюся воду Парфенов вылил ему на лицо. Хомушку открыл глаза и виновато улыбнулся.

— Вот, понимаешь, Ваня,— тихо произнес Хомушку,— что командир скажет?

— Ничего, со многими так случается,— успокоил его Парфенов.— Привычку надо иметь. Это ведь не на учениях. Ну, стерпится-слюбится. Так у нас говорят.

Как только танки отошли, в небе появились советские штурмовики «Ил-2». Они с ревом, будто вырвались из-под самой земли, на бреющем полете устремились на вражеские позиции. Через минуту в Дубровке загрохотали разрывы бомб. Сделав три захода, штурмовики улетели. Потом заговорила наша артиллерия.

Через час танкисты снова ринулись в атаку. Вражеские орудия били реже, видимо, штурмовики и советские артиллеристы нанесли значительный урон противнику.

Танки накатывались на Дубровку с двух сторон, беря ее в полукольцо. Хомушку одним из первых ворвался на окраину села. Справа остался полуразрушенный сарай. Где-то здесь находилась огневая позиция немецкого противотанкового орудия.

— Товарищ командир!— Хомушку обернулся к Шашину.— Фрицы где-то здесь. Разрешите проверить?

— Давай,— согласился Шашин.

Хомушку с ходу резко повернул «тридцатьчетверку», газанул и понесся на сарай. Гитлеровцев нигде не было видно. «Должно быть, штурмовики или артиллеристы накрыли их»,— подумал Хомушку и хотел было свернуть на дорогу, шедшую через Дубровку. И тут каким-то шестым чувством он учуял опасность. Хомушку метнул взгляд вправо и заметил дульный срез орудия. Дуло поворачивалось за танком и медленно опускалось.

Все решали секунды. Хомушку застопорил правую гусеницу и так крутанул танк, что Колбаса не удержался на своем сиденье и свалился на пол. Теперь дуло упиралось в башню танка. Оно еще чуть опустилось и замерло. За кустами мелькали вражеские артиллеристы. Орудийный ствол своим темным нутром смотрел прямо в глаза Хомушку, и где-то там, в самой глубине его, затаилась смерть. Удар бойка—и смерть, полыхнув радужным огоньком на дульном срезе, со скрежетом и лязгающим торжеством вопьется в броню, пробьет ее, гулко громыхнет внутри танка, и все будет кончено. Замрет «тридцатьчетверка», и навсегда замрет ее экипаж — трое, уже

не раз смотревшие смерти в глаза, и он, Хомушку, только что экзаменуемый ею. И все в нем восстало против смерти. Он солдат, он на войне, и смерть — вторая его тень. Это так. Но пасть в первом же бою и не ощутить вкуса отщепености и радости победы — в высшей степени несправедливо.

Хомушку переключил рычаг скорости и, забыв о том, что мотор может заглохнуть, до конца выжал педаль. Цилиндры заклокотали от переполнившего их горючего, и многотонная стальная машина ринулась вперед. Этот сумасшедший бросок и спас танкистов. «Тридцатьчетверка» подцепила орудие под самый ствол, приподняла его, будто вилами, и в тот же момент орудие плеснуло пламенем. Снаряд царапнул броню башни, срикошетил и взорвался на земле в нескольких метрах от «Т-34». Орудие задралось еще выше, потом перевернулось и накрыло собой не успевшую отскочить прислугу. Гусеницы заскрежетали о металл, вмяли в землю орудие, а с ним и нескольких гитлеровских артиллеристов. Одно из колес соскочило с оси и медленно покатило по пологому уклону.

Танк проехал еще несколько метров, мотор вдруг зачихал, «Т-34» задергался, будто в судорогах, и остановился. И сразу пала тишина. Бой переместился куда-то за Дубровку, и до танкистов доносились только автоматные очереди.

— Да, вот как бывает, — после долгого молчания произнес Шашин. — А если бы мотор заглох? — Но тут же улыбнулся и одобрительно похлопал Хомушку по плечу. — Если бы да кабы — не в счет теперь. Пошли, глянем, что ты там натворил.

На ночь батальон остановился в Дубровке. К Хомушку пришли соотечественники. Ребята были возбуждены первым удачным боем, наперебой делились воспоминаниями. И вдруг спохватились: а где же Тюлюш Шойдун?

— Ранило его, — сказал Михаил Конгар. — Не хотел вас расстраивать, вот и смолчал. Он уже в госпитале, сам видел, как отправляли. Не смертельно.

Танкисты облегченно вздохнули.

Ночью Хомушку спал плохо: то виделись мчавшиеся в атаку «тридцатьчетверки», то слышался грохот разрывов, то скрежет гусениц по металлу раздавленного вражеского орудия, то беззвучный голос Шашина, что-то кричавшего ему и сверкавшего белками глаз, то вдруг все исчезало, и на Хомушку, словно на киноленте, набегала откуда-то родная тувинская степь, покрытая весенней травкой. Травка чуть колыхалась, и по ней пробегали легкие тени облаков. Лишь под утро, сломленный усталостью, он заснул.

Фронт наступал, бои продолжались. Все жарче грело солнце. Уже цвели вишни, и белая кипень их издали походила на легкие облака. Безлесные просторы Украины напоминали Хомушку родные степи Тувы. На привалах он иногда уходил далеко в поле, взбирался на какую-нибудь безымянную высотку и подолгу стоял там, слушая, как поют жаворонки, вольно дышит земля, а легкий ветерок тербит в перелесках первую, еще не опаленную знойным солнцем яркую листву.

«Богатая земля,— часто думал он.— Недаром ее называют житницей страны». Но в ту весну поля зарастали травой и пахли не свежей пахотой, а прогорклым дымом пожарищ, горелым металлом разбитой военной техники, разлагавшимися трупами и бензином. И горечь, ненависть все плотнее набивались в сердце Чургуй-оола, вытесняя из него радость побед.

Однажды — то случилось уже под Уманью — батальон с ходу ворвался в село Черный Камень. И все же гитлеровские факельщики сумели поджечь село. Над белыми, будто игрушечными мазанками жарко трещали соломенные крыши, над вишневыми садами тянулись зловещие аспидные полосы дыма, по дороге очумело носились куры, пожилые украинки и старики вытаскивали из хат домашний скраб, в сторонке кучками и в одиночку стояли оборванные дети с глазами, полными ужаса и горя.

Танкисты бросились помогать жителям тушить пожар, вытаскивать вещи.

У одной из мазанок билась на земле старая женщина. Хомушку поднял ее.

— Что с вами, угбай?¹— спросил он.

— Там,— женщина простерла сухие жилистые руки к хатке,— внучок мой, Андрейка! Они заперли его там. Ироды!

Мазанка уже вся была объята пламенем, даже в отдалении от нее Хомушку обдавало жаром. Не раздумывая, он бросился вперед, но раскаленная волна отбросила его назад. Тогда, закрыв лицо шлемом, он снова рванулся к хате и прорвался к двери, толкнулся в нее, но дверь не поддавалась. Что-то крепко держало ее изнутри. Хомушку задыхался, уже начал тлеть комбинезон. На помощь устремился Парфенов, но в тот же момент крыша рухнула, и в небо взметнулось облако раскаленных углей. Танкисты отскочили от мазанки.

— Все,— мрачно промолвил Парфенов и отвернулся.

Хомушку подошел к старой женщине. Руки ее плетью болтались вдоль тела, глаза сухо и лихорадочно блестели. Слез в них не было.

¹ У г б а й — старшая сестра.

Хомушку ласково погладил женщину по голове, осторожно привлек к своей груди и тихо сказал:

— Мы отомстим, угбай. За все отомстим.

На мгновение ему представилось, что эта незнакомая женщина его мать Хокпеш, и острая боль пронзила его сердце. Хомушку вздрогнул и почему-то обернулся. По дороге советские автоматчики гнали группу гитлеровских факельщиков-поджигателей.

У Хомушку диким блеском сверкнули глаза, он вскрикнул и бросился к танку. Очутившись за рычагами, завел мотор, переключил скорость и дал газ. «Тридцатьчетверка» рванулась вперед — прямо на фашистов. Чургуй-оол смял бы и искромсал гусеницами факельщиков, если бы не Парфенов. Он вовремя догадался о замысле своего товарища и успел встать на пути танка. Парфенов видел в открытом водительском люке залитые ненавистью глаза тувинца и едва не дрогнул и не отскочил на обочину. Натужно заскрипели тормоза, и, качнувшись, «тридцатьчетверка» почти коснулась скошенным передком Парфенова.

— Эх, браток, так тебя надолго не хватит! — только и сказал сибиряк.

Хомушку долго била нервная дрожь. Лишь выпив целый котелок воды, он малость успокоился и глухо сказал:

— Ты видишь, что они творят. У нашего Петра сестру в рабство угнали. Давить их нужно, как бешеных собак!

— Но не пленных, — ответил Парфенов. — Ты видел, чтобы Колбаса мстил пленным? Нет? Вот то-то же. Ты же боец Красной Армии. Не забывай этого никогда.

Несколько суток танкисты почти не покидали боевых машин. Лишь ночью, расстелив брезент, забывались коротким сном возле гусениц. А с рассветом снова раздавалась команда «по машинам», и «тридцатьчетверки», не успевшие даже как следует остыть, вновь уходили вперед.

Наконец советские войска вышли к ближним подступам Умани. 25-й танковый полк занял позиции в десяти километрах от города. Сквозь листву пробивались лучи заходящего солнца. Тувинцы собрались на опушке и негромко переговаривались.

Хомушку, запрокинув руки, лежал под молоденьким, едва трепетавшим листвою дубом и смотрел в небо. Сквозь листву высоко-высоко виднелась полоска перистых облаков. Они были причудливо расцвечены солнцем и напоминали перья гигантской сказочной птицы.

Хомушку грустил: давно не получал из дому писем. И вдруг раздался веселый голос старшего лейтенанта Сайфудинова, недавно сменившего раненого Шашина:

— Эй, Чургуй-оол!

Хомушку мгновенно вскочил.

— Здесь я, товарищ командир.

— Пляши,— подходя, сказал Сайфутдинов.

Руки командир держал за спиной.

— Письмо!— догадался Хомушку.

— Целых два!— И старший лейтенант протянул почту.

Первое письмо было от матери. Она сообщала, что уже месяц как работает председателем женского Совета сумона. Работа несложная — объезжает становья, рассказывает, как бьют фашистов русские братья, и собирает подарки для фронта. Недавно сама отдала в фонд фронта двух коров и двадцать овец. Хомушку знал, что это почти все, что имела их семья, и встревожился: «Чем жить будут?» Но, подумав, одобрил поступок Хокпеш. Он же сам писал ей, что оставляют после себя фашисты, о сожженных селах и разрушенных городах, о голодных детях, изможденных женщинах и стариках. И армия огромная, ее нужно кормить и одевать. Сейчас каждая капля в общей чаше на вес золота. Даже если родные все отдадут и останутся с одной овцой, он, Хомушку, скажет им только спасибо. Так и должно быть у настоящих людей.

Второе письмо было от невесты. Когда Хомушку распечатал конверт и вынул вдвое сложенные листки, из них выпала фотокарточка. На глянцевого бумаге улыбалась большеглазая, круглолицая девушка.

— Это кто?— заинтересовался командир.

— Невеста моя,— ответил Хомушку, быстро пробега глазами строчки.— Вот, пишет, что хочет к нам, на фронт, уже заявление подала.

С букетиком полевых цветов подошел Байкара Биче-оол.

— Твоя?— догадался Байкара и потянул к себе фотографию.— Симпатичная. Ты что же молчал? Нехорошо от друзей скрывать.

— Да я...— смутился Хомушку.

— Боялся, что забудет?

— Знаешь, война, зачем раньше времени говорить.

— Э! Живы будем — не умрем. Так русские говорят. Сегодня же отпразднуем твою помолвку. Эй, ребята!— крикнул Байкара.— Хомушку жених. У кого что есть, давай в общий котел.

Через час Хомушку сидел в кругу своих соотечественников и товарищей по оружию. По такому случаю старшина роты выдал водку. Танкисты пели песни. Пели русские, украинцы, белорусы, казахи, тувинцы. Каждый на своем языке. Но никто не мешал друг другу. Песни были мирные, ласковые,

грустные — о любимых, оставшихся где-то там, за сотни и тысячи километров от фронта, о родных краях, где ждут не дождутся солдат матери и отцы, сестры и жены, о тихих незаметных прелестях мирной жизни, которая теперь была вдвойне дорога каждому. Чувствовалось, что война близится к концу, что люди истосковались по тишине и покою, по детским безмятежным улыбкам, по будничному труду, по всему тому, что они защищали и за что каждый день шли на смерть.

Зашло солнце, и быстро, по-южному, стемнело. Появился комбат. Он приказал отдыхать.

— Завтра будем брать Умань,— сказал комбат.— За час до рассвета два экипажа отправить в разведку. Пойдут из твоего взвода, Сайфутдинов. Кто, думаешь?

— Я сам и экипаж, где водителем Ондар Дыртык,— ответил старший лейтенант.

— Как ребята?

— Надежные, товарищ командир.

Когда на востоке чуть посерело небо, две «тридцатьчетверки» выползли из кустов и двинулись к Умани.

Хомушку внимательно, но спокойно посматривал на дорогу, на темные молчаливые поля. Он уже не волновался, держался ровно и не думал об опасности. Два месяца бесперывных боев многому научили его. Не раз их экипаж попадал в трудное положение. Но выручали либо воинское мастерство и находчивость, либо вовремя поспевали на помощь товарищи. Он познал силу боевой дружбы, уверовал в нее, как и в свою «тридцатьчетверку», равной которой у фашистов не было, и теперь ни черта не боялся и даже в раскаленном танке чувствовал себя как в седле. Советские войска наступали, а это всегда придает силы и рождает уверенность. Иной раз Хомушку настолько забывал об опасности, что лез напролом, и однажды едва не поплатился за неоправданный риск. Вместо того, чтобы обойти траншею, ринулся напрямик. Уж очень ему хотелось побыстрее добраться до крупнокалиберного вражеского пулемета, сдерживавшего атаку советской пехоты. Разогнав «тридцатьчетверку», он бросил ее через траншею. Но от недавно выпавшего дождя земля стала скользкой, гусеницы увязли в ней, скорости танку не хватило, и машина задом завалилась в траншею. Так они и просидели до конца боя. Хорошо, что поблизости не оказалось немецкого противотанкового орудия.

Хомушку тогда крепко нагорело, он стал осмотрительнее и все же иногда нет-нет да и пускался на рискованные маневры.

— Что с ним поделаешь!— говорил в таких случаях коман-

диру роты Сайфутдинов.— Горит у него все внутри. Да и наступаем, трудно сдерживать парней.

Чуть покачиваясь в водительском кресле, Хомушку привычно обегал глазами мерцающие циферблаты приборов, вслушивался в работу мотора. Цилиндры ритмично выводили свою бесконечную песню. Сердце «тридцатьчетверки» никогда еще не подводило. Хомушку холил его, как арат своего любимого коня. Тут уж он не давал себе ни малейшей поправки. Валился с ног от усталости, но лез в мотор — смотрел, проверял, прощупывал каждый болтик, винтик, тросик.

Танки прошли уже несколько километров, а кругом было спокойно. Никаких примет противника.

— Драпанули аж до самой Умани,— пробасил Парфенов.— Так бы вот до Берлина катиться, а?

И вдруг в танк ворвался слабый зеленоватый отсвет.

— Ракета, товарищ командир,— сказал Хомушку.

Сайфутдинов откинул крышку башенного люка и высунулся. Далеко впереди чуть просматривались окраины Умани, справа, затухая, падала зеленая ракета и доносился какой-то гул.

— Стоп!— скомандовал старший лейтенант.

Сайфутдинов прислушивался долго.

— Что там?— не стерпел Хомушку.

— Кажется, аэродром. Да, аэродром,— еще увереннее ответил командир.— Давай жми пока по дороге, потом свернешь вправо. Я скажу когда.

Светало. Через два-три километра Хомушку увидел ангары. Чуть поодаль от ангаров смутно вырисовывались силуэты самолетов. По краю аэродрома медленно двигался бензозаправщик. За машиной тянулась тоненькая полоска пыли.

— Сворачивай!— приказал Сайфутдинов.— Без приказа не стрелять. Парфенов, передай ведомому.

Танки свернули с дороги и через ровное поле понеслись к аэродрому.

Высунувшись из люка, Сайфутдинов считал:

— Пять... десять... двадцать... Дальше не видно, ангар мешает. Хомушку, заходи с тыла! Колбаса, бей вон по тому серому зданию. Там, наверное, летчики и охрана.

Комвзвода сделал знак руками второму танку, чтобы экипаж его шел сразу на самолетные стоянки.

Первыми же выстрелами из пушки Колбаса разнес серое приземистое строение. Из него в одном белье стали выскакивать уцелевшие гитлеровцы. Парфенов встретил их пулеметным огнем. Где-то завывла сирена. Из-под бетонного колпака по танку ударили из крупнокалиберного пулемета. Пули горюхом сыпались по танку, сплющиваясь о броню. Тут же ба-

бахнула пушка «тридцатьчетверки», и возле колпака взметнулась земля. Пулемет смолк.

Подмяв под гусеницы нескольких очумелых от паники гитлеровцев, выскочивших на накатанную дорогу, полукругом обегавшую ангары, и какого-то офицера, успевшего только натянуть галифе, но без кителя и сапог, Хомушку развернул машину к самолетам. Там уже, всплескивая пушечным и пулеметным огнем, метался танк Дыртыка. И вдруг слева над овалом земляного бруствера появился длинный ствол зенитного орудия. Раздумывать было некогда. Хомушку повернул машину и погнался «тридцатьчетверку» прямо на огневую вражеских артиллеристов. Танк взлетел на бруствер. Хомушку затормозил правую гусеницу. «Тридцатьчетверка» развернулась и левым боком ударила по орудийному стволу.

Обогнув ангар, Хомушку понесся к самолетам. Некоторые из них уже пылали. Танк Дыртыка, выбрасывая из-под гусениц мягкую луговую землю, несся вдоль стоянок, в упор расстреливая вражескую технику.

На аэродроме возникла паника. Видимо, приняв разведчиков за головные машины танковой колонны, гитлеровцы решили, что сопротивление бесполезно, и бросились бежать в город.

Сайфутдинов, оценив обстановку, приказал гнать танк к мосту через реку.

— Этих драпальщиков мы встретим там,— сказал старший лейтенант,— а здесь один Дыртык справится.

Хомушку полем вывел танк к мосту. И здесь было столпотворение. Бежали солдаты, между ними двигались повозки, автомашины. Все напирало друг на друга, в воздухе висела брань, беспорядочно, неизвестно по кому, строчили изредка автоматы.

Хомушку остановил танк на взгорке в кустах. В гитлеровцев почти в упор ударили пулеметы и пушка «тридцатьчетверки». На мосту загорелся грузовик. Бежавшие солдаты отпрянули от машины, затрещали перила, и десятка полтора фашистов посыпались в воду.

Хомушку, оставив рычаги, взялся за пулемет. Он резал врага короткими очередями и что-то восторженно и зло выкрикивал на родном языке.

Откуда-то справа из небольшого леса немцы выкатили противотанковую пушку. Первый снаряд ее разорвался возле самых гусениц. Сайфутдинов приказал сменить позицию. Завязалась дуэль с вражескими артиллеристами. Хомушку действовал хитро. Он гонял танк по скату маленькой высотки, то выскакивал на вершину, то у подножия справа или слева. Как только Колбаса стрелял, Хомушку тотчас менял позицию.

В конце концов Петр накрыл фашистов, и «тридцатьчетверка» снова стала у моста.

Отчаявшись прорваться в город через мост, гитлеровцы побросали свою технику и устремились к реке через поля.

Часа через два к мосту подошли головные танки 25-го полка. Не задерживаясь, основные силы полка проследовали дальше на Умань, а Сайфутдинов с двумя машинами вернулся на аэродром.

В результате этого дерзкого рейда полк захватил богатые трофеи: склад боеприпасов, около ста автомашин и шестьдесят самолетов. Более восьмисот гитлеровцев сдались в плен.

Вскоре Умань была взята. 2-й танковый полк получил сразу двойную награду: был награжден орденом Боевого Красного Знамени и отныне стал называться Уманским.

Орденами и медалями были награждены многие танкисты. А Хомушку Чургуй-оол, сын арата из далекой Тувы, стал Героем Советского Союза.

Это известие пришло в полк, когда уманцы под Яссами уже вышли к государственной границе СССР.

Три советских танка, среди которых была и «тридцатьчетверка» Хомушку, вырвались далеко вперед. Впереди маячила небольшая высотка. На склоне ее виднелась брошенная кошара.

— Надо осмотреться,— сказал Сайфутдинов и приказал Хомушку вести танк на высотку.

«Тридцатьчетверки» свернули с проселочной дороги, проехали метров двести и вдруг увязли. Оказалось, попали в топкое место. Бились долго, но выбраться не удалось. Начало смеркаться. Неожиданно бой, громыхавший далеко впереди, приблизился. Потом запыхала дорога, и на ней показалась большая колонна гитлеровцев.

— Надо обмануть фрицев, чтобы они прошли мимо,— сказал Хомушку.

— Что предлагаешь?— спросил командир.

— Помните, под Ямполем налетели «Юнкеры»? В поле стояли две наши машины с башнями, повернутыми поперек корпуса, и стволами орудий, опущенными к земле. Немцы не тронули их, видимо, посчитали за уничтоженные. И нам так надо.

— Колбаса, передай по радиации экипажам повернуть башни и опустить стволы,— распорядился Сайфутдинов.

Гитлеровцы приближались. Впереди колонны катился бронетранспортер, за ним несколько автомашин с пушками на буксире, за автомашинами в беспорядке, густо пыля, шли автоматчики. Вид застрявших в болоте с повернутыми башнями советских танков успокоил противника, и колонна, не останавливаясь, проследовала дальше. Лишь с бронетранспор-

тера, вероятно для успокоения совести, кто-то из немцев дал по «тридцатьчетверкам» длинную пулеметную очередь.

— Психует фриц,— спокойно заметил Парфенов.

Когда колонна скрылась из виду, танкисты вылезли из машин.

— Засели намертво,— сказал Сайфутдинов.— Что делать? Хомушку огляделся, и вдруг побежал к кошаре.

— Ты куда?— остановил его старший лейтенант.

— Кошару разберем,— крикнул на ходу Хомушку.— Там должны быть доски и бревна.

Досок и бревен оказалось немного, тогда стали таскать спекшиеся куски навоза. Ими устлали след гусениц до сухого места. Выбрались из болота уже в темноте. Не проехали и нескольких километров, как откуда-то из-за лесочка появилась автоколонна немцев.

— Пойдем с фрицами,— сказал Сайфутдинов,— в темноте они не разберут, чьи танки, за свои примут. А там видно будет.

Немцы действительно приняли советские «тридцатьчетверки» за свои танки.

Так двигались на восток еще минут тридцать. Вдруг колонна остановилась, раздалась резкие отрывистые команды. Гитлеровцы покинули автомашины и начали выстраиваться в походный порядок.

— Ну, и нам пора,— сказал Сайфутдинов.— Видимо, наши уже близко. Давай, Хомушку, круши.

Взревели моторы, танки врезались в живую массу гитлеровцев. Застрочили пулеметы. Разметав вражескую колонну, «тридцатьчетверки» скрылись в ночи.

Близилась развязка. Уманцы освобождали Будапешт, громили противника у Балатона, победным маршем прошли по Австрии и Чехословакии. На боевом знамени полка прибавились еще две правительственные награды — ордена Суворова и Кутузова. Засверкали награды на гимнастерках многих соотечественников Хомушку — Тюлюша Нурсата, Ондара Дыртыка, Михаила Конгара, Кызыл-Таса и других.

По Европе шагала победная весна 1945 года. В городах и селах, через которые проходили советские воины-освободители, стояли жители, и всюду были улыбки и цветы, цветы и улыбки. Особый восторг охватывал людей при появлении танков. Люди лезли под самые гусеницы, каждому хотелось дотронуться до теплой брони и убедиться, что это не мираж, а действительность. Вести машину в такой массе людей было нелегко, утомительно, того и гляди, кого-нибудь задавишь, и Хомушку иногда сердился и, высунувшись из люка, недобро покрикивал на наиболее неосторожных.

Однажды перед самым передком, будто из-под земли, выросла пожилая женщина в очках. Хомушку еле успел нажать на тормоза.

— Эх, угбай!— крикнул он, высовываясь по пояс из люка.

И вдруг лицо его утонуло в огромном букете свежей пахучей сирени.

— Рус, брат!— крикнула женщина и заплакала.

Эту сирень танкисты берегли и выбросили, когда она уже совсем засохла. Но долго еще в машине держался тонкий, едва уловимый аромат, и, всякий раз ощущая его, Хомушку улыбался.

Эта сирень была ему дороже и памятнее всех наград, ибо в ней были сердца всех простых людей мира, их чувства, их мысли, их беспредельная благодарность советскому солдату, советскому человеку.

И когда двадцать с лишним лет спустя я побывал в одном из крупнейших совхозов Тувы — «Тес-Хемском», где бывший танкист, депутат Верховного Совета республики, Герой Советского Союза Хомушку Намгаевич Чургуй-оол ведает кадрами, и попросил его рассказать о былых днях, то свой рассказ он начал с памятного ему на всю жизнь букета сирени, подаренного пожилой венгерской женщиной.

— Если венгерская угбай здравствует и поныне,— сказал на прощание Хомушку Намгаевич,— я был бы счастлив подарить ей тувинскую сирень — нашу пахучую черемуху. Посмотрите, как гроздья ее украшают женщин.

Чургуй-оол кивнул в окно. По улице шли девушки, в косы которых были вплетены маленькие, ослепительно белые кисти черемухи.

А вдали в голубоватой дымке вырисовывались горы, и небо над ними было таким же высоким и чистым, как в незабываемую весну сорок пятого.

Кызыл-Эник КУДАЖИ

ОДИННАДЦАТЬ

(Героическая драма в 3-х действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бурзекей — старший лейтенант, командир взвода пулеметчиков.

Донгур-Кызыл — сержант, командир пулеметного расчета.

Самбал — рядовой, пулеметчик.

Тумендей — рядовой, пулеметчик.
Монгулоол — пулеметчик, связист.
Тоютчук — разведчик.
Иванов — разведчик.
Бичелмаа — санинструктор.
Вера — русская девушка.
Мать Веры — пожилая женщина.
Гиблер — капитан гитлеровских войск.
Вернер — обер-лейтенант.
Луиза — переводчица.
Бруниер — фельдфебель.

Время — Отечественная война.

ПРОЛОГ

Перед занавесом — Иванов, Бичелмаа и Вернер. За занавесом (громко) идет строевая поверка.

Голос командира. Боец первого эскадрона тридцать первого полка восьмой Ровенской гвардейской кавалерийской дивизии Первого Украинского фронта Николай Петров!

Ответ. Я!

Командир. Боец второго эскадрона Губенко!

Ответ. Я!

Командир. Боец пятого эскадрона Аракелян!

Ответ. Я!

Командир. Боец третьего эскадрона Леванидзе!

Ответ. Я!

Командир. Боец четвертого эскадрона Ховалыг Бичелмаа!

Бичелмаа. Я! (*Опустившись на колени, возлагает цветы к плите, где горит вечный огонь*).

Командир. Боец первого эскадрона Федор Иванов!

Иванов. Я! (*Положив цветы, стоит, вытянувшись, взяв под козырек*).

Командир. Немецкий товарищ Эрнст Вернер!

Вернер (*по-военному*). Бывший обер-лейтенант гитлеровской армии, ныне гражданин ГДР Эрнст Вернер — на месте! (*Аккуратно кладет свой букет рядом с другими*).

Затемнение. Где-то в отдалении — шум боя, пулеметная стрельба, взрывы гранат, крики... Бой постепенно стихает.

Снова — свет. На авансцене — те же.

Иванов (*помолчав*). Да, есть что вспомнить... Тувинские добровольцы, гвардейцы-пулеметчики — лихие были ребята! Как львы дрались. До последнего! Ни один не ушел с поля боя. Все одиннадцать погибли, а фашистов было убито множество. И ныне боевая слава тувинцев дошла до родины, до седых Саян...

Бичелмаа. Много лет прошло, а слава о наших одиннадцати богатырях живет! Мы расскажем все как было... Об их отваге, их верности, о боевой нашей дружбе... Самбуу и Чылбак... Дидиржаа и Монгелдей... Всех как живых вижу!..

Иванов. А Балчий-оол, Тумендей, Кечил-оол, Донгур-Кызыл, Удумбора, Кошкар-оол... Беззаветного мужества люди!..

Бичелмаа. Память о них сохранится в народе.

Вернер. Я расскажу о мужестве русского солдата Федора Иванова и его друга тувинца Тоютчука! Приношу благодарность народам Советского Союза: они освободили Германию и всю Европу от фашистской чумы.

Звучит мелодия песни «Священная война». Она переходит в тувинскую песню «К бою!».

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Землянка на переднем крае. Монгул-оол у телефона. Тумендей, не спеша, починает сапог. Самбал нервничает, мешая им обоим.

Монгул-оол (*проверяя связь*). Я — одиннадцать! Я — одиннадцать!.. Алло, алло!.. «Улуг-Хем!» «Улуг-Хем!»

Самбал. Поторопись, Тумендей! Здесь — поле боя.

Тумендей (*спокойно*). Ну что за человек! Всегда сапоги у него рвутся. Что бы ты делал без меня, родной?

Самбал (*Монгул-оолу*). Все кричишь «алло, алло!». Как у тебя горло выдерживает?..

Монгул-оол (*невозмутимо*). Алло! Алло! «Улуг-Хем!».. Алло!..

Самбал. Пойду узнаю, в чем дело!.. (*Хочет выйти, Тумендей его удерживает*).

Тумендей. Постой, родной! Не спеша. Там слякоть, а ты босой.

Самбал. Ну что мы тут сидим без толку?!

Тумендей. Приказы не обсуждают, родной! Уймись, говорю... Как ты будешь воевать босиком? Сапог я мигом отремонтирую, ты пока займись чем-нибудь...

Самбал присаживается в уголке, пишет. Монгул-оол — у телефона. Тумендей работает.

Тумендей. На-ка, родной, надевай. Ноги твои будут радешеньки. Теперь можешь идти хоть до Берлина.

Самбал (*отмахиваясь*). Не мешай...

Тумендей (*удивленно*). Ала!.. Что же ты пишешь такое важное?

Самбал. Отойди!..

Тумендей. Охалай! Зачем грубишь?! Я постарше тебя.

Монгул-оол. Товарищи! Вы не в Туве, на стадионе. Не кричите громко.

Тумендей. Да я же ему только вопрос задал...

Самбал. Лезет под руку... Я важное дело задумал.

Монгул-оол. Какое дело? Расскажи...

Самбал. Пока что — секрет! (*Что-то тихо объясняет им, смеется.*) Ну как?

Монгул-оол. Здорово!..

Тумендей (*недоуменно*). Ему, самому?!

Самбал. А что?! Уж если не наступаем, то хоть дух покажем. Пусть знает, кто такие тувинские добровольцы!

Тумендей. А ну-ка, почитай, что написал?..

Самбал (*читает*). «Шыян ам! Жил был в наше время беспощадный кровопийца, однорогий черный Мангыс...»

Монгул-оол. Ну-у... Это же народная сказка.

Тумендей. Нет-нет! Мысль правильная. Надо только посмешнее, чтобы его всего перекосило от злости.

Самбал. Имя так и оставим?..

Тумендей. Оставим... Пиши: «Кодур ошку холан адаска...»

Пересмеиваясь, продолжают сочинять. Появляется Бичелмаа. Ее не замечают.

Самбал. Пишу: «Ты бешеный дикий зверь...»

Монгул-оол (*диктует*). «Пусть бодают тебя грязные козы, как у старухи из тувинских сказок...»

Бичелмаа. Что ж это вы? Девушка пришла, а вы — без внимания.

Самбал (*смутившись*). Мы, Бичелмаа... (*Прячет письмо.*)

Тумендей. Да мы просто так... Для фашистов... При-сказки да поговорки народные пишем.

Бичелмаа. Фрицам?!

Монгул-оол. Ну, ясно — не девушкам.

Самбал (*подшучивая*). Говорят, парни из эскадрона татарского командира Ахмеджанова сильно на одну нашу девушку заглядываются. Очень интересуются.

Бичелмаа. Будет вам болтать.

Тумендей. Правда, правда, я тоже слышал... Вот что, сестричка! Иди-ка проведай сержанта Донгур-Кызыла на наблюдательном пункте. Там, кстати, и парни Ахмеджанова неподалеку.

Бичелмаа. А ну вас!.. (*Уходит*).

Затемнение. Высвечивается часть траншеи рядом с землянкой. Бичелмаа — одна. Подходит Бурзекей.

Бурзекей. Задумалась, Билченмаа? О доме соскучилась?

Бичелмаа. Никак нет, товарищ командир.

Бурзекей. А почему одна?

Бичелмаа. Ребята прогнали. Письмо какое-то пишут... Смеются.

Бурзекей. Они обидели тебя?

Бичелмаа. Нет, что вы! Это так... шутки!

Бурзекей. Сейчас я наведу порядок!

Снова — землянка. Входят Бурзекей и Бичелмаа.

Тумендей (*вскочив*). Встать! Смирно! Товарищ старший лейтенант, боевой расчет...

Бурзекей (*обрывая*). Что здесь происходит?!

Тумендей. Ожидаем приказа, товарищ командир.

Бурзекей. Вижу, как ожидаете! (*Резко*.) Почему без гимнастерки? (*Самбалу*.) А ты почему босой?.. Забыли, чему я вас учил?! Распустились!.. Сейчас же привести себя в должный воинский вид. (*Бойцы поспешно одеваются, обуваются, становятся по стойке «смирно»*.) Где командир расчета?

Тумендей. Сержант Донгур-Кызыл на наблюдательном пункте.

Бурзекей (*Монгул-оолу*). Связь наладили?

Монгул-оол. Так точно!

Бурзекей. Позовите командира расчета. (*Монгул-оол выбегает*.) Кто обидел санинструктора Бичелму?

Тумендей (*не сразу*). Я обидел, товарищ командир.

Бурзекей. За что?

Самбал (*помявшись*). Мы тут письмо сочиняли. Она мешала немножко.

Бурзекей. Какое письмо? Кому?

Самбал. Гитлеру, товарищ командир.

Бурзекей. Гитлеру?!

Самбал. Так точно!

Бурзекей. Покажи!.. (*Бегло читает письмо, едва удерживаясь от смеха*.) М-да! Выражения у вас... крепкие!

С а м б а л. От души, товарищ командир.
Т у м е н д е й. Острое слово разит не хуже пулемета.
Б у р з е к е й. Не обижайся, Бичелмаа. Это письмо не для твоих ушей. Иди к себе и приготовь все, что...
Б и ч е л м а а. Я поняла, товарищ командир.
Б у р з е к е й. Выполняй!
Б и ч е л м а а. Слушаюсь! (*Уходит*).
Б у р з е к е й. Письмо я возьму. Перешлю в редакцию дивизионной газеты. Журналисты — люди острые, найдут применение. (*Усмехнувшись*.) А письмо действительно... Так заporожцы писали турецкому султану.
С а м б а л. Выходит, не зря старались, товарищ командир?
Б у р з е к е й. Нам предстоит говорить языком пулеметов, товарищи бойцы. Родина требует!
Т у м е н д е й. Мы — добровольцы!
С а м б а л. Вы, товарищ командир, — свой, тувинец. Как старшему брату клянемся: назад не отступим!
Б у р з е к е й (*тронут*). Верю, верю, друзья!

Появляются Донгур-Кызыл и Монгул-оол.

Д о н г у р - К ы з ы л. Товарищ старший лейтенант! Командир пулеметного расчета сержант Донгур-Кызыл по вашему приказанию прибыл!

Б у р з е к е й (*ко всем*). Товарищи бойцы! Нашему взводу пулеметчиков четвертого Тувинского добровольческого эскадрона командование поставило ответственную задачу.

Д о н г у р - К ы з ы л. Быть может, вызвать командиров всех остальных расчетов?

Б у р з е к е й. Не надо, я был у них. (*Продолжает*.) Фашисты, собрав в районе села Сурмичи значительное количество боевой техники и живой силы, оказывают сильное давление на наши боевые порядки. По приказу командования гвардии полковником Поповым принято решение временно отойти, заняв новую линию обороны. Для прикрытия отхода на этом направлении остается наш взвод пулеметчиков и группа противотанковых орудий старшины Дажы-Серена. Такова обстановка, товарищи! Боевая задача ясна?

Т у м е н д е й. Задача понятна, товарищ командир.

Бойцы проверяют оружие, гранаты.

Б у р з е к е й. Обстановка — не скрываю — сложная. Бой предстоит тяжелый. Я поручился за вас перед командованием.

Т у м е н д е й, С а м б а л, М о н г у н - о о л (*вместе*). Доверие оправдаем! Присягу помним! Дадим прикурить!

Б у р з е к е й. Отправляйтесь на огневой рубеж. При по-

явлении противника немедленно дать знать. Выполняйте! Вы, сержант, останьтесь. (*Тумендей, Самбал, Монгул-оол уходят. Звонит телефон. По телефону.*) Одиннадцатый слушает... Понятно, товарищ капитан! Слушаюсь, буду сообщать. (*Положив трубку.*) Капитан Кечил-оол беспокоится.

Донгур-Кызыл. Напрасно он... Не подведем.

Бурзекей (*развернув карту*). Смотрите... Наш участок. Танки и техника противника могут пройти только здесь. Вокруг — болота. Вот тут их и бить! В упор! Безощадно! Гранат и патронов не жалеть... На правом фланге у нас — группа Дажы-Серена. С ним гвардейцы Канчыр-оол, Шойдакпан, Лапка, Тыртык-оол и другие. Они смелые ребята. Враг там не должен пройти. (*Помолчав.*) Хочу предупредить, сержант: приказа на отход мы, возможно, не получим. Все может быть — окружение, обрыв связи... Если положение станет угрожающим, Бичелму и раненых заблаговременно отправить в тыл. Поняли?

Донгур-Кызыл. Так точно!

Бурзекей. Важно выстоять! Сорвать их план.

Донгур-Кызыл. Умрем — не пропустим!

Бурзекей. Зачем умирать? Победить нужно!.. К пулемету, сержант! Я — с первым расчетом. (*Донгур-Кызыл выходит. Звонит телефон. По телефону.*) Слушаю... Первый расчет?.. Поднялись в атаку? Приближаются?.. Огонь! Смертельный огонь!.. (*Выбегает.*)

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Огневая позиция пулеметного расчета. У пулемета — Донгур-Кызыл. Самбал перевязывает руку Монгул-оола.

Тумендей (*Донгур-Кызылу*). Дай-ка бинокль, дорогой... Да-а! Много мы их положили. Вон уж и вороны над ними вьются... После боя вороны всегда тут как тут...

Самбал (*Монгул-оолу*). Ну как? Действовать можешь?

Монгул-оол. Царапина! В бою-то я сгоряча и не заметил... Товарищей жалко! Монгелдея, Чылбака...

Донгур-Кызыл (*хмуро*). В бою не без урона! Русские так говорят... Какие ребята были... Орлы!

Самбал. За каждого положу по десятку фашистов!

Монгул-оол (*ко всем*). Раненых будто в тыл отправляют. Вы уж похлопочите перед командиром, чтобы оставил.

Донгур-Кызыл. Это уж как старший лейтенант скажет.

Монгул-оол. Я же могу! Рука действует.

Самбал. И в самом деле, сержант! Дайте человеку за кровь свою отомстить.

Донгур-Кызыл. Ладно! Только молчи. Да бинт рукавом гимнастерки прикрой.

Подходят Бурзекей и Бичелмаа.

Бурзекей. Сидите, сидите, товарищи! Ну, как у вас тут?..

Донгур-Кызыл. Фашисты отхлынули в деревню. Шума танковых моторов не слышно. Замечено передвижение конного транспорта в направлении их тыла. Наблюдение продолжаем.

Тумендей (*смотревший в бинокль*). Товарищ командир! Слева у той вон высоты вижу передвигающихся людей.

Бурзекей (*перехватив у него бинокль*). Точно! Двое. Идут крадучись... Сержант Донгур-Кызыл, рядовой Самбал — по левой ложбинке в засаду. Постарайтесь взять живыми... Мигом!..

Донгур-Кызыл и Самбал убегают.

Тумендей. Фашисты, товарищ командир! Мундиры, пилотки ихние... Взгляни, Бичелмаа, у тебя глаз острее.

Бичелмаа. Заметили наших... Убегают.

Бурзекей. Винтовку!

Тумендей подает винтовку. Бурзекей, тщательно прицелившись, стреляет.

Монгул-оол. Один упал... Не движется.

Бурзекей. Ах, черт, второй ушел!..

Тумендей. Отличный выстрел! Даже завидно.

Бичелмаа (*восхищенно*). С такого расстояния... Примите поздравления, товарищ командир.

Монгул-оол. От меня — также.

Бурзекей (*шутит*). Да что вы, товарищи! Я человека убил, а вы меня поздравляете.

Тумендей. Это не человек.

Монгул-оол. Пришел убивать — самого убили.

Бичелмаа (*в раздумье*). Жестокое все же дело — война! Настанет ли время, когда люди не будут убивать друг друга?

Бурзекей. Такое время придет, Бичелмаа! За это и воюем. Отчизну защищаем! Сердце приходится держать в кулаке.

Возвращается Донгур-Кызыл.

Донгур-Кызыл. Товарищ старший лейтенант. Задание выполнить не удалось. Фашисты заметили нас. Один был убит выстрелом с нашей стороны, другой успел скрыться. По

всему похоже — пытались разведать наше расположение и огневые точки.

Бурзекей. Атаку они повторяют — это ясно. Вопрос — когда?..

Донгур-Кызыл. Возвращаясь, мы задержали двух русских женщин. Будто бы мать и дочь. Говорят — заблудились.

Бурзекей. А ну, давайте их сюда!

Донгур-Кызыл машет рукой. Самбал приводит Веру и мать.

Бурзекей (*строго*). Кто вы? Откуда?

Мать (*робея*). Местные мы... Из Сурмичей.

Бурзекей. Куда шли?

Мать. В лес пробирались.

Бурзекей. Зачем?

Мать. Там мой брат живет. К нему хотели...

Бурзекей. Кто он, ваш брат? Почему живет в лесу?

Мать. Лесник он... Лес охраняет...

Бурзекей. Как же это вы — местные, а заблудились?

Мать. На дороге — фашисты везде. Мы и пошли через болото. А там вязко... Назад в село нам нельзя. Пришлось наугад.

Бурзекей. Значит, вы скрываетесь от фашистов. Так, что ли?

Мать (*плача*). Дочку хотела у брата спрятать... Уж очень фашисты обижают.

Бурзекей. Вы, мамаша, не беспокойтесь. Мы — свои.

Мать. Теперь-то я поняла. А поначалу испугалась, видим: какие-то нерусские и разговаривают так грозно... Потом почуяла: свои! Сердцем почуяла, сыночки!.. Вы казахи или татары?

Бурзекей. Нет, мать, мы тувинцы. Из республики Тува.

Мать. Тува... Тува... Не слыхала.

Вера. А я знаю! Тувинская Народная Республика. В верховьях реки Енисея. Между хребтами Саянскими. Мы это в школе проходили.

Самбал (*восхищаясь*). Вот ученая девушка! Все знает.

Бурзекей. Так где же семья ваша? В селе осталась?

Мать. Разметала война всю семью нашу... Двоих сыновей на войне убили. Младший в партизаны ушел, за братьев мстить. Не знаю, жив ли, нет ли... А когда фашисты пришли, кто-то доказал: семья партизана. Ну и расстреляли отца нашего, мужа моего... (*Плачет.*) Вот только дочка у меня и осталась, последнее утешенье мое... А фашисты-злодеи охотятся за девушками, издеваются по-всякому, в Германию

отправляют... Помогите нам, сыночки мои, на вас **вся** надежда.

Бурзекей. Не горюйте, мамаша, в беде не оставим.

Самбал. И дочку твою в обиду не дадим.

Бурзекей. Как зовут тебя, девушка?

Вера. Верой.

Бурзекей. Вера... По-нашему — Бузурел.

Самбал. Бузурелмаа... красивое имя!

Бурзекей. Скажи, Бузурел... Вера... много фашистов в селе?

Вера. Было много: после боя меньше осталось. Одних раненых повозок десять увезли. Да три танка у них сгорело.

Самбал. Охо, это наша работа!..

Бурзекей (*Вере*). Откуда ты это знаешь?

Вера. Два офицера в нашем доме стоят. И переводчика — немка. Старший по телефону говорил: про танки сказал, просил помощи.

Бурзекей. Ты понимаешь по-немецки?

Вера. Немного понимаю. Десятилетку кончила.

Мать. Круглая отличница. Учителя хвалили.

Бурзекей. Как ведут себя офицеры?

Вера. Пьют! Для храбрости... Старший Гиблер, капитан,— палач самый настоящий. А второй, Вернер его фамилия, вроде бы добрый и по-русски немножко говорит. Он мне и подсказал: «Беги,— говорит, спасайся, пока не поздно».

Бурзекей. Вернер... Надо запомнить... (*Женщинам*.) Сами вы дороги, я вижу, не найдете. Приметы какие-нибудь можете сказать?

Мать. Дом стоит у ручейка. На полянке.

Вера. Рублен из крупных бревен. С оградой.

Самбал. А рядом ульи пчелиные, так ведь?..

Мать и Вера (*вместе*). Да-да! Верно, верно!..

Тумендей. Как ты угадал, дорогой?..

Самбал. В разведку ходил. Запомнил.

Бурзекей. Рядовой Самбал! Проводи! Охраняй в дороге как родных сестру и мать. (*Отведя Самбала в сторону*.) В дом сразу не входи, осмотри сначала... А с девушкой потолкуй! Она, возможно, нам пригодится.

Мать (*низко кланяясь*). Спасибо вам, детки мои! Великое спасибо! Победив проклятых врагов, возвращайтесь в родную Туву свою. Счастливо вам оставаться, живыми быть! Вас мы никогда не забудем.

Самбал. Пошли!.. (*Вере*.) Эх, Вера, Вера, Бузурелмаа... Знаешь, «кони знакомятся ржанием, люди — разговором», говорят тувинцы. За такую девушку и умереть не страшно!..

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната в крестьянской избе. Стол, походные кровати, полевой телефон.
В комнате Луиза и Вернер.

Луиза. Почему вы такой грустный, Вернер?

Вернер. На войне не до веселья, фрейлейн Луиза.

Луиза. Да, конечно. Но вы могли бы оказать внимание — ну, скажем, мне...

Вернер. Меня ждет невеста. Мы помолвлены.

Луиза. Уже? Вы же так молоды... На войне всякое может случиться... Постоянный риск... Опасность... Надо пользоваться каждым мгновением! Жизнь дается один раз.

Вернер. Как вас понять, фрейлейн?

Луиза. Не притворяйтесь наивным.

Вернер. Я, кажется, не жалел своей жизни для Германии и фюрера.

Луиза. Да, быть солдатом фюрера — долг каждого преданного родине немца. Я пошла на фронт по призыву сердца. И если нужно, я отдам жизнь.

Вернер (*сдержанно усмехаясь*). Вы говорите как Геббельс!..

Луиза. О-о, вы мне льстите, Вернер. Доктор Геббельс наш духовный вождь. Я преклоняюсь перед этим человеком.

Входит Гиблер. Он мрачен.

Гиблер. Какие сообщения из штаба?

Вернер. Никто не звонил, господин капитан.

Гиблер. Мы понесли большие потери, несколько танков сожжены. А штаб... безмолствует! Как они там не понимают, что без подкрепления, без главной ударной силы — танков, я не могу бросить деморализованных солдат в новую атаку.

Вернер. Очевидно, придется надеяться на силу нашего духа, господин капитан.

Гиблер. Вы шутите, обер-лейтенант Вернер. Речь идет о судьбе нашего ударного батальона.

Вернер. Можно позвонить в штаб и еще раз напомнить, господин капитан.

Гиблер. Не нужно! Нас сочтут за трусов... Фрейлейн Луиза, пройдите к солдатам. Прочитайте им последнюю речь Геббельса, их надо приободрить. У вас это хорошо получается — действуйте!..

Луиза. Слушаюсь, господин капитан. (*Уходит*).

Гиблер. Должен заметить: разведку вы ведете из рук вон плохо, Вернер. Покажите карту... Где пулеметные точки русских? Где позиции их противотанковых орудий? И вообще, каковы их силы? А ведь если придется звонить полковнику, просить артиллерийской поддержки, надо указать цели, координаты...

Вернер. Разведка выслана, господин капитан. Старшим пошел фельдфебель Бруннер.

Гиблер. А если они перейдут к русским?

Вернер. Нет, господин капитан! Бруннер — старый вояка, награжден Железным крестом.

Гиблер. Не те у нас солдаты, что были раньше, не те! Апатия, тупое равнодушие... Будь они прокляты, эти Сурмичи!.. *(Наливает себе вина, пьет.)* Я уверен, что нашему продвижению мешает лишь небольшая группа прикрытия. Но русские научились воевать. У них отличная позиция. Залегли, замаскировавшись в складках местности, как раз на том единственном сухом участке, где мы можем и должны пройти. Наша тяжелая техника завязнет в этих проклятых болотах.

Вернер. Не волнуйтесь, господин капитан, бывало и хуже.

Гиблер *(снова выпив)*. Если разведка окажется безрезультатной, пойдете сами. Я недоволен вами, Вернер, и шутить не собираюсь. Получите ли вы Железный крест или деревянный — для Великой Германии значения не имеет.

Взбудораженный, весь в грязи, вбегает Бруннер.

Бруннер. Господин капитан...

Гиблер. Что случилось?!

Бруннер. Несчастье, господин капитан.

Гиблер. В чем дело? Говорите же, черт возьми!..

Бруннер. Мы были посланы в разведку... Товарищ мой убит, а я только чудом избежал плена.

Гиблер. Бруннер! Вы старый солдат... В таком виде... Без оружия... Я предаю вас военному суду!..

Вернер. Он, видимо, контужен, господин капитан.

Гиблер. Гм... Возможно... Присядьте, Бруннер! Выпейте-ка вот... *(Наливает.)* Это русский шнапс, «са-мо-гон»... Он сразу приведет вас в чувство... Ну как?..

Бруннер *(выпив)*. Покорно благодарю, господин капитан.

Гиблер. Теперь докладывайте обстоятельно и точно.

Бруннер. Слушаюсь... Проникнуть в расположение врага оказалось невозможным. Однако мы прокрались до их передовых позиций. Смутно слышали разговор солдат, даже

видели их... Это — не русские, господин капитан, хотя на них советская военная форма.

Гиблер. Кто же они, по-вашему?..

Бруннер. Как будто монголы, господин капитан.

Гиблер. Этого еще не хватало!.. Впрочем, ничего удивительного. Россия мобилизует последние резервы.

Бруннер. Они нас заметили и стали обходить с фланга. Мы бросились назад. В это время их снайпер с одного выстрела сразил ефрейтора Шмидта, а я кинулся в болото и сам не помню, как добрался до наших линий.

Гиблер. Вас следует разжаловать, фельдфебель Бруннер! Лишить наград и отправить в штрафную часть... У вас есть семья, Бруннер?

Бруннер. Мать, жена и двое детей в Саксонии.

Гиблер. Несчастные! Вам известен приказ фюрера?

Бруннер. Пощадите, господин капитан!..

Гиблер. Только из уважения к вашим прежним заслугам и жалея ваших детей... Во время атаки вы пойдете впереди штурмовой группы. И если струсите, будете расстреляны без суда. А ваша семья, в соответствии с приказом фюрера, — заключена в концлагерь... Идите, Бруннер! И не болтайте о монгольских снайперах, не сейте паники. (*Бруннер, откозыряв, уходит.*) Казалось, самый надежный солдат... Позорно струсил!

Вернер. Азиаты фанатичны, господин капитан, они презирают смерть.

Гиблер. Может, вы тоже оробели, Вернер?

Вернер. Я просто трезво оцениваю положение.

Гиблер. Гм... Трезво... Выпьем, Вернер! За фюрера и победу!

Вернер. Ну, если немного...

Гиблер. Хайль Гитлер!..

Вернер. Зиг хайль!..

Встав перед портретом Гитлера, чокаются, пьют. Вбегает Луиза.

Луиза. Господин капитан! Вблизи села задержаны два советских солдата. Видимо, разведчики...

Гиблер. Судьба улыбается нам.

Луиза. Сопротивлялись отчаянно. Один из них явно не русский. Отвечать не желают, ведут себя дерзко.

Гиблер. У меня — заговорят! Я выбью из них нужные нам сведения... Распорядитесь привести!

Луиза выходит, затем возвращается. За ней вталкивают Иванова и Тоютчука. Руки их связаны, лица в кровоподтеках. Допрос через Луизу — театральная условность.

Гиблер (*Луизе*). Допрашивайте по обычной схеме. Говорите не строго, но внушительно... Начинайте!

Луиза (*пленным*). Вы стоите перед старшим офицером. Ваша жизнь в его руках. Отвечайте правду и только правду. Если будете откровенны, с вами поступят гуманно... Кто вы? Откуда родом?

Иванов. Я русский, москвич. Товарищ — из Тувы.

Луиза. Тува... Это что?..

Иванов. Народная республика. В Сибири.

Луиза. Твой товарищ понимает по-русски?

Иванов (*переглянувшись с Тоютчуком*). Плохо понимает. Развитие слабое.

Луиза (*Гиблеру*). Первый — русский. Второй — дикарь из этой ужасной Сибири.

Гиблер. Продолжайте.

Луиза. Вы оба — разведчики. Какие задания получили?

Иванов. Мы — связисты. Перебило провод, нас послали исправить. Не зная местности, мы случайно оказались за вашими передовыми линиями. И тут на нас навалились сзади целым взводом...

Луиза. Ты лжешь! Мы не верим тебе.

Иванов. А мне плевать!..

Луиза (*Гиблеру*). Несомненно — разведчик. Такие, как правило, молчат до конца. Или лгут, стараясь нас запутать... (*Иванову*). Ты же очень молодой человек! Неужели тебе не жаль своей юной жизни? Ведь второй жизни нет даже на небесах... Нам от тебя много не нужно. Ты расскажешь только о численности ваших, назовешь командиров и комиссаров и покажешь по карте, где находятся орудия и пулеметы... Ты сильный, крепкий парень! Мы отправим тебя в Германию, ты будешь спокойно работать, отлично питаться. Ты можешь жениться или приобрести подругу. В Германии работают много ваших: русских, полячек, украинок... Ведь ты, я уверена, и любви не знаешь как следует. А разве тебе не хочется любить?

Иванов. Вы — женщина, мне стыдно за вас!..

Луиза. Ах, так?! (*Хватается за пистолет*).

Иванов. Не пугай! Не страшно.

Луиза (*Гиблеру*). Фанатик! Без крайних мер он ничего не скажет.

Вернер (*Гиблеру*). Мне кажется, надо дать ему время подумать. Своим примером он дурно влияет на второго.

Гиблер. Гм... Пожалуй... (*Луизе*.) Предупредите этого скота о том, что его ожидает.

Луиза (*Иванову*). Подумай, Иван, хорошо подумай! Ведь жить, дышать, радоваться своему существованию — это

прекрасно! А если ты будешь молчать, тебя ждут страшные мучения. Ты сам станешь молить нас о смерти, чтобы прекратить свои страдания. Выбирай: жизнь или смерть после нестерпимых мук... Ты меня понял?

Иванов. Думайте о своей смерти. Она стоит у вас за плечами.

Луиза. Я не могу больше с ним...

Гиблер (*Вернеру*). Запереть в сарае. Поставить охрану. Позднее — мы повторим сеанс. По другой системе.

Иванов (*Тоютчуку*). Прощай, друг! Помни присягу.

Вернер выводит Иванову. Возвращается.

Гиблер. Как же мы объяснимся с этим дикарем?..

Вернер. Он, вероятно, понимает немного по-русски. Я филолог по образованию, изучал славистику, в частности русский... С помощью фрейлейн — разберемся.

Гиблер (*Луизе*). К азиату нужен другой подход. Попробуйте пробудить в нем...

Луиза. Уже пыталась с русским...

Гиблер. Вы меня не поняли, фрейлейн... Постарайтесь разжечь национальное чувство неравенства, ненависти к русским: говорите мягко, дружески... Вернер, развяжите его... У меня возникли некоторые соображения.

Вернер развязывает Тоютчуку руки. Тот, понимая, что фашисты хитрят, тоже затевает «игру», прикидываясь наивным и даже глуповатым.

Луиза (*Тоютчуку*). Как твое имя, дружок?

Тоютчук. Имя... Тоютчук.

Луиза. Ты хорошо хонимаешь меня?

Тоютчук. Когда не шибко говоришь... понимаю.

Луиза. Ты, конечно, учился в русской школе?

Тоютчук. Зачем? Своя школа есть... Мало учился. Два года.

Луиза. Твоя родина — Сибирь?

Тоютчук (*с гордостью*). Моя родина — Тува. Самое сердце Азии.

Луиза (*Гиблеру*). Гордится тем, что азиат. (*Тоютчуку*.) И ты любишь свою родину, скучаешь...

Тоютчук. Каждый любит... Отец-мать там, все родные...

Луиза. И подружка есть? Ну, любимая девушка?

Тоютчук (*вздыхая*). Есть девушка... Сильно люблю.

Луиза. Красивая? Лучше меня?..

Тоютчук (*простовато*). О-о, много, много лучше!..

Луиза не может сдержать смеха. Вернер, понимающий их разговор, кохочет.

Гиблер. Чему вы смеетесь?

Луиза. Он очень наивен, это дикарь.

Гиблер. Держитесь ближе к предмету разговора.

Луиза (*Тоютчуку*). Ты хороший парень, Тоют-чук! Любишь свою Туву, свою Азию. У тебя там мать, отец, любимая девушка... Ты хотел бы вернуться к ним?..

Тоютчук. Как вернешься? Война, плен...

Луиза. Война скоро кончится, дружок, а в плену тебе будет неплохо... Ты согласен отвечать нам? Правду, только правду?

Тоютчук. Отец, мать учили правду говорить... Спрашивай.

Гиблер. Быть может, дать ему водки? Это развязывает язык.

Луиза (*Тоютчуку*). Садись, дружок, отдыхай... Хочешь выпить русской водки?

Тоютчук (мнется). Не могу я...

Луиза. Ты что, совсем не пьешь водки?

Тоютчук. Совсем мало пил... Нехорошо при старших.

Луиза (*офицерам*). Он стесняется. (*Тоютчуку*.) Выпей! Наши офицеры угощают тебя. Как друга... Возьми вот яблоко, закуси.

Тоютчук, приложив руки к сердцу, низко кланяется, благодарит, затем пьет.

Луиза. Ты — коммунист?

Тоютчук. Нет... Молодой еще.

Луиза. А твой товарищ?

Тоютчук. Не знаю... Я первый день с ним.

Луиза. Ты давно на фронте?

Тоютчук. Месяц... Нет, месяц и еще половина.

Луиза. Ты и твой русский товарищ — разведчики?

Тоютчук. Не знаю... Раз ты говоришь, наверное, так.

Луиза (*офицерам*). Он прост как дитя... Первобытный человек! Боюсь, он может наговорить и того, чего нет.

Гиблер. Что он туп как животное, я понимаю без перевода. Однако расспросите его о численности и огневых средствах этих монголов или как их там... Самое главное — склонить его выступить по нашей радиоустановке с обращением к своим товарищам. Пусть скажет, что ему у нас хорошо, и предложит перейти на нашу сторону. Обещайте все блага: баранину, водку, женщин...

Луиза (*Тоютчуку*). Скажи, дорогой, какую службу ты выполнял у русских?

Тоютчук. Все выполнял... Катушку таскал, провод тянул... Полевой телефон — знаешь?..

Луиза. Какой приказ ты получил?

Тоютчук. Бой был, связь повредилась... сказали: русский Федя старшим пойдет, а ты делай все, как он... Пошли... Где — ползли как змеи... (Показывает.) Нашли... Починили.

Луиза. Как же вы оказались вблизи села?..

Тоютчук (тяжко вздохнув). Ошибка вышла... Беда, большая беда! Сам пропал, товарища погубил... Стрелять меня надо — моя вина!..

Луиза. В чем же ты считаешь себя виновным?

Тоютчук. Заспорили мы... Федя говорит: назад пойдём — за провод держись. Я говорю: место открытое — убьют нас... Пошли по кустам... Долго шли, ползли... Видим — совсем не туда... Обратного пошли... А тут ваши накиннулись... Повалили... Оружие отняли.

Луиза. Почему ты сопротивлялся? У тебя все лицо разбито.

Тоютчук. Меня бьют — я бью... Драка — такое дело!..

Луиза. А твой товарищ высматривал, где наши орудия, позиции?

Тоютчук. Ничего мы не видели... Кусты, болото... Русский Федя правильно отвечал: нечаянно мы попали. Не надо его стрелять, мучить. Стреляйте меня — я виноват.

Луиза (Гиблеру). Утверждает, что связисты. Потеряли ориентировку, возвращаясь к своим... Думаю — не лжет.

Вернер. Я наблюдал в бинокль. Действительно, их связь сравнительно близко от нашего боевого охранения.

Луиза (Гиблеру). Считает себя виновным: сбил товарища с дороги. Просит расстрелять.

Гиблер. Вот как! Очевидно, верит в загробную жизнь... Скажите: сейчас мы испытаем судьбу. Положите ему на голову яблоко... Притворитесь испуганной, взволнованной, жалейте его... (Вынимает пистолет).

Луиза (Тоютчуку). Встань, дорогой! (Кладет яблоко.) Господин капитан хочет проверить. Если ошибется, значит, ты солгал... Он считает себя метким стрелком, но он много выпил водки: у него дрожат руки... Мне жаль тебя, Тоютчук, у тебя такое славное лицо. Я боюсь за тебя.

Тоютчук. Не надо бояться... Так и так умирать.

Гиблер стреляет, яблоко падает. Тоютчук улыбается.

Гиблер. О-о! Он — бравый парень!..

Вернер. Вы стреляете как Вильгельм Телль, господин капитан.

Тоютчук. Хорошо стреляет! Охотник, наверное... После

войны в гости зову, в Туву. Охотиться будем. Шкуру подарю. Медведя.

Гиблер (*заинтересованно*). Что, что, он говорит?..

Луиза. Восхищается вашей меткостью. Приглашает в гости в Туву, на охоту. Обещает подарить вам медведя.

Гиблер. Черт их знает, этих азиатов! Они и хитры, и простодушны... Продолжайте допрос!..

Луиза (*Тоютчуку*). Тебя учили стрелять из пулемета?

Тоютчук. Нет... Связь учили.

Луиза. А ты видел пулеметы?

Тоютчук. Один видел... Близко — шагов двадцать.

Луиза. А орудия, пушки?

Тоютчук. Пушки не видел, в землянке сидел, телефон слушал... В бою сильно стреляли: «Бух! Бух! Бух!»

Вернер (*с картой*). Покажи, где пулемет?

Тоютчук (*в затруднении*). Не понимаю по-вашему.

Луиза (*ему*). Смотри! Вот ты, я, он, мы — здесь. А ваши — там... Где ты видел пулемет? Здесь?..

Тоютчук. Раз ты говоришь, наверное, так.

Луиза. А может быть, тут? Там?..

Тоютчук. Может — тут; может — там.

Вернер. По-моему, он не умеет читать карту.

Луиза. А твой товарищ знает, где пулеметы, пушки?..

Тоютчук. Откуда знает? Со мной в землянке был, чего видел?..

Гиблер. Не переводите, я понял... Переходите к основному.

Луиза (*Тоютчуку*). Ты — азиат, тувинец, любишь свою далекую страну... Зачем ты пошел служить русским?

Тоютчук. Воевать пошел... Русские — братья наши. Брат брату всегда помогает... Такой обычай!

Луиза. Ну как ты не понимаешь! Русские сделали вас рабами, заставляют умирать за них... Вы же их рабы!

Тоютчук. Рабы... Не понимаю.

Луиза. Они — хозяева, а вы работаете на них... Понял?

Тоютчук. У нас каждый для всех работает... Такой обычай.

Луиза. Зачем тебе, молодому, полному сил, умирать за русских? Ведь они чужие вам! Чужие по крови, по языку, обычаям...

Тоютчук. У нас нет чужих! Не одни русские воюют. Татары, башкиры, казахи, разные народы есть. Союз у нас! Советский Союз — понимаешь?..

Луиза (*Гиблеру*). Распропагандирован с детства!..

Гиблер. Если он откажется агитировать за переход к нам, найдите другой прием... Важно, чтобы он сказал: мы не

хотим крови. Позволим им спокойно уйти, огня открывать не будем.

Луиза (*Тоютчуку*). Скажи, милый, ты знаешь радио? Рупор?..

Тоютчук. Радио — знаю. У нас есть.

Луиза. Утром мы отведем тебя на передовые позиции. Ты скажешь по радио своим, что мы приняли тебя как друга. Мы приглашаем их перейти к нам. Обещаем свободу, хорошее питание и много всяких развлечений. У нас они спокойно проживут до конца войны. Скажешь так?..

Тоютчук. Не стану так говорить.

Луиза. Почему?..

Тоютчук. Товарищи скажут: трус Тоютчук, святую клятву-присягу преступил. Большой позор получится. Вся родня мое имя проклянет... Я не трус, я в капкан попал... Нет! Стреляйте. Так лучше выйдет.

Луиза (*офицерам*). Он удивительно равнодушен к смерти.

Вернер. Азиаты вообще презирают смерть.

Луиза (*Тоютчуку*). Тогда скажи другое: мы предлагаем перемирие. Хотим подобрать, похоронить своих убитых. Вы ведь хороните ваших погибших?

Тоютчук. В землю зарываем... Салют даем.

Луиза. Мы пойдем с белым флагом. Ваши пусть не стреляют.

Тоютчук (*подумав*). Если так скажу, смех получится. Рядовой Тоютчук с Гитлером помирился! Скажут: совсем дурак сделался.

Луиза. Послушай меня, Тоют-чук! Мы знаем: ваши основные силы отходят. Ваш отряд оставлен прикрывать отход. Мы не хотим проливать вашей крови. Передай своим, чтобы мирно, спокойно уходили. Стрелять мы не станем. Будем стоять на месте сутки, двадцать четыре часа.

Тоютчук (*недоверчиво*). И в наступление не пойдете?..

Луиза. Мы останемся здесь, на месте.

Тоютчук. Неверно говоришь, сама мало знаешь.

Луиза (*Гиблеру*). Не верит, что позволим им уйти без боя.

Гиблер. Переведите: я даю рыцарское слово германского офицера... Впрочем, он едва ли поймет.

Луиза. Айн момент! Идея... В моих вещах, кажется, есть Библия. Вы положите на нее руку и произнесете какие-нибудь торжественные слова. Он, я думаю, поверит в клятву. (*Быстро выходит, возвращается с толстой книгой.*) Смотри, Тоют-чук! Это святая книга. Господин капитан поклянется на ней. У нас такой обычай, как у вас присяга.

То ю т ч у к. Клятва, присяга — святыя слова.

Г и б л е р. Клянусь Буддой, Аллахом, Магометом и всеми пророками его... Закройте меня от него, фрейлейн, иначе я рассмеюсь.

Л у и з а (*Тоютчуку*). Ты видишь, капитан поклялся. У нас, как и у вас, нарушить клятву — страшный позор и грех.

То ю т ч у к. А вы не обманете меня?

Л у и з а. Тоют-чук, милый! Посмотри мне в глаза... Ты простой, открытый парень, честная душа! Разве можно тебя обмануть?.. Мы не такие уж плохие люди, и вовсе не звери, как вас уверяют русские.

То ю т ч у к. Весь народ не бывает плохой. Фашисты у вас злые.

Л у и з а. Т-сс! Молчи... (*Тихо.*) Скажу по секрету: ты знаешь, почему капитан дал клятву? Мы не можем наступать, у нас нет сил. Вы убили много наших солдат и сожгли танки. Мы просили подкрепления, а его не дают... Ты можешь сказать об этом своим... Так ты согласен? Скажешь своим, чтобы уходили? Стрелять мы не будем, поверь!..

То ю т ч у к (*подумав*). Так можно, пожалуй... Скажу.

Л у и з а (*обрадованно*). Он согласен, господин капитан! Я уверила его, что наступать мы не можем.

Г и б л е р. Вы сообразительны, фрейлейн! Надо во что бы то ни стало усыпить их бдительность. А когда подойдет подкрепление и танки, мы ударим и сомнем их... Внезапность на войне — великий фактор!.. (*Подходит к Тоютчуку, треплет за плечо.*) Переведите: отныне я его друг. После войны приеду в гости. А пока (*снимает с руки часы*) пусть примет подарок. (*Подчеркнуто.*) На вечную память.

Л у и з а (*Тоютчуку*). Господин капитан очень доволен тобой. В знак дружбы он дарит тебе часы.

Тоютчук делает вид, что восхищен подарком. Низко кланяется, благодарит.

То ю т ч у к. Ваш начальник — добрый человек! Пусть отпустит русского Федю... Товарища погубил—как жить стану?!

Л у и з а. Просит отпустить русского, его мучает совесть.

Г и б л е р. Обещайте!.. Вернер, прикажите перевести русского: надо их разобщить... Впрочем, распорядитесь лично: найдите надежное помещение, приставьте караул... А сюда пришлите Бруннера.

В е р н е р. Слушаюсь!.. (*Выходит*).

Л у и з а (*Тоютчуку*). Сейчас твоего товарища отпустят, проводят за наши передовые линии... Не тревожься за его жизнь.

Тоютчук кланяется, благодарит. Появляется Бруннер.

Г и б л е р. Поручаю этого пленного вам, Бруннер! Вымыть, побрить, переодеть во все чистое, хорошо накормить, дать постель. Он нам понадобится. Однако прикажите не сводить с него глаз. *(Бруннер уводит Тоютчука.)* Как я устал, моя крошка... Подойди поцелуй меня...

Луиза. Мы на службе.

Г и б л е р. К черту службу, к черту войну! Сейчас я для тебя просто Курт, а ты — Луизхен... *(Обнимает ее.)*

Луиза. Курт, я люблю тебя, ты это знаешь... Я начинаю бояться этой бесконечной войны... Боюсь за наше будущее, за наше завтра.

Г и б л е р. Луизхен, сердечко мое... Один бог знает, что с нами случится завтра... Будем же счастливы хотя бы сегодня.

Затемнение

Глухая ночь. Высвечивается угол какого-то полуразрушенного строения.
Вернер и Иванов.

Вернер *(медленно, затрудняясь)*. Остановись! Не бойся меня.

Иванов *(повернувшись к нему)*. Не боюсь! Стреляй!.. Ну, стреляй же, паразит, не тяни за душу!

Вернер. Не стану убивать. Сделаю так... *(Показывает, будто стреляет в воздух.)* Дай руки. Развяжу.

Иванов. В спину. хочешь?.. Стреляй в лицо! Посмотришь, как умирают русские солдаты.

Вернер, подойдя ближе, разрезает ножом ремень, стягивавший руки Иванова. Тот изумлен, даже растерян.

Вернер. Мое имя Эрнст. Эрнст Вернер... А твое?

Иванов. А зачем тебе? Ну, Федор...

Вернер. Убегай, Федор! Туда! К своим... Я выстрелю в воздух.

Иванов. Чудеса в решете! Нет, ты взаправду?!

Вернер. Я не враг. Гитлер — враг! Он губит немецкий народ. Я желаю помогать вашим.

Иванов. Слушай, если ты... бежим вместе! Я скажу: так, мол, и так... Тебя никто пальцем не тронет.

Вернер. Так хуже, Федор! Я ауфклярер, разведчик, по-вашему. Здесь я больше пользы дам советскому командованию.

Иванов. Понимаю. Сам — разведчик.

Вернер. Возьми компас. Ступай так... Северо-восток. Болото. Дальше — лес. Там, знаю, живет русский старик,

тайный коммунист. У него, возможно, русская девушка — Вера.

Иванов. Запомню. Вера.

Вернер. Назовешь ей мое имя — Вернер. Она знает. Старику скажешь — фербиндунг... связь нужно... Так?

Иванов (*медлит*). А то, может, вместе... Долго тебе не продержаться, Эрнст!

Вернер. Шикзаль! Судьба!

Иванов. Ну что ж... Счастливо, Эрнст!..

Вернер. До сви-да-ния!..

Иванов исчезает. Вернер стреляет два раза в воздух. Затмение. Снова — полный свет. Комната штаба. Гиблер без мундира и сапог, готовится ко сну. В дверь стучат.

Гиблер (*с досадой*). Ну кто еще там? Входите!..

Входит Бруннер.

Бруннер. Важное тайное сообщение, господин капитан!..

Гиблер (*позевывая*). Какое еще тайное? О чем?..

Бруннер. Господин обер-лейтенант Вернер отпустил пленного русского. Да-да, отпустил живым.

Гиблер. Вы что, пьяны, Бруннер? Или повредились в уме?..

Бруннер. Я в полном рассудке, господин капитан.

Гиблер. Вы лжете, Бруннер! Я не верю вам! Вы струсили в разведке, а теперь клеветеете на Вернера, чтобы выслужиться.

Бруннер. Клянусь перед богом и святым Евангелием — говорю чистую правду.

Гиблер. Невероятно! Вы сами видели? Отвечайте же, ну!..

Бруннер. Когда господин обер-лейтенант вывел русского, я предложил сопровождать. Время ночное, а эти русские на все способны... Господин обер-лейтенант отклонил: сказал — все сделает сам. Это показалось мне странным, и я незаметно проследил за ними. Русский шел со связанными руками, а господин обер-лейтенант держал пистолет направленным ему в спину. Так они вышли за село. Там о чем-то поговорили непромко, затем раздалось два выстрела и господин обер-лейтенант быстро вернулся... Выждав время, я внимательно, освещая землю фонариком, осмотрел место, где они стояли. Убитого русского не оказалось... Не мог же он испариться, господин капитан!

Гиблер. Быть может, вы просто не нашли трупа?

Бруннер. Я ползал там целый час, господин капитан!

Нашел лишь вот разрезанный ремень, которым были связаны руки пленного.

Г и б л е р (*в тяжком раздумье*). Неужели действительно Вернер. Хотя, впрочем... С некоторых пор он вызывает сомнения. Отвратительно вел разведку и был слишком мягок с местными жителями... Да! Вы правы, Бруннер! Но что делать? Просто так застрелить — нельзя. Он офицер и дальний родственник командира корпуса. Арестовать? Предать военнополовому суду? Нет прямых улик. Кроме того, дело наверняка дойдет до самого генерала и он строго взыщет с нас. С нас обоих, Бруннер, учтите это!.. Сделаем иначе. Утром мы повторим атаку. В бою вы держитесь позади Вернера и, улучив момент, стреляйте! Лучше в голову. Кто узнает, чья пуля поразила его... Но (*грозит пальцем*) об этом молчите, Бруннер! Будьте немы как могила! Я прошу вам трусость в разведке и представлю к Железному кресту первой степени.

Б р у н н е р. Слушаюсь, господин капитан! Будет исполнено.

Бруннер уходит. Спустя некоторое время появляется Луиза.

Луиза. Что случилось, Курт? Какой-то шум, громкие возгласы, движение. Даже в моей комнате слышно... И ты так взволнован...

Г и б л е р. Случилось такое, что может стоить мне головы, Луиза!

Луиза (*в ужасе*). Но что же, что произошло?!

Г и б л е р. Молчание, Луиза! Гробовое молчание... Оберлейтенант Вернер — изменник!

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Раннее утро. Огневая позиция тувинских пулеметчиков. Донгур-Кызыл — у пулемета. Монгул-оол ведет наблюдение. Самбал и Тумендей у землянки играют в «бык-шахматы».

С а м б а л (*делая ход*). Где Гитлер?.. А сейчас куда побежит? (*Напевает*). «СССР-ге семеп турар... Сеткилиниң улуун але...».

Т у м е н д е й. А в «бык-шахматы» не умеешь ты играть, родной! (*Делает ход*). Пошел к дверям Берт-Сырыг... Защищайся.

С а м б а л. Ух, Чилбыга! Нет, Гитлера я в Берт-Сырыг

не пушу! В степь его, в степь. Я покажу ему еще раз Сталинград.

Тумендей. Еще одну пешку у тебя срубил.

Самбал. Ой, проклятый Мангыс!..

Тумендей. А теперь что делать станешь?..

Самбал. Куда он пошел? В угол захотел.

Тумендей. Вижу, пешки у тебя лишние. Как бы ты «быка» не словил.

Самбал. Нет! Гитлеру — все! Я прижму его в угол. (Слышен близкий гул самолетов.) Слышишь, «мессеры» фашистские!

Тумендей. А вон и наши «ястребки» — навстречу.

Самбал. Ой, сейчас и дадут жизни! Атакуют, атакуют... Гляди, гляди! Один «мессер» задымил.

Тумендей. Второй — тоже носом в землю... Ура!..

Монгул-оол. Убегают, убегают фашисты...

Машут пилотками, кричат «Ура!». Гул самолетов стихает. Появляется Бичелмаа.

Бичелмаа (Донгур-Кызылу). Товарищ сержант! Правда, командир приказал отправить меня в тыл с тяжелоранеными?

Донгур-Кызыл. Да, есть такое приказание.

Бичелмаа. Это несправедливо! Я такой же боец, как и вы! Я не поеду в тыл.

Донгур-Кызыл. Не говори глупых слов. Ты не в Туве у родителей, в Улуг-Хеме. Приказ есть приказ!

Бичелмаа (в слезах). Как же я вас оставляю!..

Все окружают ее.

Донгур-Кызыл. Бой предстоит тяжелый. Все может быть! Ты среди нас одна девушка. Потому командир и приказал.

Тумендей (передавая письмо). Возьми! Письмо домой.

Донгур-Кызыл. От меня — тоже. (Передает).

Самбал. Поклонись родной Туве, Бичелмаа.

Подходит Бурзекей.

Бурзекей. Вы готовы, санинструктор Бичелмаа?

Бичелмаа. Прощаюсь с друзьями, товарищ командир.

Бурзекей. Проститесь, проститесь... Передадите от меня этот пакет капитану Кечил-оолу.

Бичелмаа. Слушаюсь!

Бурзекей (Донгур-Кызылу). Что показывает наблюдение?

Донгур-Кызыл. Налетали «мессеры». В селе движение, приглушенный гул моторов. Похоже, атака должна вот-вот начаться, товарищ командир.

Бурзекей (*взглянув на часы*). Нет. Рано. Сейчас они завтракают... Без команды не стрелять. Против танков — гранаты. Стоять, как приказано.

Монгул-оол (*достав бумагу*). Разрешите, товарищ командир? Я заявление написал, может, посмотрите?

Бурзекей. Читайте вслух.

Монгул-оол (*читает*). «*Партийной организации Тувинского добровольческого эскадрона. От бойца Монгул-оола. Заявление. Прошу принять меня в ряды Тувинской народно-революционной партии. Я родился в 1919 году. В моем родстве нет лам, шаманов и других вредных для народа элементов. Воюю с 1944 года. Боевые приказы выполняю, не жалея жизни. Клянусь сражаться до победы. Заявление написал Тулуш Монгул-оол.*

Бурзекей. Ну как, товарищи?

Голоса. Одобряем! — Поддерживаем! — Воюет честно!

Бурзекей (*Бичелме*). Передадите заявление заместителю командира по политической части Байыскылану.

Самбал. Эх, грустно провожаем мы девушку! Надо весело, с песней.

Бичелмаа. И правда... Можно, товарищ командир? Нашу любимую.

Бурзекей (*посмотрев на часы*). Можно...

Все поют:

От Родины вдалеке я,
если петь перестану.
Всегда со мной неразлучна,
помогает мне в пути —
песня о жизни и радости,
песня о Туве и России.
Жизнь моя и путь мой —
Россия, как Тува, мне дорога!
Если я в чужой стороне
забываю смех и горюю,
глаза мне радостью зажигает,
со мной всегда как талисман —
мне так близки и дороги
Тува и Русская земля!
Жизнь моя и радость моя,
Россия, как Тува, мне дорога!

Бурзекей. Да, друзья! Братство между тувинцами и русскими прочнее стали.

Незаметно подходят Вера и Иванов.

Бичелмаа (*прощаясь*). Успеха вам, друзья! Держитесь!..

Бурзекей. Добрый путь, Бичелмаа! Береги пакет.
Голоса. Счастливо, байырлыг!— Привет родным!..

Бичелмаа уходит.

Самбал (*увидев Веру, обрадованно*). Вера?! Бузурел!
Вера. Здравствуйте! Медку вам принесла...

Самбал. Ох, Вера! Зачем так рисковала. Передовая...

Вера. Мед хороший, вкусный.

Иванов (*Бурзекую*). Товарищ старший лейтенант! Разведчик первого эскадрона Иванов из вражеского расположения прибыл. Имею важные сведения.

Бурзекей. Пройдемте со мной.

Бурзекей и Иванов скрываются в землянке. Самбал и Вера отходят в сторонку. Остальные — у пулемета.

Самбал. Ах, Вера, Вера... Ну, не ждал! Как ты нас нашла?

Вера. Тропинку запомнила.

Самбал. А это что за парень с тобой пришел?

Вера. Разведчик, наш, русский. Из вражеского тыла пробрался. Ночью к нам пришел. Назвал меня по имени, сказал — от Вернера. Дядя мой сначала принял его сурово. Ночью они долго шептались, а поутру дядя велел отвести его к нашему командиру.

Самбал. Смотри-ка! И ты разведчицей стала.

Вера. А! Где там. Да кушай мед, кушай.

Самбал. О-о! Хы! Сладко... Не могу, Вера.

Вера. Почему? От чистого ж сердца...

Самбал. У нас такой обычай... сама видишь! Хотя обожди... (*Уходит, быстро возвращается*.) Вот — мыло! Четыре куска. Прими от нас.

Вера. Ой, мыло! Мы ж его давно не видим... Вот мамато обрадуется! А то стирает-стирает, и с глиной, и с песком...

Самбал. А теперь, Вера, иди! Скоро бой.

Вера. Ну, минуточку еще...

Самбал. Боюсь за тебя... Сильно боюсь... Переживаю.

Вера. Почему? Я не боюсь, а ты солдат.

Самбал. Не могу сказать... Эх, была не была... Полюбил я тебя...

Вера. Ну что ты, Самбал! Так не бывает.

Самбал. Раньше сам так думал. А вот... получилось.

Как увидел — все время о тебе думал... Война кончится, жив останусь, сватать тебя приеду.

В е р а. Не смейся надо мной. Не время для таких шуток.

С а м б а л. Какие тут шутки? Ураган! Буря на меня налетела. Верно говорю. Я — тувинец. Слово-клятву дал — никогда не обману.

В е р а. Ты хороший, Самбал! Ты нам с мамой жизнь спас. Спасибо тебе... Но не будем говорить больше об этом. Война... Знаешь, что, Самбал, а если я останусь здесь помогать?

С а м б а л. Нельзя, Вера! Атаку ждем.

В е р а (*неожиданно*). А я вот возьму да и останусь.

С а м б а л (*изумлен*). О-о! Как же так?!

В е р а. Я же видела у вас девушку...

С а м б а л. Бичелму? В тыл отправили. Раненых провожать.

В е р а. Помоги мне, Самбал! Попроси командира. Скажи — я за Бичелму останусь. Я перевязки умею делать...

С а м б а л. Нет, Вера! Ты, молоденькая, трудно тебе здесь будет.

В е р а. Я — комсомолка! Самбал, родненький, пойми. Вы из далекой Тувы пришли, жизни своей не щадите. А я? Я, русская девушка, тоже хочу сражаться. Знал бы ты, сколько ненависти в моем сердце... Не могу, не могу я в лесу прятаться!..

С а м б а л (*грустно*). Понимаю, Вера.

В е р а. Попросишь командира?

С а м б а л. Не согласится командир.

В е р а. Строгий?

С а м б а л. Справедливый. Мы его как старшего брата уважаем. Знаешь, почему он Бичелму в тыл послал? Жизнь ей сохранить хотел. Разве он возьмет тебя в смертный бой? Не девичье дело.

В е р а (*с горечью*). Эх, ты! А еще говорил: любишь... (*Шутливо*.) Раз так, не только свататься, а и на глаза мне показываться не смей. (*Отходит, не прощаясь, затем оглядывается*).

С а м б а л. Вера-а!.. Ну, пойми, пойми же... знаешь, на что мы идем?

В е р а. Знаю, Самбал. (*Подходит к Самбалу, целует его и убегает*).

С а м б а л (*вслед*). Не забудешь меня, Бузурелмаа?

В е р а. Не забуду! Береги себя...

Вера уходит. Самбал возвращается к своим.

Донгур-Кызыл (*громко*). Товарищ командир! Товарищ командир! Сюда... (*Из землянки выходят Бурзекей и Иванов*). Товарищ старший лейтенант! Из села вышли две машины. Сопровождают мотоциклисты с пулеметами.

Бурзекей (*наблюдая в бинокль*). Штабные автобусы? Непонятно... О! Фронтовые радиоустановки.

Донгур-Кызыл. Ушли за высотку... Может, незаметно подобраться, обстрелять?

Бурзекей. Зачем? Послушаем.

Донгур-Кызыл. Уговаривать будут?

Бурзекей (*усмехнувшись*). Должно быть.

Со стороны немцев — громкий бравурный марш.

Тумендей. Это что еще за музыка?

Монгул-оол. «Психическую» замышляют, что ли? Как на чапаевцев.

Самбал. Похоронный марш играют.

Музыка умолкает. Доносится голос Луизы.

Голос Луизы (*медленно, отдельно*). Друзья тувинцы! Вы — храбрые солдаты! Мы высоко ценим вашу отвагу. Германское командование предлагает вам перемирие. Мы не хотим напрасного кровопролития. Уходите спокойно, в порядке, с оружием и знаменами. Присоединяйтесь к вашим отходящим войскам. Огня открывать не будем, останемся на месте в течение суток. Торжественно обещаем вам выполнить свое слово.

Самбал. Хитра, подлюка!

Тумендей. Дураков ищет.

Голос Луизы. Я — немка, вы можете не поверить мне. Сейчас перед вами выступит ваш товарищ, тувинец по имени Тоютчук. Он добровольно перешел к нам на службу и подтвердит, что я говорю правду и только правду. Внимательно слушайте его!

Иванов. Тоютчук... Не может этого быть!

Тумендей. Знаю Тоютчука. Ушам не верю!

Монгул-оол. Неужто изменил?!

Самбал. Попадется — застрелю поганую тварь!

Снова — марш. Затем голос Тоютчука.

Голос Тоютчука (*очень возбужденный*). Братья, тувинские добровольцы! С вами говорит ваш товарищ, тувинец Тоютчук, родом из сумона Каа-Хема...

Монгул-оол. «Товарищ»... Изменник проклятый!

Самбал. Убью! Трижды убью! И на труп его плюну.

Г о л о с Т о ю т ч у к а. Мы с русским Федором Ивановым были посланы в разведку. Нарвались на засаду, были схвачены. Иванов погиб, не сказав ни слова. Я тоже не выдал военной тайны — клянусь! Фашисты хотят через меня успокоить вас, обмануть — не верьте! К ним подошло сильное подкрепление. Восемь танков. Две роты пехоты. Отряд мотоциклистов. Сейчас они кинутся на вас всеми силами — держитесь!.. Ох, они, видно, поняли... Немка подбегает с пистолетом. Мне конец!.. Прощайте, товарищи! Прощай, Родина...

Радио доносит выстрел. Все облажают головы.

Б у р з е к е й. Погиб Тютчук... Погиб как герой...

И в а н о в. Как настоящий разведчик!

С а м б а л. А я, дурная голова, ругал его, убить грозился. Перед кем теперь прощенья просить?

М о н г у л - о о л. Письмо писать некогда, отправить не с кем. Обещаем друг другу: кто в живых останется, пусть не забудет подвига Тютчука. Известит родных, сообщит командованию. Тютчук достоин памяти в народе...

В с е. Верно! Правильно, товарищ командир!..

Д о н г у р - К ы з ы л (*не оставлявший наблюдения*). Товарищ старший лейтенант! Справа показались три фашистских танка. За ними группа автоматчиков.

Б у р з е к е й (*взяв бинокль*). Вслепую идут, обстановки не знают. Дажы-Серен еще ночью сменил позицию, устроил им засаду.

М о н г у л - о о л. Охо, там они найдут могилу!

Т у м е н д е й. У Дажы-Серена — все охотники. Не промажут.

Д о н г у р - К ы з ы л. Прямо против нас два танка и пехота.

Б у р з е к е й. Вижу.

С а м б а л. На дороге мотоциклисты. С пулеметами... Один, два, три... семь... десять...

М о н г у л - о о л. Долго мы ждали дорогих гостей.

С а м б а л. Эх, руки чешутся!..

Б у р з е к е й. Спокойно, спокойно! Подпустить как можно ближе. И — кинжальный огонь! В упор! На полную ленту. Важно отсечь их пехоту от танков. Противотанковых гранат достаточно?

Д о н г у р - К ы з ы л. Считаю — хватит.

Б у р з е к е й. Сержант — за пулемет! Тумендей — ленты! Остальным стрелять по-охотничьи, на выбор.

Все занимают свои места. Фашисты начинают атаку. Слышен скрежет танков, гул моторов, пулеметная и автоматная трескотня, командные выкрики, разрывы снарядов.

затемнение.

Снова — свет.

Бурзекей. Первая волна отхлынула, надо ждать второй. Два танка, что отошли влево, за горку. Видели? Это опасно.

Иванов. Без пехоты не пойдут. А если что — встретим.

Бурзекей. Сержант Донгур-Кызыл! Держать под наблюдением вон ту ложбинку на левом фланге. Покажутся танки — дайте красную ракету. Я проверю другие расчеты. *(Уходит)*.

Тумендей *(с биноклем)*. Ой, сколько мы их опять наворочали! Целая рота легла, не меньше.

Иванов. Война, браток! Не мы их — они нас.

Самбал *(внезапно)*. Что такое?! Фашист ползет. Должно быть, разведчик... Сейчас я его... *(Прицеливается)*.

Иванов. Стой, не стреляй!.. *(Успеваает толкнуть Самбала под руку. Тот, промахнувшись, горячится)*.

Самбал. Тебе что, фашиста жалко?! Отойди!

Иванов. Не видишь — он ранен. И белым чем-то машет. Он в плен сдается. Соображаешь?

Тумендей. Не шуми, Самбал, Федор прав.

Иванов *(взяв бинокль)*. Постой, постой... Мать честная! Да это же Вернер! Он меня из-под расстрела спас... Иду на выручку! А вы огнем прикройте, если что... *(Исчезает)*.

Тумендей *(рассудительно)*. Не все немцы — фашисты. Есть и неплохие. Гитлер обманул германский народ, в этом все дело.

Монгул-оол. Про Вернера и русская девушка хорошо говорила. Бежать ей помог.

Самбал *(сокрушенно)*. Виноват, друзья, признаю! Убить ведь мог запросто... Характер у меня... неважный.

Тумендей. А ты сперва думай, потом делай. Сдерживай себя. А так, знаешь...

Самбал. Ты молодой, Тумендей. А говоришь как мудрец. Откуда такого набрался?

Тумендей. В городе жил. На заводе работал. Там и в партию нашу вступил. Кое-что соображать стал... Ясно?

Монгул-оол. Ясно. Я вот тоже заявление написал. Как думаешь, Тумендей, примут меня в партию?

Тумендей. Отчего не принять? Ты боец честный. Молодой. Грехов больших не нажил.

Монгул-оол. Наград у меня нет! Хоть бы медаль какую... В партию идти — надо подвиг совершить, верно?

Тумендей. А то, что мы делаем, как считаешь? Вся война — подвиг народный...

Монгул-оол. То общий подвиг. А я хочу свой.

Тумендей. Успеешь и свой. Ты много не думай об этом, а воюй крепче — и все.

Иванов тащит обессилевшего Вернера. Все окружают их.

Иванов (*тормоша Вернера*). Эрнст! Приди в себя... Куда ранило? Да что ты как немой, скажи что-нибудь... Я — Федор! Узнаешь?

Вернер (*заикаясь*). Федор... Зз-наю... Рад!

Иванов. Что с тобой?

Вернер. Конту-жен... Сзз-ади... В голову.

Иванов. Свои, что ль, стреляли?

Вернер. Сс-вои... Фашисты.

Иванов. Эх, Вернер, Вернер! Говорил я тебе... Жизнью долго не наиграешься! Ну, двинем в землянку, отдохни...

Тумендей. По нашему обычаю, угостить сперва... В землянке консервы, хлеб, водка есть.

Иванов. О, Эрнст, сейчас примешь граммов полтораста, закусишь — и будешь как новенький.

Иванов, поддерживая Вернера, скрывается в землянке.

Монгул-оол. Ай, Федор! Ну молодец! На глазах геройский поступок совершил. (*Помолчав.*) И никто ведь об этом не узнает.

Тумендей. Федор болтать не любит. Хотя, говорят, орденов у него больше, чем у самого командира полка.

Донгур-Кызыл (*тревожно*). Слева — танк! Из-за горки... (*Пускает ракету.*) Приготовить гранаты! (*Монгул-оол, взяв две противотанковые гранаты, взбирается на бруствер.*) Куда?! Без команды?

Монгул-оол. Нельзя подпустить! Сомнет... (*Скрывается*).

Тревожное ожидание. Близо — пулеметная очередь.

Тумендей. Ну чего медлит? Бросай же, бросай!..

Самбал. Упал... Убит.

Донгур-Кызыл. Нет, поднялся... Шатается...

Тумендей. Ох, прямо под танк... Все!

Близо — гулкий взрыв. Появляется встревоженный Бурзекей. Из землянки выходят Иванов и Вернер.

Бурзекей. Танки?..

Донгур-Кызыл. Слева выполз. Рядовой Монгул-оол

пошел навстречу. Раненый, собрав последние силы, он бросился под гусеницы. Танк подорвал. Сам погиб.

Бурзекей (*снял фуражку*). Настоящий боец...

Тумендей. Перед этим о приеме в партию говорил...

Бурзекей. Погиб как коммунист.

Донгур-Кызыл (*негромко*). Как там у наших, товарищ командир?

Бурзекей. Первый расчет погиб. Снаряд разорвался возле пулемета. Смертью храбрых пали Кошкар-оол, Самбу, Балчий-оол... Теперь из нас, одиннадцати тувинских пулеметчиков, только вот четверо осталось.

Молчание. Подходят Иванов и Вернер.

Иванов. Товарищ старший лейтенант! Это — Вернер. Я вам о нем докладывал. Едва ушел от смерти.

Бурзекей. Здравствуйте, господин обер-лейтенант!

Вернер. Зачем господин? Геноссе-товарищ!

Бурзекей (*пожимая ему руку*). Спасибо за помощь! Сожалею, не могу принять вас должным образом.

Вернер. Вы задержали продвижение... двое сутки... Вифиль? (*Показывает на часы.*) Сколько еще?..

Бурзекей. Сколько нужно.

Вернер. Как понимать?..

Бурзекей. До приказа.

Вернер. О-о, браво!.. Что могут? Машиненгевер? Пулемет?..

Бурзекей. Нет, в штабе вы нужнее... Иванов!

Иванов. Слушаю, товарищ старший лейтенант!

Бурзекей. Проводите товарища Вернера в штаб полка. Не рискуйте зря, он человек ценный. Полоска позади нас простреливается. Вы — бывалый солдат, разведчик. Я на вас надеюсь.

Иванов. Выполню, товарищ старший лейтенант, не сомневайтесь. Потом разрешите обратно?

Бурзекей. Не могу разрешить.

Иванов. Почему?

Бурзекей. Вы из другого подразделения.

Иванов. Товарищ командир! Сказали бы прямо: жалую, мол...

Бурзекей (*тихо*). Мы... сами понимаете. Ваша помощь еще понадобится... командованию.

Иванов (*так же*). Может, попросить пополнения?

Бурзекей. Полк еще не закрепился на позиции.

Иванов. Что доложить устно?

Бурзекей. Доложите, что видели. Не забудьте рассказать о подвиге Тоютчука и Монгул-оола. Передайте — держимся.

Иванов. Ну, солдатского счастья вам!..

Бурзекей. Взаимно, Федор!..

Иванов (*ко всем*). До встречи, братцы! Лупите фрицев. А там, глядишь, и подмога подойдет.

Тепло прощаются. Иванов и Вернер уходят. Вернер, уже издалека:
«До свидания! В Бер-лине».

Самбал. Удивительный какой немец оказался, а?!

Тумендей. Я говорил: среди них и хорошие люди есть.

Бурзекей. Вернер — антифашист. Их, уверен, немало там... Многих война научит.

Самбал. Долго что-то они учатся. Я в школе первый хулиган был, и то во всем разобрался.

Донгур-Кызыл. Товарищ командир... Телефон!..

Бурзекей спешит в землянку.

Самбал. Притихли фашисты.

Тумендей. Темноты бы дожждаться. Ночью они не воюют.

Донгур-Кызыл. Тишина на фронте — дело обманчивое.

Бурзекей (*выйдя из землянки, ко всем*). Дажы-Серен снова сменил позицию. Теперь он рядом.

Донгур-Кызыл. Так это хорошо, товарищ командир.

Бурзекей (*озабоченно*). Фланг обнажается. И потери у них... Пушку танк раздавил, люди погибли.

Тумендей. Теперь вы старший командир.

Бурзекей. Да, так получается.

Донгур-Кызыл. Товарищ командир! Танк слева...

Бурзекей. Внимание! Гранаты...

Донгур-Кызыл. Скрылся... Монгул-оол нагнал им страха.

Бурзекей. Это — второй из трех. Он в ловушке. Позади болото, а с фланга мы.

Донгур-Кызыл. Снова выходит...

Бурзекей. Огонь! Бейте по смотровым щелям.

Донгур-Кызыл (*с досадой*). Спрятался...

Неожиданно близко вспышка пламени и дым. Гулкий разрыв. Все бросаются на землю.

Бурзекей. Заметил...

Неподалёку — второй разрыв.

Донгур-Кызыл (*негромко*). Расстреляет он нас, товарищ командир. Видите, как действует? Выставит пушку — раз! — и назад.

Бурзекей (*раздумывая*). Дажы-Серен не достанет. Танк в укрытии... Придется...

Самбал (*выходя вперед*). Я пойду!

Тумендей (*отталкивает его*). Куда?! Характер горячий. (*Бурзекю.*) Разрешите? Я его сбоку, ужом проползу. Поднимусь на пригорок и сверху...

Бурзекей. Правильно, Тумен! В борт или в моторную часть...

Тумендей. Под горку гранаты сами скатятся.

Взяв связку гранат, осмотревшись, уползает.

Бурзекей (*Донгур-Кызылу*). Прикрывайте! Покажется танк — бейте. Чтобы из башни не могли выглянуть.

Самбал (*наблюдая*). Огибает, огибает... Ух, хорошо рабоботаете!

Бурзекей. Уполз за пригорок... Не видят.

Донгур-Кызыл. Танк!..

Бурзекей. Огонь!..

Донгур-Кызыл стреляет из пулемета. Пушечный выстрел. Разрыв. Но уже дальше.

Самбал. Неприцельно бьет.

Бурзекей. Осторожничают.

Донгур-Кызыл (*прекратив огонь*). Ушел.

Ожидание. За пригорком — короткая пулеметная очередь. Затем два приглушенных взрыва.

Самбал. Смотрите, смотрите... Горят фашисты!

Донгур-Кызыл. Выскочили... Трое... Уходят, уходят!

Бурзекей. А ну, покажем им класс тувинской стрельбы.

Донгур-Кызыл бьет из пулемета. Бурзекей и Самбал — из винтовок.

Донгур-Кызыл. Шлепнули всех троих.

Самбал. Не шевелятся...

Бурзекей. Где же Тумен?..

Самбал (*обрадованно*). Да вон бежит! Ишь, из стороны в сторону козлом прыгает.

Донгур-Кызыл. За голову держится. Ранен?..

Самбал. Раненый так скакать не может.

Доносится сильный взрыв. Вспышка пламени.

Донгур-Кызыл. Взорвался танк. Снаряды, горючее.

Бурзекей. Молодец, Тумен! Из восьми танков пяти нет. Счет получается приличный.

Самбал. Вот он... Давай, Тумен, давай!..

Появляется Тумендей, лицо его окровавлено. Самбал помогает ему спуститься в траншею.

Бурзекей. Ранен? В голову? В шею?..

Тумендей. Пол-уха оторвал, фашист проклятый.

Бурзекей. Самбал! Воды! Пакет... В землянке все есть... *(Скрывается в землянке).*

Самбал льет из фляжки, Тумендей омывает кровь. Подходит Вера.

Вера. Самбал! Голубчики вы мои... Живы!

Самбал. Бузурелмаа... Ты?! С неба, что ли?..

Вера. Я здесь в воронке спряталась. Слышу — бой кончился... Ой, что это с ним?! Бинт есть?.. *(Хлопочет.)* Сейчас я, сейчас, потерпи, родненький. Ваты бы надо, йоду.

Выходит Бурзекей с санитарной сумкой. Вера, выхватив у него сумку, роется в ней.

Бурзекей *(удивлен)*. Вы здесь, девушка, зачем?!

Вера. Не мешайте! Дело делаю.

Самбал *(просительно)*. Боя нет, пусть пока... Девичьи руки нежнее.

Вера. Так... Промыла... Сейчас йодом зальем.

Тумендей. Скажи, родная: напрочь ухо?

Вера. Да что там! Чуть-чуть с краешка. И крови совсем мало... Йод... Немножко больно будет.

Тумендей *(пугая ее)*. Ую-ю-юй!..

Вера. Терпи, не маленький... Так... Потом — так... Еще раз... *(Быстро и умело бинтует.)* Не туго? Хорошо слышно?

Тумендей *(шутит)*. Голосок приятный.

Вера. Все! До свадьбы заживет.

Тумендей. Какая уж теперь свадьба с рваным ухом!..

Бурзекей. Спасибо, Вера! А теперь — домой. Дорогу знаете?

Вера. Я не уйду.

Бурзекей. Как так «не уйду?!».

Вера. Не уйду — и все!..

Бурзекей. Я вам приказываю.

Вера. А я не военная. Я — гражданская оборона.

Бурзекей. Самбал, проводите девушку!

Вера. Товарищ командир! Ну я прошу вас... Как вы не понимаете?.. *(Плачет).*

Самбал. Давайте оставим, командир, девушку. Гражданская оборона — фронту подмога.

Бурзекей, махнув рукой, отходит к Донгур-Кызылу.

Донгур-Кызыл (*показывая*). В селе печи дымат. Костры на улицах. К чему бы среди дня?! Обед, что ли, готовят. Перерыв.

Бурзекей. Обедают они аккуратно.

Вера (*улышав*). И вам пообедать давно уже пора. (*Расстилает чистое полотенце.*) Покушайте, родненькие, пока тихо. Вот я вам меду еще принесла... Ягоды... Хлеба у нас...

Самбал приносит из землянки консервы, хлеб.

Самбал. Разрешите, товарищ командир? Может, и вы с нами.

Бурзекей (*занятый наблюдением*). Потом...

Донгур-Кызыл. Машина легковая идет... Видите? Вышли двое... Нет, трое... Офицеры, кажется, — погон блеснул.

Бурзекей. В бинокль смотрят. Солнце отразилось.

Донгур-Кызыл. Эх, не достанет пулемет! Далеко... Может, Дажы позвонить? Он их накроет.

Бурзекей. У Дажы-Серена — бронебойные. Не годятся.

Донгур-Кызыл. Тогда разрешите попробовать? Попластунски, до правой малой высотки. Я охотник, стреляю не хуже вас.

Бурзекей. Рискованно, сержант.

Донгур-Кызыл. Особого риска нет, товарищ командир. Фашисты обеда ждут — не выстрела. Добыча богатая — офицеры.

Бурзекей. Что ж, попробуйте. Если заметят — сразу назад.

Донгур-Кызыл, проверив винтовку, исчезает.

Самбал (*Тумендею*). Как же тебя, такого ловкого, зацепило?

Тумендей. Я выглянул с горки — фашист тоже из башни поднялся, осматривается. Заметил, башню захлопнул — и тр-р-р.. Чувствую кровь, а боли нет. Отполз немножко, поднялся: одну бросил, другую... Взрывы, дым, мотор заглох. За дымом они и скрылись.

Самбал. Далеко не ушли. (*Меняя тему.*) А это что за лекарство в бутылке?

Вера. Дядя прислал. Для аппетита.

Самбал. Охо! И ты пьешь это лекарство?

Вера. Запаха не выношу.

Тумендей. Значит, хорошая жена из тебя получится. После войны приедешь к нам в Туву?

Вера (*взглянув на Самбала*). А что? Может и приеду.

Затемнение. Поворот круга. Поле, изрытое снарядами. Гиблер рассматривает в бинокль позиции тувинцев. С ним — Луиза и Бруннер.

Гиблер. Не могу определить, где они окопались... Вижу подбитые танки и... никаких признаков противника! Эти монголы — везде и нигде.

Бруннер. Они меняют позиции, господин капитан... Азиатская хитрость!..

Гиблер. Какие же цели я могу указать полковой артиллерии? Бить по квадратам? Это поле уже усеяно металлом и свинцом... Позор... Какой позор! Отбиты две наши атаки. Пять танков потеряно. Продвижение остановилось... О жертвах даже докладывать опасно — можно потерять голову.

Луиза. Успокойтесь, господин капитан! Солдаты подкрепятся, отдохнут и к вечеру сметут этих азиатов, как мусор.

Гиблер. Не говорите мне об азиатах. Один из них просто не выходит у меня из головы. Варвар, дикарь, едва ли не пещерный житель обвел — с вашей помощью, фрейлейн, — меня вокруг пальца. Меня! Офицера великой Германии!

Луиза. Он мертв, господин капитан! И ваши часы снова у вас на руке.

Гиблер. Плевать на часы! И еще этот Вернер. Подлый изменник, он выдал русским все наши планы и сосредоточение сил... (Бруннеру.) Где его труп? Покажите!

Бруннер. Это совсем близко от их позиций... Опасно, господин капитан! Они превосходные стрелки.

Гиблер. Ведите! Я хочу убедиться, что он мертв.

Бруннер. Майн готт! Вы мне не верите?!

Гиблер. Я теперь самому себе не всегда верю.

Бруннер (в отчаянии). Я стрелял ему в голову... Сам видел: череп разлетелся на куски.

Луиза. Стоит ли подвергаться опасности, господин капитан? После атаки мы найдем его тело.

Гиблер (упрямо). Вперед!..

Отдаленный выстрел. Гиблер, схватившись за грудь, оседает на землю.

Луиза (ошеломлена). Что это?! Господин капитан... Курт!.. О-о, кровь... (В ужасе.) Он убит!..

Бруннер (озираясь). Снайперский выстрел.

Луиза (овладев собой). Берите его, Бруннер! Держите за плечи... Надо отнести к машине!..

Второй выстрел. У Бруннера слетает пилотка.

Бруннер. Невозможно, фрейлейн! Нас перестреляют как кур...

Луиза (*выхватив пистолет*). Тащите, жалкий трус! Иначе ляжете с ним рядом.

Пытаются тащить.

Бруннер. Не могу больше. Я позову шофера, он крепкий парень... Айн минут!..

Луиза. Быстрее, Бруннер! Как можно быстрее... (*Бруннер удаляется. Одна.*) Курт! Это рок... Смерть занесла над нами свое черное крыло.

Появившийся недалеко Бруннер, стреляет ей в спину. Луиза, не вскрикнув, падает как подкошенная. Бруннер скрывается.

Затемнение. Поворот круга. Снова — позиция тувинских пулеметчиков. Фашисты ведут ожесточенный артобстрел. Разрывы совсем рядом. Донгур-Кызыл укрылся за щитком пулемета. Тумендей, согнувшись, прижался к стенке траншеи. Самбал прикрывает собою Веру.

Самбал. Эх, Вера, Вера... не ушла ты вовремя! Не послушалась.

Вера. Все равно кругом смерть.

Самбал. Беги — в землянке пережди.

Вера. Одной страшнее.

Самбал. Пропадешь — боюсь.

Вера. Уж если пропадать — так вместе.

Грохот разрывов отдаляется, затем стихает. Появляется Бурзекей.

Бурзекей (*нарочито бодро*). Живы?..

Донгур-Кызыл (*в тон*). Так точно! Расчет к бою готов.

Бурзекей (*тихо*). Связь с полком?..

Донгур-Кызыл. Нет.

Бурзекей. Дажы-сереновцы разгромлены. Пушки разбиты. Дажы пал смертью героя. Правый фланг открыт.

Донгур-Кызыл. Одни остаемся, товарищ командир?

Бурзекей. Одни, сержант.

Донгур-Кызыл. Что ж! Кому что на роду написано...

Бурзекей (*заметив Веру*). Вы еще здесь?!

Вера. А где же мне быть?

Бурзекей (*Самбалу*). Почему не отправили домой?

Самбал. Обстрел начался. Не успели.

Бурзекей. Как же мне с вами? В лес не пройдете, все простреливается. Здесь — опасно... Вера! Послушайтесь меня. Укройтесь в землянке и не выглядывайте. А когда все (*замывшись*)... ну, когда бой стихнет, без оглядки бегите в лес, домой. Иначе... Вы меня поняли?

Вера (*горестно*). Я все поняла, командир. (*Понурившись, уходит в землянку.*)

Самбал. Значит, все... конец, командир?

Тумендей. Не думай о смерти, Самбал. Ее нет! Нас не будет, другие придут. Жизнь лучше станет. Без войны и крови.

Донгур-Кызыл (*громко*). Фашисты поднялись в атаку! Идут густыми цепями. Танки обходят справа.

Сперва отдаленно, затем все ближе, ближе накатывается волна огня и грохота. Орудийные выстрелы, пулеметная и автоматная стрельба — все сливается в бешеном реве атаки.

Бурзекей. Друзья! Назад дороги нет. Помощи ждать неоткуда. Простимся как братья и умрем героями! Может, когда и вспомнят о нас люди.

Тувинцы, с гранатами в руках, поднявшись на бруствер, идут на врага. Затемнение. Свет. Из полуразрушенной землянки выбирается Вера. Осматривается.

Вера. Самба-ал! Туме-ен!.. Все... И сержант, и командир... Одна осталась! Командир пожалел меня... Как же мне теперь?

Опустившись на колени у тела Самбала, горько плачет. Появляется мать Веры.

Мать. Вера! Где ты?..

Вера. Я здесь, мама.

Мать. Все сердце ты мне истерзала! Думала — убили... Бой кончился?

Вера. Все кончилось, мама.

Мать. Господи, убили... Все?! Один вроде дышит... (*Склоняется над Бурзекеем*).

Вера. Самбал... Я клянусь... клянусь тебе! Никогда, никогда я тебя не забуду! (*Сняв косынку, прикрывает его лицо*.) Спи, родной! Пусть примет тебя русская земля.

Мать (*Бурзекее*). Сыночек! Сказать что-то хочешь?..

Бурзекей. Подними меня, мать... Немножко... Где наши?

Залп «катюш». Неудержимое русское «Ура-а!»

Мать. Наши! Слышишь — «Ура» кричат.

Бурзекей (*еле слышно*). Выстояли... Победа. (*Затихает*).

Музыка. Гремит мелодия «Священной войны». Она переходит в тувинскую песню «К бою!»

Занавес.

ТУВИНСКИЙ ЭСКАДРОН

1.

В октябре 1943 года 8-я гвардейская кавалерийская дивизия имени Ф. М. Морозова вышла из боя в резерв Западного фронта. 10 ноября командира Кубано-Черноморского казачьего полка полковника Е. А. Попова вызвали в штаб дивизии. В кабинете комдива находился незнакомый полковнику капитан — смуглый и скуластый, с узким разрезом живых карих глаз.

— Знакомьтесь, товарищ капитан,— обратился к нему командир дивизии генерал-майор Д. Н. Павлов.— Это командир вашего полка.

— Командир первого добровольческого тувинского отряда капитан Кечил-оол Тулуш Балдан,— представился капитан.

Пригласив офицеров сесть, комдив сказал:

— Правительство Тувинской Народной Республики направило на фронт 200 кавалеристов-добровольцев, выразивших желание сражаться с нашим общим врагом — немецкими фашистами. Восемь офицеров, 23 сержанта, 169 рядовых¹. Генерал-полковник О. И. Городовиков сообщил, что добровольцы прошли хорошую подготовку в запасной кавалерийской бригаде, но боевого опыта у них пока нет. Отряд решено включить в 31-й гвардейский Кубано-Черноморский полк в качестве четвертого эскадрона. У вас в полку опытный, закаленный народ. Надеюсь, казаки помогут товарищам тувинцам быстро встать в строй. Но учтите — времени для занятий мало. Скоро в бой...

12 ноября гвардейцы приняли в свою семью новое пополнение. Командир дивизии поздравил с вступлением тувинцев в состав прославленного полка и зачитал письмо в адрес секретаря Центрального Комитета Народно-Революционной партии ТНР С. К. Тока: *«...Мы выражаем тувинскому народу искреннюю признательность и чувство высокой благодарности за воспитание и подготовку бойцов и офицеров Народно-Революционной Армии... Нет оснований не думать о том, что в ходе первых же боев за советскую Родину бойцы и офицеры этого отряда прославят с честью советское оружие и проявят еще более высокие качества, качества героев и патриотов своей страны и советской Родины»².*

¹ Архив МО СССР, ф. 31-го гв. кав. полка, оп. 123273 с, д. 1, л. 1.

² Архив МО СССР, ф. 8-й гв. КД оп. 572372-с, д. 1, л. 122.

В ответном слове командир эскадрона заверил командование дивизии и товарищей по оружию, что добровольцы с честью выполнят наказ своего народа — не посрамить прославленное в веках русское оружие и не уронят боевой славы гвардейцев-морозовцев.

На другой день тувинцы включились в боевую подготовку. Кавалеристы быстро убедились, что их новые товарищи хорошо стреляют и владеют клинком, умело действуют в строю. Казаки с гордостью рассказывали бойцам 4-го эскадрона о славном боевом пути дивизии, который начался в 1919 году в рядах 1-й конной армии. Мощные удары красных конников испытали на себе Деникин и белополяки, Врангель и Махно. Во главе эскадронов 11-й кавдивизии ходили в атаку прославленные буденовцы — начдив Ф. М. Морозов, комиссар К. И. Озолин и П. В. Бахтуров, легендарный Олеко Дундич. Кубано-Черноморскому казачьему полку вручил за боевые заслуги Красное Знамя М. И. Калинин. Со времен гражданской войны прижилась в эскадронах песня, сочиненная перед выступлением 1-й конной армии на врангелевский фронт донским казаком, военным комиссаром Павлом Бахтуровым. Бойцы переиначили лишь одно слово:

Из-за леса, из-за дальних темных гор
наша конница несется на простор,
на просторе хочет силушку собрать,
чтоб последнюю фашистам битву дать.

29 октября 1920 г. Бахтуров и Федор Морозов погибли в одном бою...

В двадцатые годы морозовцы вели борьбу с кулацкими бандами и басмачами, в 1939 году участвовали в освобождении Западной Белоруссии. «Черной тучей» называли фашисты воинов 11-й кавалерийской дивизии имени Ф. М. Морозова, которая прошла фронтовыми дорогами Брянского, Воронежского, Центрального фронтов и в январе 1943 года стала 8-й гвардейской.

Затаив дыхание, слушали тувинцы рассказ о подвиге Героя Советского Союза гвардии старшего сержанта Тимофея Курочкина, который при взятии города Валуйки закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, о девятнадцатилетней комсомолке командире сабельного взвода гвардии лейтенанте Евдокии Сытник, погибшей под Харьковом, о тяжелых боях под Спас-Доменском и Старыми Луками.

В свою очередь бойцы 4-го эскадрона, владевшие русским языком, рассказывали гвардейцам о своей земле, о том, как народ Тувы трудится для победы над фашизмом, о проводах

добровольцев в Кызыле, походном марше через Саяны, боевой учебе в городе Коврове.

12 декабря командир дивизии провел полковые учения на тему: «Наступление усиленного кавалерийского полка». 4-й эскадрон успешно взаимодействовал с другими подразделениями полка.

15 декабря дивизия в составе 6-го гвардейского кавалерийского корпуса выступила в поход. Предстояло в конном строю пройти из Смоленской области на Украину — почти тысячу километров и прибыть в распоряжение командования 1-го Украинского фронта, готовившего Ровно-Луцкую наступательную операцию¹.

На первом этапе марша погода благоприятствовала движению — держался небольшой мороз, по накатанной зимней дороге легко двигался санный транспорт. Боевая учеба не прекращалась и во время марша. На дневках во всех полках с личным составом изучали сближение кавалерийского полка с противником под артиллерийско-минометным и дальним пулеметным огнем и наступление усиленного сабельного эскадрона в составе кавалерийского полка в пешем строю².

С 24 декабря погода резко изменилась. Пошел дождь, снег стаял, обнажились камни, земля, песок. Стало невозможным движение на санях. Марш усложнялся еще тем, что полки двигались только ночью. Лошади выбились из сил и бойцы спешились. То и дело приходилось на руках вытаскивать из грязи застрявшие орудия и повозки. Временами дул холодный северный ветер, дороги покрывались коркой льда. Падали кони, падали бойцы, но поднимались и упорно двигались вперед. *«...Трудности невероятные,— писал в те дни один из участников марша,— но высокий моральный дух гвардейцев является их внутренним двигателем. Люди живут одной мыслью — победой»*³. Тувинцы стойко преодолевали все трудности. Несмотря на такие тяжелые условия полк проходил в сутки от 30 до 65 километров.

В эти дни бойцы эскадрона собственными глазами увидели, с каким жестоким и беспощадным противником им предстоит встретиться. В Смоленской области и в юго-восточных районах Белоруссии, через которые проходил марш дивизии, в Житомирской и Ровенской областях Украины почти все населенные пункты были сожжены фашистами, население угнано на запад или перебито. Немногие уцелевшие жители рассказывали об истязаниях, пытках и массовых убийствах,

¹ Архив МО СССР, ф. 8-й гв. кд., оп. 572372-с, д. 1, л. 26—28.

² Архив МО СССР, ф. 8-й гв. кд., оп. 123279, д. 19, л. 44.

³ Архив МО СССР, ф. 8-й гв. кд., оп. 593743-с, д. 1, л. 23.

чинимых карателями, о страшных лагерях смерти, о грабежах и издевательствах оккупантов над советскими людьми. Гневом и ненавистью наполнялись сердца воинов.

Заместитель командира эскадрона по политчасти гвардии старший лейтенант Монгуш Байскылан сказал:

— У фашистов танки, пушки, самолеты, автоматы. Но советское оружие сильнее фашистского, советские солдаты храбрее гитлеровских. Вместе с нашими братьями мы будем бить кровавого Гитлера еще крепче, чем били наши предки кровавого Сенгин-чангы!

В ночь под новый 1944 год части дивизии облетела радостная весть: войска 1-го Украинского фронта освободили областной центр Житомир и более 150 населенных пунктов. Враг откатывался на запад. Добрые вести придавали силы усталым бойцам.

К 28 января 1944 года 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса сосредоточились в лесах юго-восточнее города Сарны.

Здесь командиру дивизии и начальнику политического отдела было вручено ответное послание секретаря Центрального комитета Тувинской Народно-Революционной партии, Председателя Совета Министров ТНР и заместителя председателя президиума Малого Хурала республики.

От имени тувинского народа она выражала сердечную благодарность командованию и всему личному составу соединения за оказанное доверие добровольцам.

Руководители республики писали: *«...Тувинский народ, посылая своих сыновей и дочерей добровольцами на фронт, дал наказ: беспощадно истреблять немецких захватчиков, по примеру того, как это делают героические воины Красной Армии.*

Мы, тувинцы, никогда не забудем того, как двадцать два года назад великий русский народ протянул руку братской помощи и тувинский народ получил свободу и независимость. Теперь сыны тувинского народа готовы, не щадя крови и жизни, драться за свободу и независимость великого русского народа... ..В дни жестоких битв и суровых испытаний великого советского народа, тувинский народ в полную меру своих сил оказывает помощь фронту».

В послании выражалась уверенность, что *«...гвардейское соединение покроет себя новыми и новыми славными подвигами на поле брани с гитлеровскими захватчиками»*¹. Монгуш Байскылан зачитал послание личному составу эскадрона. Бойцы заверили командование, что в предстоящих боях с врагом они оправдают доверие своего народа.

¹ Архив МО СССР, ф. 8 гв. кд., оп. 572372с, д. 1, л. 136.

После наступательных операций в декабре 1943 г. и в первой половине января 1944 г. войска 1-го Украинского фронта временно перешли к обороне на участке от Столина до Канева. На правом крыле фронта, в районах Южного Полесья, действовала 13-я армия. Войска ее нависли над левым крылом вражеской группы армий «Юг», угрожая ей ударом с севера¹.

На основании указаний Верховного Главнокомандования, командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин решил провести Ровно-Луцкую наступательную операцию. Цель ее заключалась в том, чтобы разгромить противника в районе Ровно, Луцк, выйти из лесисто-болотистой местности и овладеть важным в оперативном отношении районом Ровно, Луцк, Шепетовка для нанесения в последующем глубокого удара на Черновцы.

Решающая роль отводилась 13-й армии под командованием генерал-лейтенанта Н. П. Пухова. В состав этой армии на период операции и вошли оба гвардейских кавалерийских корпуса. Им предстояло нанести удар по тылам противника.

8-я гвардейская кавалерийская дивизия получила задачу: выйти в тылы Ровенской группировки врага и наступать на город Ровно².

В 4 часа утра 30 января дивизия двинулась на врага. И снова природа ставила перед гвардейцами новые и новые преграды.

Зима 1944 года на Украине была необычно теплой. В январе в основном держалась плюсовая температура, шли дожди. Грунтовые дороги Южного Полесья превратились в массу вязкой непролазной грязи. Вначале полки двигались походными колоннами, но около 10 часов утра авангардный 29-й гвардейский Кубанский кавполк был остановлен огнем противника. После короткого боя гитлеровцы отошли к сильно укрепленному опорному пункту — селу Деражно.

Полковник Попов вызвал командира 4-го эскадрона.

— Вот и настало время принять боевое крещение вашим бойцам, товарищ Кечил-оол. Противник держится крепко, но его необходимо выбить. Ваш эскадрон пойдет в головном отряде. Действуйте смело, но не увлекайтесь. Берегите людей!

Весь день 31-й и 33-й Терский гвардейские кавполки вели бой за Деражно. В ночь на 31 января кубано-черноморцы овладели северо-западной окраиной села, но дальше продвинуться не смогли. Чувствовалось, что противник держится из

¹ И. М. Белкин. 13-я армия в Луцко-Ровенской операции 1944 г., М., 1960, стр. 8.

² Архив МО СССР, ф. 8-й гв. кав. дивизии, оп. 123279, д. 19, лл. 61, 62.

последних сил. Еще одно усилие — и его сопротивление будет сломлено.

В 2 часа 4-й эскадрон стремительно атаковал село. Первым поднял свой взвод в атаку старший лейтенант Монгуш Сат. Получив ранение, он остался в строю. Вторая пуля сразила его. Смертью храбрых пали в этом бою старшина Тулуш Сундуй и рядовой Оюн Куржалай Талчин¹.

К утру после ожесточенного боя остатки фашистского гарнизона бежали, потеряв до 150 солдат убитыми. Местные жители рассказали, что на санитарные машины гитлеровцы погрузили не менее 150 раненых. Гвардейцам достались трофеи: 14 грузовых и 7 легковых машин, бронетранспортер, 2 танка, 3 мотоцикла, 45 велосипедов, 3 склада². Тувинский эскадрон уничтожил 70 фашистов³.

Воспользовавшись короткой передышкой, командир эскадрона построил свое подразделение, подвел итоги первого боя, отметил отличившихся бойцов и отдал последние почести погибшим.

Вслед за овладением Деражно 31-й гвардейский кавполк захватил переправу через реку Горынь и двинулся за остальными частями дивизии к станции Клевань.

На марше командир полка вызвал капитана Кечил-оола в голову колонны. Сердечно поздравив командира эскадрона с боевым успехом, полковник объявил, что приказом по полку всем солдатам, сержантам и офицерам 4-го эскадрона присвоено звание гвардейцев.

— Передайте об этом всему личному составу, товарищ гвардии капитан, и скажите, что они с честью выдержали боевое крещение. Но главные бои впереди. Дивизия идет на Ровно!

2

31 января дивизия внезапным ударом захватила станцию Клевань, перерезав железную дорогу Ровно—Луцк. Противник, напуганный появлением кавалеристов с тыла, бежал по шоссе на Ровно, бросая машины с грузом и обозы. По этому же шоссе, свернувшись в колонну, двинулась и 8-я гвардейская кавалерийская дивизия. Под натиском советских партизан, действовавших во вражеском тылу, к дороге отходили потрепанные подразделения противника. Принимая советские части за свои войска, они пристраивались к колоннам.

¹ Архив МО СССР, ф. 31-го гв. кавполка, оп. 450269с, д. 5, л. 28.

² Архив МО СССР, ф. 8 гв. кд., оп. 123279, д. 19, л. 62.

³ Архив МО СССР, ф. 31 гв. кп., оп. 123273-с., д. 1, л. 1.

Какое-то время кавалеристы не обращали внимания на «соседей», но затем обстановка прояснялась и тогда вспыхивали короткие схватки.

Бойцы тувинского эскадрона знали, что старинный украинский город Ровно, за который в 1920 году сражались щорсовские бригады во главе с Василием Боженко и Тимофеем Черняком, где сложил голову их однополчанин Олеко Дундич, гитлеровцы превратили в «столицу» всех оккупированных земель Советской Украины. Все лучшие здания города заняли многочисленные «ляйтеры», «вирты», «фюреры» палача украинского народа рейхскомиссара Эриха Коха. Отсюда они выкачивали сок с подвластных им областей.

Но гвардейцы знали и о том, что непокоренный врагом город борется и ждет своих освободителей. Они шли к Ровно дорогами 1-й конной.

По решению командира дивизии на Ровно должны были наступать 31-й и 33-й гвардейские кавалерийские полки. 29-й полк оставался в резерве¹.

На подступах к Ровно противник оказал упорное сопротивление. Кубано-черноморцы получили задачу: совместно с 33-м гвардейским полком овладеть вражеским опорным пунктом в районе кирпичного завода на северо-западной окраине города, в последующем развивать наступление в направлении Клевань — Ровно². Уточнив в ходе личной рекогносцировки данные об обороне противника, командир полка решил атаковать опорный пункт 1, 3 и 4-м (тувинским) эскадронами в первом эшелоне. 2-й эскадрон составлял второй эшелон. Их атаку поддерживали часть сил артиллерийского полка дивизии и полковая батарея. Эскадроны первого эшелона должны были овладеть территорией кирпичного завода и выйти на северо-восточную окраину города. Перед тувинским эскадронам стояла задача — наступать на левом фланге полка севернее шоссе Обарув — Ровно на фронте 300 м.

Капитан Т. Кечил-оол построил боевой порядок подразделения в два эшелона. В первом шли 2, 3 и 4-й сабельные взводы, во втором эшелоне — 1-й сабельный взвод старшего лейтенанта О. Оолака. Пулеметный взвод старшего лейтенанта С. Бурзекея следовал в промежутках между сабельными взводами, поддерживая их атаку огнем с коротких дистанций³.

Выйдя в район в полкилометре от опорного пункта, эскадрон спешился. Коноводы отвели лошадей в укрытие.

С наступлением сумерек кавалеристы скрытно подобрались на расстояние около 100 метров от вражеской позиции.

¹ Архив МО СССР, ф. 8-й гв. кд., оп. 123273, д. 19, л. 64.

² Там же.

³ Архив МО СССР, ф. 31 гв. кд., оп. 123273, д. 1, л. 7.

Затем по сигналу командира эскадрона они устремились в атаку.

Противник обрушил на наших воинов сильный ружейно-пулеметный огонь, но тувинцы упорно продвигались вперед.

Командир взвода гвардии лейтенант Монгуш Доржу, подтягивая отставших бойцов, заметил, что санитарка гвардии рядовая Галина Сынаа, сняв сапог, быстро перебинтовала себе ногу, а затем, прихрамывая, пошла за взводом. На предложение покинуть поле боя ответила:

— Ходить могу. Надо выносить тяжелораненых...

Падали раненые, и санитарки под огнем относили их в укрытие. Не раз девушкам приходилось братья за оружие, защищая от врага тяжело раненых солдат. Амаа сразила из карабина трех фашистов. Вера Байлак уничтожила автоматной очередью четырех врагов, а когда она оттаскивала очередного раненого в тыл, ее пытались захватить фашисты. Укрыв товарища в воронке от снаряда, санитарка огнем из автомата отогнала врагов.

Охваченные боевым порывом, тувинцы стремительно ворвались на вражеские позиции и выбили противника с территории завода.

На рассвете 2 февраля бой возобновился. 33-й гвардейский кавалерийский полк продолжал теснить врага к шоссе Обарув — Ровно, а 31-й гвардейский кавалерийский полк двинулся на северную окраину города. Однако в районе опытной станции подразделения Кубано-Черноморского полка были остановлены упорным сопротивлением гитлеровцев.

Закрепившись на достигнутом рубеже, подразделения 1, 3 и 4-го эскадронов открыли сильный ружейно-пулеметный огонь, отвлекая на себя противника. Одновременно с этим капитан Кечил-оол приказал 3-му сабельному взводу гвардии лейтенанта М. Доржу скрытно обойти врага справа и ударить по нему с тыла. Оставив на позиции пулеметчиков и 2-й сабельный взвод, Кечил-оол отвел 1-й и 4-й сабельные взводы на территорию кирпичного завода и приказал коноводам подать лошадей.

Используя складки местности, взвод гвардии лейтенанта Доржу обошел противника с правого фланга и атаковал его в пешем строю. Появление кавалеристов в тылу обороны ошеломило гитлеровцев и вызвало в их рядах замешательство. Этим воспользовался командир 4-го эскадрона. Он подал команду:

— По коням, за мной, галопом, ма-а-арш!

Конной атаки фашисты не ожидали. Не успели они прийти в себя, как тувинцы, преодолев их оборону, ворвались на железнодорожную станцию. Воинов увлекал личным приме-

ром замполит эскадрона гвардии старший лейтенант М. Байскылан. На скаку он зарубил вражеского офицера, но тут же, получив тяжелое ранение, выронил клинок. Отвага замполита увлекла бойцов эскадрона. Вперед вырвался взвод гвардии старшего лейтенанта О. Оолака. Впереди был командир. Показывая пример мужества и отваги, он разил врага автоматным огнем и ударами сабли. Более 10 фашистов уничтожил храбрый офицер, а его взвод истребил до 60 вражеских солдат и офицеров¹.

Не выдержав стремительного натиска кавалеристов, гитлеровцы стали отходить.

Рядовой Таржа Танзын-оол зарубил двух солдат и тут же упал вместе с конем — застрочило несколько вражеских пулеметов. Командир эскадрона дал команду спешиться, но вскоре пришлось залечь — огонь не давал поднять головы, а откуда бьют пулеметы — не поймешь.

— Товарищ капитан, разрешите мне разведать, откуда стреляют фашисты, — обратился к командиру эскадрона рядовой Кыргыз Шимит-оол.

— Действуйте, — разрешил командир.

Боец скрылся в развалинах. Вскоре он указал командиру эскадрона места вражеских пулеметов, и минометный расчет гвардии сержанта В. В. Евстигнеева, действовавший в составе эскадрона, быстро подавил их. Получил ранение гвардии старший сержант Кужугет Лама-Сурун, но выйти из боя отказался. Меткими выстрелами он сразил шесть гитлеровцев².

В боевых порядках эскадрона двигалось 45-мм орудие из полковой батареи под командованием гвардии сержанта С. И. Гришечкина. Бойцы заботливо оберегали артиллеристов от огня вражеских автоматчиков, помогали перекачивать пушку, подносили снаряды. Не оставались в долгу и пушкари — стоило вражескому пулемету преградить путь эскадрону, как расчет смело выдвигался впереди атакующих и огнем прямой наводки уничтожал врага. В бою за станцию артиллеристы уничтожили два пулемета и миномет противника³.

Вместе с кавалеристами шел в атаку фельдшер эскадрона гвардии лейтенант медицинской службы Тулуш Хургулек. Он внимательно следил за тем, чтобы ни один раненый не остался на поле боя и сам вынес из-под огня несколько человек с оружием⁴.

¹ Архив МО СССР, ф. 31 гв. кп., оп. 123273, д. 1, л. 2.

² Архив МО СССР, ф. 8 гв. вкд., оп. 369875с, д. 5, л. 132.

³ Там же, л. 143.

⁴ Архив МО СССР, ф. 31 гв. кп., оп. 450269с, д. 22, л. 69.

По мере продвижения в глубь города сопротивление противника росло. Оправившись от удара и подтянув резервы, он начал контратаковать, пытался обойти с флангов и окружить подразделения 31-го гвардейского кавалерийского полка. Неоднократно отражали контратаки 1-й и 3-й эскадроны. Дважды оказывался в окружении эскадрон тувинцев, но оба раза он разрывал вражеское кольцо и неудержимо шел вперед. Нелегко было и у соседа справа — 33-го гвардейского кавалерийского полка. К часу дня более роты вражеских пехотинцев вклинилось в разрыв между 33-м и 31-м кавалерийскими полками. Как только воины отбили эту контратаку, противник нанес силами до батальона удар во фланг 31-го кавполка. Командир полка ввел в бой резерв — 2-й эскадрон. Одновременно два взвода атаковали связанного боем врага в конном строю. Потеряв более 100 человек убитыми и ранеными, фашисты отступили. Кавалеристы вновь устремились к центру города¹.

На центральной улице наступление застопорилось. Погибли пулеметчики Мезил-оол, Сундуй-оол, вступившие в схватку с несколькими вражескими пулеметами. Тогда командир пулеметного взвода старший лейтенант Сат Бурзекей сам лег за пулемет. Под прикрытием его огня бойцы пошли в атаку². Кубано-черноморцы продвигались вперед, отражая вражеские контратаки. Сломить наступательный порыв морозовцев гитлеровцы не смогли. В 16 часов командир дивизии отдал приказ о решительном штурме города. Одновременно усилили натиск на врага части 121-й стрелковой дивизии и 6-й гвардейской стрелковой дивизии, а к южной окраине города вышли полки 112-й стрелковой дивизии. Вражеский гарнизон был окружен, но несмотря на это гитлеровцы сопротивлялись с отчаянием обреченных. 3-й сабельный взвод тувинского эскадрона под командованием лейтенанта М. Доржу, обошел с тыла роту противника и внезапно атаковал ее. Бой закончился полным разгромом врага. 30 вражеских солдат сдалось в плен³.

К исходу дня город был освобожден. Вскоре морозовцы узнали о благодарности Верховного Главнокомандующего войскам, овладевшим Ровно, и о присвоении 8-й гвардейской кавалерийской дивизии почетного наименования «Ровенской». Бойцы читали бюллетень политотдела дивизии, посвященной этому знаменательному событию:

«...Взятие Ровно есть еще одна из славных страниц боевой

¹ Архив МО СССР, ф. 8-й гв. кп., оп. 123279, д. 19, л. 69.

² Архив МО СССР, ф. 31-го гв. кав. полка оп. 123273-с, д. 1, л. 2.

³ Архив МО СССР, ф. 33, оп. 686044, д. 3740, л. 119.

истории нашей казачьей гвардейской дивизии, это есть одна из замечательных побед казаков-морозовцев.

...В боях за город Ровно особенно отличилась часть гв. полковника Попова. Казаки этой части истребили и взяли в плен несколько сот немецких солдат и офицеров, уничтожили много техники врага и захватили большие трофеи... ..Великой славой овеял себя в повторной конной атаке наш братский Тувинский эскадрон (командир эскадрона гв. капитан Кечил-оол)»¹...

Маршал Советского Союза С. М. Буденный горячо поздравил гвардейцев с боевым успехом. В телеграмме на имя командира дивизии он писал: *«Поздравляю Вас и весь личный состав с блестящей победой в овладении городом Ровно. Взятие этого города есть блестящая боевая заслуга доблестной кавалерии Красной Армии перед нашей великой Родиной. Гвардейцы Вашей части в Отечественной войне увенчали неуязвимой славой свои боевые знамена. Надеюсь, что и в предстоящих боях будете громить врага до полного уничтожения»*².

3

3 марта дивизия двинулась к Дубно. Бои за этот город — самая яркая страница в истории тувинского эскадрона. Здесь добровольцы показали не только стремительность и дерзость в наступлении, но и железную стойкость в обороне.

Стремясь удержать любыми средствами важный в системе его обороны район Дубно, противник непрерывно подбрасывал подкрепления. Уже 4 февраля там сосредоточились 7-я танковая, 18-я и 21 пехотные дивизии, два отдельных кавалерийских полка, части 13-го армейского корпуса. Соотношение сил резко изменилось в пользу противника, а с подходом из Шепетовки еще одной танковой дивизии положение еще более осложнилось. Несмотря на это, наступательный порыв воинов 6-го гвардейского кавкорпуса был настолько велик, что они прорвали оборону врага на подступах к городу, и к исходу 5 февраля продвинулись на 8—10 км. За день боя фашисты потеряли свыше 2 тыс. человек убитыми и 860 пленными, 20 танков. До Дубно оставалось 6 километров.

7 и 8 февраля 31-й гвардейский кавполк вел упорные бои за опорный пункт противника Погорельцы. Тувинский эскадрон действовал в первом эшелоне. Атаки гвардейцев сменялись контратаками противника. Здесь особенно ярко прояви-

¹ Архив МО СССР, ф. 8-й, гв. кд., оп. 593743, д. 2, л. 71.

² Архив МО СССР, ф. 8, гв. кд. оп. 593743, д. 2, 71.

лась боевая дружба и взаимная выручка русских и тувинских воинов. Не раз соседние эскадроны приходили на помощь подразделению Кечил-оола, а 4-й эскадрон выручал их.

На окраине села путь атакующим взводам преградил огонь нескольких пулеметов. Гвардии капитан Кечил-оол связался с командиром минометной батареи полка и просил подавить их. Но фашисты настолько хорошо замаскировались, что обнаружить врага и дать целеуказание было очень трудно. Бойцам еще не хватало опыта в этом сложном деле. Тогда наводчик миномета гвардии старший сержант Ф. А. Синицкий вызвался помочь. Он подобрался почти к самым окопам фашистов и точно засек их огневые точки. Минометчики быстро заставили замолчать их¹. Кавалерист 2-го эскадрона рядовой А. В. Каралюсь двумя меткими выстрелами уничтожил вражеского снайпера, мешавшего продвижению подразделений², а пулеметчик гвардии рядовой Карасал Конгар, отличившийся в боях за Ровно, сразил 10 вражеских автоматчиков, которые вели огонь по атакующим подразделениям 2-го эскадрона³. Рядом с ним отважно сражался старшина эскадрона гвардии старшина Тулуш Сундуй-оол. Он подорвал гранатой расчет вражеского станкового пулемета, уничтожил из автомата 10 фашистов⁴.

Во фланг атакующему взводу соседнего эскадрона ударил вражеский пулемет. Пулеметчик гвардии рядовой Оюн Туметей немедленно пришел на помощь товарищам, смело вступил в поединок с фашистом и уничтожил его⁵, а когда другой фашистский пулемет обрушил огонь на подразделения 3-го и 4-го эскадронов, химинструктор гвардии младший сержант И. А. Сименченко подобрался к нему с тыла и забросал гранатами⁶. Отразив атаку 3-го и 4-го эскадронов, противник нанес ответный удар на их стыке и стал продвигаться вперед. Помощник командира сабельного взвода коммунист гвардии старшина А. И. Пучин зашел с отделением во фланг контратакующим фашистам и открыл уничтожающий огонь. Потеряв несколько десятков убитыми и ранеными, гитлеровцы отступили⁷. От огня противника несли потери наши подразделения. Гвардии рядовой Кужутет Очур вынес из-под минометного обстрела тяжело раненного командира и эвакуировал

¹ Архив МО СССР, ф. 8, гв. кд., оп. 369875с, д. 7, л. 9.

² Архив МО СССР, ф. 31, гв. кп., оп. 450269с, д. 22, л. 20.

³ Архив МО СССР, ф. 8, гв. кд., оп. 369865с, д. 5, л. 124.

⁴ Там же, л. 138.

⁵ Архив МО СССР, ф. 8, гв. кд. оп. 369865с, д. 5, л. 138.

⁶ Архив МО СССР, ф. 8, гв. кд. оп. 369875с, д. 7, л. 18.

⁷ Архив МО СССР, ф. 8, гв. кд. оп. 369879с, д. 7, л. 75.

его на полковой медицинский пункт¹. Его примеру последовал гвардии рядовой Тонгак Торжукай, спасший командира взвода². Санитарка гвардии рядовой С. Часкал оказала на поле боя первую помощь трем раненым бойцам³.

Несмотря на отчаянное сопротивление противника, 31-й гвардейский кавполк вместе с другими частями дивизии выбил противника из Погорельцев и с ходу занял важный опорный пункт на подступах к Дубно Рачин. Гитлеровцы отступили к пригороду Дубно на восточном берегу Иквы — Сурмичи. Бои за этот населенный пункт сразу же приобрели исключительно ожесточенный характер.

Пытаясь не допустить развития наступления советских частей на юг и дать возможность своим потрепанным в боях войскам занять оборону по р. Икве, немецкое командование спешно перебросило в этот район пехотные и танковые подразделения. Противник начал непрерывно контратаковать.

Когда Кечил-оол 10 февраля поднял в очередную атаку эскадрон, по цепи наступающих ударил станковый пулемет. Бойцы залегли. К командиру эскадрона подполз гвардии старшина Сарыглар Пичен-оол.

— Пулемет можно обойти справа и уничтожить. На гранатный бросок, пожалуй, не подберешься — вернее из ПТР. Разрешите?

— Возьмите двух бронебойщиков и действуйте.

— Одного трудней заметить.

— Действуйте.

Захватив противотанковое ружье, старшина скрылся в кустарнике. Отвлекая внимание вражеских пулеметчиков, бойцы открыли интенсивный огонь. Фашисты огрызались длинными очередями. Неожиданно «МГ» словно захлебнулся, и командир эскадрона взмахнул рукой:

— Вперед!

И тут же во фланг атакующим застрочил другой пулемет. Но успел он дать всего одну очередь — меткий бросок гранаты гвардии рядового Оюна Ойдуца оборвал его огонь⁴.

Телефонист протянул трубку командиру эскадрона — вызывал полковник Попов:

— Товарищ капитан, обратите внимание на левый фланг. Немцы контратакуют 3-й эскадрон, сейчас навалятся на вас. Закрепитесь, отражайте огнем с места. Эскадрон поддерживает полковая батарея.

¹ Архив МО СССР, ф. 31, гв. оп. 450269с, д. 22, л. 28.

² Там же, л. 30.

³ Там же, л. 30.

⁴ Архив МО СССР, ф. 8, гв. кд., оп. 369875-с, д. 7, лл. 31, 69.

Кечил-оол быстро оценил обстановку: чтобы лучше встретить врага, надо отойти немного назад — там удобнее позиция, шире обзор. Фашистам наверняка не миновать два отдельных дома. Подозвал гвардии сержанта Ховалыга Балчий-оола:

— Незаметно проберетесь со своими бойцами к этим домам. Когда немцы пойдут мимо — откроете огонь. Но учтите: обнаружите себя преждевременно — живыми не выберетесь. Справитесь?

— Справлюсь, товарищ капитан.

Указав позиции станковым и ручным пулеметам, расчетам противотанковых ружей, Кечил-оол припал к биноклю. Стрельба приближалась, нарастала. За домами, кустарником, плетнями замелькали вражеские автоматчики. Бойцы замерли, сжимая в руках оружие. Выдержат ли товарищи, сидящие в засаде? Враги все ближе. Поравнялись с домами... И тут в упор ударили ручные пулеметы и автоматы, полетели гранаты. Открыли огонь и остальные подразделения эскадрона. А когда среди атакующих поднялись разрывы снарядов полковой батареи, фашисты беспорядочно отхлынули. Командир отделения доложил:

— Уничтожено 30 фашистов, захвачен ручной пулемет, 15 автоматов, 14 винтовок¹.

За первой контратакой последовала вторая, третья... Тувинцы стояли насмерть. Гвардии рядовой Бады Саян Сорукту повторил прием Балчий-оола и уничтожил из засады 12 фашистов². Рядом с ним действовал автоматчик 1-го эскадрона гвардии рядовой Рамазан Талипов — он также уничтожил 12 фашистов³.

Политотдел дивизии выпустил листовки о подвиге командира отделения 3-го эскадрона гвардии старшины И. С. Мельникова и помощника командира взвода 4-го эскадрона гвардии старшины Оюна Сырат-оола. Выполняя задание по разведке противника, гвардии старшина Мельников пробрался к переднему краю противника, разведал его огневые точки, а заодно и проход в тыл к гитлеровцам. Послав донесение командиру эскадрона, он со своим отделением проник во вражеский тыл и, замаскировавшись, стал ждать наступления эскадрона. Когда началась атака, казаки неожиданно ударили фашистам в спину. Противник бежал, оставив более 30 убитых⁴.

¹ Архив МО СССР, ф. 8, гв. кд. оп. 369875-с, д. 7, л. 72.

² Там же, л. 71.

³ Там же л. 24.

⁴ Там же, л. 110.

Гвардии старшина Сырат-оол заменил вышедшего из строя командира взвода. Несмотря на непрерывающийся артиллерийский и минометный обстрел, ожесточенные контратаки противника бойцы не отступили ни на шаг, и отбросили врага¹. Листовки призывали гвардейцев следовать примеру героев.

Под натиском превосходящих сил противника части 8-й гвардейской кавалерийской дивизии получили приказ занять оборону западнее селения Погорельцы. 31-й гвардейский кавалерийский полк действовал на левом фланге дивизии, занимая около двух километров. Тувинский эскадрон оборонял район у селения Сурмичи около 800 метров по фронту и до 600 метров в глубину, имея задачу воздействовать на противника ружейно-пулеметным огнем и не допустить выхода его подразделений к нашему переднему краю.

Организуя оборону, командир эскадрона построил боевой порядок подразделения в два эшелона. В первом находились 1, 3 и 4-й сабельные взводы, во втором — 2-й взвод. Особое внимание капитан Кечил-оол уделил организации фланкирующего и перекрестного огня у переднего края. Станковые и ручные пулеметы были расположены так, что могли поражать противника с дальних дистанций, вести фланкирующий и косоприцельный огонь на подступах к району обороны, а также поддерживать контратаки взвода второго эшелона. Позиции для расчетов противотанковых рубежей командир выбирал особенно тщательно и лично определял каждому задачу.

Оборонительные бои с самого начала приняли исключительно упорный характер. Создавая на отдельных участках значительное превосходство сил, враг стремился прорвать оборону наших подразделений и отбросить их от Дубно. В этих боях командир пулеметного взвода член Тувинской народно-революционной партии старший лейтенант С. Бурзекей и с ним 10 пулеметчиков, а также расчет противотанкового ружья старшины М. Серена погибли, сражаясь до последнего патрона. Когда их товарищи отбросили фашистов, они насчитали перед позициями гвардейцев свыше 100 вражеских трупов².

Пулеметчик сержант Чот прикрывал маневр своего эскадрона. Надо было во что бы то ни стало задержать гитлеровцев и дать возможность конникам занять более выгодную позицию.

¹ Там же, л. 194.

² Архив МО СССР, ф. 816, оп. 593743, д. 1, л. 39.

Отважный пулеметчик вел огонь до тех пор, пока осколок не повредил его пулемет. Тогда он взялся за автомат, но вскоре кончились патроны. К сержанту бросились три гитлеровца. Они уже знали о тувинцах, но захватить кого-либо в плен до сих пор не могли. Теперь же боец один, безоружен. Да и сам тувинец не пытался бежать, даже пошел к ним навстречу...

И вдруг — стремительный бросок — и на голову не успевшего взяться за оружие врага обрушился тяжелый приклад автомата. Последней пулей сержант убил второго фашиста. Третий вырвал у него из рук автомат, но в то же мгновение железные пальцы тувинца намертво сжали горло вражеского солдата. Схватив его автомат, Чот спрыгнул в ход сообщения и ушел на глазах опешивших гитлеровцев¹.

Но одного раненого гвардейца — рядового Токучука фашисты все же схватили. Долго пытали его, добываясь сведений о кавалерийских частях, но тувинец упорно молчал. А когда повели его на расстрел — запел на родном языке...².

Многие тувинцы очень слабо владели русским языком, некоторые совсем не владели — среди них был пулеметчик Оюн Сенчий. Попав во время боя в распоряжение другого полка, он быстро сориентировался и вместе с другими гвардейцами отразил вражескую атаку³.

Молодой кавалерист Очур Озын-оол 11 февраля пробрался к вражескому окопу и уничтожил гранатами трех фашистских автоматчиков⁴. Таких примеров можно привести десятки. Несколько раз в дни боев под Дубно вступали тувинцы в рукопашный бой и всегда обращали противника в бегство.

Командир дивизии и начальник политического отдела в письме на имя секретаря ЦК Тувинской народно-революционной партии и председателя Совета Министров ТНР писали: *«...Бойцы-тувинцы предпочитают смерть на поле боя сдаче в плен. Героя вашего народа гвардии капитана Кечил-оола знает у нас весь личный состав соединения, как отважного и храброго командира. В боевой обстановке он всегда появлялся там, где угрожала наибольшая опасность, воодушевлял бойцов и неизменно одерживал победу. Мы достойно оценили боевые успехи бойцов и командиров тувинского эскадрона, представив их к высоким правительственным наградам⁵»*.

¹ Архив МО СССР, ф. 816, оп. 593743-с, д. 1, л. 39.

² «Тувинская правда», 16 июня 1944 г.

³ «Тувинская правда», 1 апреля 1944 г.

⁴ Архив МО СССР, ф. 31 гв. кл., оп. 450269-с, д. 22, л. 28.

⁵ Архив МО СССР, ф. 8-й гв. кд. оп. 593743, д. 1, л. 39.

В эти дни родились слова песни конников-гвардейцев:

В Ровно и Дубно дралась,
к славной победе рвались,
эскадроны вихрем неслись—
ой, да казаки...

Оборонительные бои продолжались на рубежах рек Иквы и Стыри до начала марта 1944 года. Тувинцы вместе с другими подразделениями полка с честью выполнили поставленную перед ними задачу. 10 марта добровольцы были отозваны с фронта и убыли в запасную кавалерийскую бригаду.

Командование 31-го гвардейского кавполка тщательно проанализировало их боевой путь и опыт, отметив такие качества бойцов, как большая выносливость, исключительное упорство в обороне и высокий наступательный порыв, презрение к смерти, высокий патриотизм. Отмечались и некоторые недостатки — следствие сравнительно малого боевого опыта — недооценка маскировки и известная скученность в наступлении¹.

Боевой путь морозовцев после взятия Дубно пролегал по Западной Украине, Польше, Венгрии и Чехословакии. За мужество и героизм личного состава, проявленные в боях за город Дебрецен, 31-й гвардейский кавполк был награжден орденом Красного Знамени, и за умелые действия при освобождении братской Чехословакии — орденом Суворова. Последний бой с врагом кубано-черноморцы провели 14 мая 1945 г. южнее Праги.

Вместе с казаками-гвардейцами прошли этот боевой путь два тувинца — К. Чамзырын и Бавуу.

В боях под Дубно они получили тяжелые ранения, после излечения в госпитале и пребывания в запасном полку возвратились на фронт в родную часть. Здесь узнали, что 4-й эскадрон убыл в тыл и попросили командира определить их во вновь сформированное подразделение. Оба отличились в боях, К. Чамзырын трижды ранен, получил звание гвардии старшего сержанта.

С честью выполнив интернациональный долг, тувинцы возвращались на Родину. 26 мая 1944 года Президиум Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградил орденами и медалями наиболее отличившихся добровольцев. Ордена Красного Знамени были удостоены старший лейтенант М. Байскылан, капитан Кечил-оол, рядовой О. Сенчий. Орде-

¹ Архив МО СССР, ф. 31-го гв. кав. полка, он. 123273—с. д. 1, л. 4.

ном, Отечественной войны I степени был награжден 21 добровольцем, Красной Звезды—3, Славы 3-й степени—17, медалью «За отвагу»—19¹.

17 июня трудящиеся Кызыла торжественно встретили героев.

Долго вспоминали гвардейцы-кавалеристы своих товарищей по оружию. А в октябре 1944 года они узнали радостную весть: Тувинская Народная Республика вошла в состав СССР.

Михаил ВЕРШИННИН

В НАЧАЛЕ 1944 ГОДА

Из фронтовых блокнотов

М. М. Вершинин

Тувинский эскадрон! Он вошел в историю гвардейской конницы, как беззаветный пример отваги и удали, любви к Отчизне и абсолютного презрения к врагу.

Тувинцы под командованием гвардии капитана Кечил-оола явились участниками Ровенской и Дубенской битв 1944 года.

Они воевали в составе 8-й гвардейской Морозовской кавалерийской дивизии. Дивизия эта, одна из немногих, сохранившихся со времен гражданской войны, входила в состав легендарной Первой Конной, руководимой Семеном Михайло-

вичем Буденным. В дни Великой Отечественной войны знамена дивизии, прославленные ранее Морозовым, были увенчаны новой неувядаемой славой под командованием генерал-

«Тувинская правда», 22 июня 1944 г.

майора Суржикова, павшего смертью храбрых в боях за Отечество осенью 1943 года.

Полк, в который входил тувинский эскадрон, свято оберегает и чтит героические традиции кубанского казачества.

Большинство казаков-морозовцев отмечено двумя-тремя боевыми орденами и медалями.

Тувинцы, попав в такую знаменитую воинскую часть, решили догнать своих собратьев по оружию и бессмертными подвигами прославить высокое звание гвардейцев.

Кавалерийское соединение генерала Соколова совершило беспрецедентный в истории конницы тысяча двухсоткилометровый марш к месту сосредоточения войск и с ходу вступило в бой.

На митинге в эскадроне старший лейтенант Байскылан заявил: «Мы знаем, что ваша победа есть и наша победа, победа нашего народа!»

Ему вторил капитан Кечил-оол. Он сказал: «Мы благодарим русский народ за высокое доверие. Скоро услышат и о наших хороших делах!»

В торжественной тишине слушали их русские товарищи. С огромным интересом и воодушевлением они внимали словам приветственной телеграммы Салчака Тока. В словах героев Тувы светилась горячая неподкупная любовь к великому Советскому Союзу, к его Красной Армии.

Пламенное патриотическое чувство и единая неутолимая жажда мести к подлому захватчику сцементировали дружбу советских и тувинских конников, которым предстояло брать город Ровно.

По вековым Чарторыйским болотам конногвардейцы двигались круто на юг и неожиданно очутились под стенами Ровно. Враг заметался. Но он был уже обречен!

А тувинский эскадрон во главе с Кечил-оолом в конном строю под сильным артиллерийско-минометным огнем ворвался на железнодорожную станцию и стал рубить немцев. Трудно выделить, кто лучше дрался в этом сокрушительном налете на врага.

И в этом и в последующих боях тувинцы дрались беззаветно храбро. Старший лейтенант Байскылан, принявший командование взводом, вел своих бойцов на врага. Он был тяжело ранен, но с поля не уходил и дрался до категорического приказа командира — эвакуироваться в госпиталь.

Так же дрались и бойцы старшего лейтенанта Оолака. Они истребили шестьдесят пять фашистов. Пятнадцать врагов убил сам Оолак. Под стать ему и пулеметчик Сат, подавивший два немецких станковых пулемета и расстрелявший двенадцать врагов. Он тоже был ранен, но не уходил с поля

боя. Не ушел с поля боя и гвардии старший сержант Лама, раненый связной Кечил-оола. Не уходили с поля боя и многие другие, бившиеся до последнего дыхания.

Гвардии сержант Бегзи-Хурак пробрался в тыл к немецкому пулемету и под огнем врага, будучи смертельно ранен, забросал вражеский расчет гранатами.

Не менее славный подвиг совершил гвардии старший сержант Чот. Он выдвинулся со своим пулеметом вперед, в позиции с врагом пересилил его и уничтожил немецкий пулемет вместе с расчетом. Во время контратаки гитлеровцев Чот остался прикрывать отходящий на другой рубеж эскадрон.

Он остался один и к нему подкрались три немца.

— Сдавайся! — закричали они, нападая на него. Чот не растерялся, одного убил прикладом, второго расстрелял последней пулей, третьего задушил голыми руками, а сам остался цел.

Подвиг Чота воодушевлял конников в самые трудные минуты. В первых же боях тувинцы решили доказать, что они достойны величия и славы гвардейской конницы. И пример Чота — лучшее тому доказательство.

По всему фронту прогремела слава одиннадцати пулеметчиков, бессмертных героев Тувы, не дрогнувших при отражении вражеской контратаки у села Сурмичи. Вот их имена: гвардии старший лейтенант Бурзекей, командир пулеметного взвода, его помощник — гвардии старший сержант Донгур-Кызыл, конногвардейцы — Бады, Туметтей, Самбу, Лакапа, Мандара, Тыртык-оол, Пальчий-оол, Дидиржа.

Вместе с ними отважно бились пять бронбойщиков под командованием гвардии старшины Дажы-Серена.

Эти люди до последней капли крови отстаивали свой рубеж. Они не опозорили своего имени отступлением. Они, как каменная гора, стали на пути врага и остановили его.

Тувинцы-пулеметчики
не бросили поста.
Погибло их одиннадцать,
а немцев больше ста!
Но слава их бессмертная
домчится до Саян.
А здесь в минуту отдыха
споет о них баян!..

Так кончается песня, сложенная советскими гвардейцами о подвиге тувинских героев-товарищей.

С убийцами фашистскими
сражаются, как львы,
гвардейцы-пулеметчики,
ребята из Тувы.

Поют о них кавалеристы Соколова. Генерал высоко оценил мужество тувинского эскадрона, наградив орденами и медалями всех офицеров и бойцов добровольческого отряда.

Но высшей наградой для храбрых воинов является та бессмертная слава, которая распространилась о них по всему фронту, победоносно наступающему на врага. Их подвиги не забудет Советская Родина, вечно благодарна будет им наша Красная Армия.

СЫН ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Байскылан — сын Танзына, самого бедного из всех аратов, стоял у багряного стяга республики, слушая товарища Тока. Товарищ Тока знал Байскылана, как и многих других молодых аратов, собранных под этим пламенеющим стягом, знал и надеялся на них. Это были храбрейшие из храбрых, по доброй воле своей одевшие платье воина и ставшие в ряды защитников героической родины Советов. В эти дни во всех уголках республики, во всех ее хошунах и сумонах только и было разговоров, что о них, счастливых, на чью долю выпала честь — быть бойцами фронта Великой Отечественной войны.

Товарищ Тока, вручая капитану Кечил-оолу боевое знамя, провозгласил здравицу за верных этому знамени офицеров и солдат республики, и люди слушали в суровом молчании, в напряженной тишине мирной обстановки. Как она не похожа эта тишина на случайную тишину войны!

Когда после церемонии вручения знамени они получили свободное время, Байскылан целиком отдался покорившим его мыслям.

Это были очень честные мысли. Молодой арат недавно женился и сейчас он ждал, страстно ждал ребенка, сына, которого подарит ему любимая. Может быть, и не придется увидеть Байскылану своего сына, все может быть на войне... Но воин гнал от себя такие грустные мысли. Он очень хотел вернуться обратно в свою милую юрту, которая стоит на берегу маленькой Шемы, впадающей в бурный Хемчик, несущий свою вольную струю в широкий и прекрасный Улуг-Хем.

Улуг-Хем или Енисей — река, которой поклонялись араты в древности и воспевали ее веками. Байскылан бывал на ее берегах, дышал ее хрустальным, животворным воздухом, впитывал в себя вековую силу Улуг-Хема, берущего истоки на его родине и впадающего в Ледовитый океан.

Байскылан, может быть, это было смешно и наивно, питал особенную зависть к Улуг-Хему, повидавшему на своем веку миллионы людей, охотников и скотоводов, пахарей и рыбаков.

— Простой человек может завидовать великой реке! —

подумал воин. Байскылану всегда хотелось увидеть как можно больше, может быть, поэтому он и ревновал жизнь Улуг-Хема к собственной. А какая жизнь была у маленького скотовода, пяти лет от роду ставшего сиротой!

Едва Байскылану минуло пять лет, он уже вынужден был думать о самостоятельном существовании: старший брат его покойного отца не мог прокормить свою семью, — а тут еще прибавился лишний рот. И повзрослевший от большого горя мальчик пошел батрачить к важному ламе, которого никто из аратов не звал по имени. Они дали ему презрительное прозвище «семис-мейрен», что означало «жирный чиновник».

Много лет батрачил Байскылан у «жирного чиновника». Много лет всей землей для него были владения важного ламы, дальше которых Байскылан не смел ступить.

Народ отнял власть и землю феодалов. Это замечательное событие — революция! — никогда не изгладится из памяти Байскылана, который вырвался на свободу, как пойманная рыба — обратно в Улуг-Хем, и начал жадными, горячими устами пить животворную влагу свободы, которой наделила его революция.

Юноша пошел на золотые прииски Эйлиг-Хема бурильщиком. В это же время он настойчиво овладевал грамотой. Его направили в местную партийную школу, а потом — за тысячи километров от родной юрты — в Москву, на большую учебу.

Сбывалась его прекрасная мечта — увидеть мир. Он жил в Москве — столице трудящихся всего мира. В Москве, о которой любовно поют самые вдохновенные певцы и сказители гор и степей!..

Когда он вернулся из Москвы, араты не узнали Байскылана, настолько изменился его внешний облик. Когда, наконец, узнали, то прониклись особым уважением как к человеку, достигшему вершины горы. Но Байскылан понимал, что еще далеко до вершины, что он приблизился лишь к подошве горы. А вершина — впереди, и путь к этой вершине крут и опасен.

И вот, когда за тысячи километров от Саянских гор земля всколыхнулась от страшного грохота и жара битвы, гул этого землетрясения потряс и далекую республику — Родину Байскылана. Москва и Сталинград — неодолимые скалы богатырского русского сопротивления казались Байскылану и его друзьям выше древнего Саянского хребта. И вот араты-добровольцы собирались перешагнуть Саяны, идти против угрожавшего Улуг-Хему немца.

— Немец, злобный враг Днепра и Волги — враг моего Енисея!.. — думал Байскылан и говорил об этом бойцам отряда. Бойцы почитали своего политрука и клятвенно обещали

воевать храбро, умело и самоотверженно, до последней капли крови, до последнего дыхания.

Командиром отряда назначили Кечил-оола, удалого и талантливоего кавалериста. Скромный и требовательный капитан полюбился Байскылану, и офицеры прониклись взаимным уважением и подружились.

* * *

Позади несколько тысяч километров. Израненная, опаленная битвой русская земля, которая некогда благоухала. Снег робко прикрывает ее тяжелые раны. По этой земле совершают марш гвардейцы-кавалеристы капитана Кечил-оола.

Они идут уже больше месяца, почти не слезая с коней, к месту сосредоточения и исходному рубежу. И всюду ограбленные города и села, убитые женщины и дети. Здесь был немец. Отсюда его выгнала Красная Армия. Но следы его хозяйничанья, как невидимый факел, разжигают сердца воинов огнем возмездия.

— Генерал надел нам гвардейские значки. Генерал надеется на нас!— говорит Байскылан во время дневного привала.

Сопсуккай, гвардии ефрейтор, автоматчик, самый веселый человек в эскадроне — бывший беспризорник и драчун, а в последнее время знатный агроном — делает шаг вперед:

— Товарищ гвардии старший лейтенант! Не подкачаем, генерал доволен будет!— говорит он.

...И гвардейцы действительно не подкачали. Чудурук, Калбак, Чулдум, Уйнукпен... Скуластые, проворные юноши, как бы воедино слитые с конем в минуту сокрушительного налета на врага, врываются на станцию, где засели немецкие автоматчики. Они обтекают эту станцию по всем правилам военного искусства, и враг, не выдержав, бежит. И тогда начинается погоня, преследование врага.

Вот несется на своем коротконогом скакуне автоматчик Торжукай. Глаза его блестят. Весь в каком-то нервном напряжении он мчится по центральной улице, и, одного за другим, убивает нескольких немцев.

— За Родину!— кричит обгоняющий его Сопсуккай. Он мчится прямо в гущу врагов, бесстрашно расстреливая из автомата убегающих немцев. Байскылан видит, как дерутся его земляки. Он и сам вместе с ними устремляется в атаку, призывая:— Вперед! Отомстим за нашего Сата!

— Отомстим!— отвечают те, кто расслышал. А другие молча присоединяются и устремляются все дальше и дальше.

Старший лейтенант Сат, командир взвода, геройски пал в Чарторыйских болотах.

Центр боев перекинулся под стены древней Дубенской крепости.

Байскылан, усталый после многодневных маршей и атак, вздремнул, склонив голову на стол, покрытый узорной украинской скатертью. Он писал письмо, несколько скупых строк в минуты передышки, жене, которая должна родить ему ребенка.

Но усталость победила Байскылана и сомкнула его глаза. Рука старшего лейтенанта так и осталась лежать на бумаге, не успев написать звонкого имени подруги...

Зато сама она явилась к нему во сне, веселая и сияющая. А на руках ее был маленький сын, с глазами матери и улыбкой отца. «Как мы его назовем?»—спросил Байскылан и услышал ответ жены: «Самбажык!..»

«Самбажык? Это хорошо!»—согласился Байскылан.— Пусть он будет такой, как Самбажык!..

Самбажык, вольнолюбивый арат из долины Оргу-Шол, поднявший легендарное восстание 60-ти богатырей против деспота Сенгин-чангы, был историческим примером доблести и мужества для бойцов Кечил-оола.

Наутро перед атакой Байскылан напомнил бойцам о шестидесяти богатырях и ненавистном Сенгин-чангы. О зверствах этого Сенгин-чангы ходили легенды в народе. Избивая аратов, он усмехался и приплясывал, повторяя при этом: «Если я буду бить тебя 80 раз, ты будешь кричать «йю!», и если буду бить тебя 100 раз, ты тоже будешь кричать «йю!». А если ты будешь кричать «йю», то я буду бить тебя еще больше!..»

— Гитлер в тысячу раз страшнее, чем Сенгин-чангы, потому что у Гитлера есть пушки и танки, самолеты и автоматы!—объяснял Байскылан.— Но мы будем бить Гитлера, как наши предки били кровавого Сенгин-чангы, и даже еще крепче!..

Сражение под стенами крепости было жестоким и упорным. Конники прорвались сюда по болотам и распутице, оставив позади свою артиллерию и бронесилы. С захватом крепости открывалась дорога остальным войскам, путь вперед, путь на запад. Немцы стянули на этот участок массу авиации.

Во время штурма Байскылан был ранен осколком бомбы, но решил не уходить и сражаться до конца. Окровавленный, он личным примером воодушевлял остальных. Но силы оставляли его, и Кечил-оол приказал эвакуировать своего заместителя в госпиталь.

Перед отъездом здесь же на поле боя Байскылан нацарапал карандашом приветственное слово воинам эскадрона.

«Деритесь, как Самбажык и его богатыри! Пусть Родина узнает о подвиге Кечил-оола и его богатырей!..»— писал он.

В эти дни героический эскадрон совершил ряд подвигов, которых не забудет история конной гвардии.

Смертью богатырей пали одиннадцать пулеметчиков офицера Бурзекеея и пять бронебойщиков Дажи-Серена, дравшиеся до последней капли крови, до последнего вздоха против шедших в контратаку немецких танков и пехоты. Герои не отошли ни на шаг, они оправдали высокое доверие генерала, давшего им гвардейское звание.

* * *

Раны быстро заживали, может быть, от нетерпения Байскылана, от горячей жажды новых подвигов, новых боевых дел. В день, когда он выписывался из госпиталя, пришло письмо издалека — долгожданная весточка от жены.

«Я родила тебе, Байскылан, ребенка, девочку... Я назвала ее Белек-кыс. У нее мои глаза и твоя улыбка...»

— Белек-кыс — Подарок-девочка! Это хорошо!— обрадовался Байскылан, и он уже не обижался, что вместо сына жена подарила ему дочь.

«Но у нас непременно будет еще сын, и я назову его Самбажык!»— подумал Байскылан, собираясь писать жене ответное письмо. Он был очень счастлив...

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭСКАДРОН

1.

Это была третья деревня, которую брали штурмом. Бой за Сурмичи обещал быть кровопролитным, ибо хутор Сурмичи находился на главном направлении атакующего казачьего полка. В этом населенном пункте у немцев заранее была подготовлена оборона. И в захваченном нами приказе командира гитлеровской пехотной дивизии — Сурмичи назывался той самой «крепкой скорлупкой», о которую должны обломать зубы казаки, решившие добраться и до самого «орешка».

Немцы, конечно, предполагали, что хутор интересует казаков постольку, поскольку он прикрывает город и крепость, которую отдавать русским смерти подобно.

Город находится на скрещении крупных дорог — железных и автомобильных. Оборонять его крайне выгодно, так как местность с крепостного вала хорошо просматривается, кроме того, местность эта на ближних подступах к городу сильно заболочена. А вдобавок ко всему, чтобы проникнуть к стенам

города, надо преодолеть речушку Икву, на берегах которой вспыхивали много раз в истории большие битвы. Здесь воевал гоголевский Тарас Бульба, чье имя окружено легендарным ореолом. Здесь же воевал герой Украины — ее полководец Богдан Хмельницкий. Много позже, на рубеже Иквы совершил свой классический прорыв генерал Брусиллов. И в этих же местах преследовали врага славные конноармейцы Семена Михайловича Буденного.

Кечил-оол, командир четвертого эскадрона, писал в своем дневнике, что каждый камень этой земли, каждая капля ее влаги, самый ее воздух напоен историей.

Командир полка, разговаривая с ним утром по телефону, напомнил:

— Да, да, капитан! Ты слышал об этих местах! Докажем еще раз добрую казачью славу.

Полковник Попов, который раньше был политраблотником, любил выражать свои мысли сильно и мог отругать казака в самом «высоком» стиле. Примерно так: «Что же ты, такой-сякой, нашу вечную славу позоришь!»

Но к Кечил-оолу и его эскадрону Попов относился совершенно по-особенному, это понятно, потому что не было малейшего распоряжения командира полка, которое было бы выполнено халатно и небрежно. Кечил-оол, невысокого роста, подвижной кавалерист, человек с изумительной биографией беспризорного пастуха, ставшего отличным офицером. Он сразу вошел в сердце полковника, которому, кстати, едва минуло 30 лет, а на вид — еще моложе, — и тот проникся к комэску необыкновенным уважением и добротой. Дружбу их скрепил подарок полковника — боевая казачья шашка.

Кечил-оол, сидя в наспех вырытой землянке, не отрывался от телефонной трубки.

— Товарищ гвардии полковник! — докладывал он. — Немец головы поднять не дает. Что? Откуда бьет? Будет выяснено, товарищ гвардии... Да, нахожусь на юго-западной окраине Рячино! Сурмичи рядом, высылаю разведку!..

II.

В ночную разведку ушли 10 автоматчиков во главе со старшим сержантом Лама-Сюрюном. Небо было озарено огнем немецкой артиллерии и прожекторами. Разведчики ползли по болоту, они проникли за проволочные заграждения противника и были обстреляны. Но не ушли до тех пор, пока не выяснили обстоятельно огневые средства немцев. Лама-Сюрюн пошел в разведку, несмотря на то, что ранее был ранен в руку. Он все время следил за часами и через 15 ми-

нут, вернувшись в землянку Кечил-оола, докладывал обстановку:

— Обнаружил сарай и два домика. В сарае минометная батарея. Очень злой огонь. Минометчиков поддерживает станковый пулемет — левее сарая. На крыше сарая ручные пулеметы...

Кечил-оол слушал старшего сержанта и зеленым карандашом наносил на двухверстке огневые точки немцев.

— А что в этих двух домиках? Пустыми они быть не могут...

— Товарищ гвардии капитан! Там я обнаружил до 20 автоматчиков...

— Так. Это на первой линии. Теперь меня интересуют Сурмичи и, главным образом, церковь. Что там?

— Из церкви ведет огонь батарея шестиствольных минометов! Сплошная стена огня!

— Очень хорошо!— неожиданно заключил Кечил-оол и, помолчав, спросил,— а как мосты через Икву? Их там четыре. Меня интересует первый.

— Первый мост прикрывают автоматчики, около 15 человек и станковый пулемет.

— Что еще имеете доложить?— Кечил-оол оторвался от карты и посмотрел на стоящего перед ним вымокшего и грязного Лама-Сюрюна с окровавленным бинтом на руке. Лама-Сюрюн вытянулся и коротко отрезал:

— Все, товарищ гвардии капитан!

— Спасибо!— улыбнулся Кечил-оол, впервые встав с деревянного ящика из-под мин, и протянул свою крепкую маленькую руку отважному разведчику.

— Служу Советскому Союзу!— громко, преодолевая боль, ответил старший сержант.

Кечил-оол снова снял трубку и доложил обстановку полковнику.

— Я жду Вашего решения!— заявил Кечил-оол и стал внимательно слушать. В землянке все стихло. Наступило напряженное молчание, и когда Кечил-оол, отчеканив: «Так точно! Будет исполнено!»— опустил трубку, все облегченно вздохнули.

Кечил-оол обвел взглядом присутствовавших — своего парторга и ближайшего помощника Байскылана, офицера штаба Михайлова, Лама-Сюрюна, ординарца Сопсуккая и других. Все ждали решения. Кечил-оол медленно проговорил:

— Полковник приказал занять церковь и выйти на первый мост. Смотрите на карту, вот здесь — отдельные домики, покинутые немцами.— Мы уходим с окраины Рячино к этим доми-

кам, там наш исходный рубеж. Сейчас 22.00,— Кечил-оол посмотрел на часы,— нам осталось только два часа...

Лама-Сюрюн поглядел на свои часы:

— Да, только два...

III

К 24.00 эскадрон вышел на исходный рубеж. Спешенные сабельники залегли в грязи, готовые к атаке. Началась артиллерийская обработка переднего края немцев. «Бог войны» действительно так разбушевался, что обрадованные сабельники готовы были стоя идти на врага. Но не тут-то было: заговорила артиллерия немцев, затрещали с флангов их крупнокалиберные пулеметы.

Кечил-оол усмехнулся: головы не поднять, а идти надо!

Подруги-санитарки Сынаа и Дарыя провели двух раненых. «Хорошо, что не больше!»— подумал Кечил-оол,— спасибо ночь выручает. Попадания мало вероятны...

Огонь усиливался, Кечил-оол снова взял трубку. Попов внимательно выслушал его, приказал закрепиться, а на рассвете занять хутор:

— Ты слышишь меня, Кечил-оол? Справа будет эскадрон Ахмеджанова, слева эскадрон Каташова. Фланги они тебе прикроют. Но смотри, тебе назад некуда, а потому жми вперед! В чем нуждаешься, говори сразу — учтем!..

Кечил-оол попросил «дать огоньку» по немцам, засевающим в сарае, в домиках и церкви — главных опорных пунктах. По этим пунктам был дан сильный огневой налет, и они временно замолчали. Воспользовавшись молчанием, Кечил-оол закрепился и организовал вторичную разведку. Шесть бронбойщиков во главе с Дажу-Сереном подтвердили прежние данные, и Кечил-оол решил повторить атаку.

IV.

В 4 часа ночи спешенный эскадрон достиг переднего края немецкой обороны. Это были четыре ряда противотанковых рвов, доверху наполненных водой. Немцы обнаружили конников и возобновили ураганный огонь.

Кечил-оол расположил свой командный пункт в 150 метрах от ближнего рва в полусожженной хате. Быстро дали провод и капитан узнал от Попова, что получает в свое распоряжение минометный взвод и две полковые пушки.

— Живем, Байскылан!— подмигнул Кечил-оол и написал карандашом свое решение: командиру минометного взвода — дать огонь по сараю и подавить минометную батарею нем-

цев; пушкам — подавить пушки левее сарая и зажигательными снарядами уничтожить домики с немецкими автоматчиками.

Попов дал поддержку, ведя огонь по церкви. Под этим прикрытием сабельники вброд перешли три ряда ровов. Остался последний — четвертый ров, самый трудный: шириной 4 и глубиной 2,5 метра.

Дорогу эскадрону преградила новая стена вражеского огня, на этот раз намного сильнее прежней. Немцы били по наступающим, так как цель ясно освещалась заревом подожженных домиков.

Кечил-оол, лежа в окопчике, определил, что бьют из города. Тяжелая артиллерия немцев, укрытая за высоким крепостным валом, создала сплошную завесу огня. Сабельники вынуждены были переждать. В это время над их головами появились «Юнкерсы», прикрываемые «Мессерами». Залповым огнем сабельники отражали атаку с воздуха — удалось расчленить строй немецких самолетов и заставить их отбомбиться куда попало.

Так начинался день. Кечил-оол вел непрерывную разведку и определил, что около церкви находится артиллерийская батарея немцев, а в районе домиков скопилось до роты пехоты. Противник не дремал. Он обнаружил командный пункт Кечил-оола в отдельной хате и ровно в 12.00 начал обстреливать его. Два снаряда попали под хату. Но они не взорвались, три не долетели, а два последних пролетели в стороне. Явно, что били с церкви, создав заградогонь и прервав тем самым связь с тылами.

В 14.00 произошло радостное событие — вездесущий старшина Санчат-оол проник в эскадрон. Он доставил боеприпасы — гранаты, снаряды, мины и покормил своих бойцов. Обрато старшина решил не возвращаться и принял участие в бою.

Под вечер, согласно приказу полковника, снова ударила наша артиллерия — на этот раз подошел резерв генерала. Сабельники преодолели последний ров и вышли к проволоке на рубеж атаки.

V

Кечил-оол только что облегченно вздохнул, как опять заговорили немецкие пушки и автоматы. От командиров взводов пришли донесения, говорившие, что продолжать атаку нет возможности. Кечил-оол разозлился и, доложив полковнику, покинул командный пункт и пополз к взводам. Он пробился к сабельникам под ураганным огнем врага. Приказал

бронейщику Семис-оолу зажигательными пулями сжечь белую хату, откуда били немецкие автоматчики.

Командирам взводов через связных передал приказ — во что бы то ни стало преодолеть проволоку. «Личный пример!» — приказал им Кечил-оол. Сам он вышел вперед, стал в полный рост и воскликнул:

— Гвардейцы, за Родину! Вперед, за мной, ура!..

В рукопашном бою немцы не устояли перед гвардейским натиском. Вслед за своим капитаном сабельники ворвались на хутор и захватили сразу же два станковых пулемета и два миномета. В полусожженной хате они обнаружили 15 обугленных трупов и в том числе одного тяжело раненого немца, которого, видимо, фрицы не успели сжечь. А в том, что у них было такое намерение, нет сомнения, ибо все эти 16 были обнаружены под облитой горючим непрогоревшей соломой.

Преследуя немцев, 4-й эскадрон с ходу взял Сурмичи и завязал бой у четырех мостов — тем самым сабельники разгрызли «крепную скорлупку» и добрались уже до «орешка».

Казачи-кубанцы гвардии полковника Попова продолжали беспощадный штурм, угрожая немецкому гарнизону города. И, как прежде, в направлении главного удара воевал 4-й добровольческий эскадрон сынов Улуг-Хема, руководимый отважным Кечил-оолом.

5 февраля 1944 года в результате стремительного прорыва и глубокого рейда по тылам противника конногвардейцы генерала Соколова вместе с подвижными соединениями и пехотой генералов Баранова и Пухова овладели городами Ровно и Луцк. Таким образом в руках наших войск оказались два крупнейших областных центра Советской Украины, два стратегически важных ключевых опорных пункта. Захватив огромные трофеи и большое количество пленных, конногвардейцы генерала Соколова продолжают обходить и уничтожать противника.

Свободолюбивый тувинский народ может испытывать особенную радость и гордость, зная, что в этих боях кровью скрепили свою бессмертную дружбу с Красной Армией храбрые воины добровольческого отряда под командованием гвардии капитана Кечил-оола. В этих боях они оправдали доверие родного народа и братской Красной Армии, вручившей им свое прославленное оружие. В этих боях они с достоинством несли на своей груди почетные знаки «Гвардия» и заслужили высокие правительственные награды — ордена и медали Советского Союза.

Их подвиги золотыми буквами будут записаны в историю героических дел советской кавалерии. Ими будут по праву гордиться народы Советского Союза и Тувы.

Сейчас, когда пишутся эти строки, конногвардейцы-тувинцы находятся в новом глубоком рейде недалеко от государственной границы Советского Союза.

И близок час, когда первые доблестные воины-победители, перешагнув рубеж, устремятся на поганую германскую землю, чтобы отомстить всюю силой и яростью своей души проклятым немецким людоедам.

Вместе с ними переступят этот рубеж славные братья-тувинцы, добровольцы Кечил-оола.

И залпы московского салюта, возвещая победу, могучим и радостным эхом откликнутся в ледниках Саянских гор, а ослепительное сияние ракет достигнет отдаленных хошунов и сумонов прекрасной Тувы и городских кварталов Кызыла.

1944 год. Действующая армия.

Тимофей СЕРМАВКИН

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Мины были зло, точнее — люто,
как всегда, зловещ был их полет.
Харкал восемнадцать мин в минуту
шумовский тяжелый миномет...

А. Прокофьев. Поэма «Россия».

I

Александр, тяжело опираясь на холодный ствол миномета, с трудом поднялся. В утренней туманной дымке чуть проглядывались очертания опушки березовой рощи. Чтобы согреть и размять заочиненные ноги, он решил пробежать до леса. Но едва сделал десяток шагов, как грохнулся плашмя в глубокий снег. «Фу ты, черт!» — сердито выругался Александр и пошарил в снегу, обо что это запнулся. Рука наткнулась на небольшой пенек. Он счистил рукавицей снег и увидел расщепленный остаток некогда наверхника красивой и кудрявой березки, выросшей поодаль от своих сестер. Пенек уже почернел, береста на нем рваными клочьями скрутилась книзу. «Видно, еще летом бедняжку снарядом срезало, — подумал Александр. — Никого война не щадит...» И сердце как будто кто-то клещами сдавил, — вспомнились на миг лесные просторы под Сарыт-Сепом и вот такие же кудрявые березы в

них. Туда фашистские снаряды не долетят, а вот здесь, под стенами Ленинграда, они рвут, крошат все, что попадет на их пути. Отряхнув снег с шинели, Александр в тяжелой задумчивости пошел назад к миномету.

Минометный расчет братьев Шумовых

Сюда, к станции Погостье под Волховом, 320-й стрелковый полк прибыл в начале марта сорок второго года. Враг, не считаясь с потерями, рвался к городу Ленина, растрюбив на весь мир, что сметет с лица земли колыбель русской революции. Но на его пути грудью вставали все новые и новые полки расправляющей богатырские плечи страны Советов. В составе одного из них прибыли под стены Ленинграда из глубокой Сибири и пять братьев Шумовых — минометчики.

II

От Кызыл-Арыга до Балгазына сыновей вез сам Никита Фаддеевич. Сытые, застоявшиеся кони легко несли расписные кошевки. Старик, широкоплечий, с окладистой бородой, которая на прожигающем морозе густо заиндевела; прочно восседал на облукке и походил на сказочного Деда Мороза. Сзади него, запахнувшись в дохи, сидели старшие сыновья Иван и Лука. Во второй кошевке разместились Авксентий и невестки. Все молчали.

— Ну, что носы повесили?— зычно крикнул старик.— Чай, не на похороны собрались, а супостата бить, так и сердце должно жаром пылать. Запевай нашу сибирскую, Ванюшка, чтоб в горах зычно было... А-и-ну, мил-а-ай, пошевеливай!— и Никита Фаддеевич с протяжкой стеганул вороного коренника по крупу. Жеребец всхрапнул и наметом рванулся вперед, выбрасывая прямо в бороду Никиты Фаддеевича комья снега. Рядом, круто заломив голову набок, неслась пристяжная.— Лихо прокачу вас, сыночки, чтоб не забывали родные края!— и старик еще раз подстегнул жеребца крепкими сыромятными вожжами.

Единственную улицу Балгазына, растянувшуюся своими почерневшими, неказистыми, но крепко срубленными домами на добрую пару километров по низине, запрудил народ. Десятки лошадей, управляемых крепкими молодцами, лихо носили кошевки, розвальни из края в край села, прижимая к нехитрым палисадникам стариков, баб, вездесущую ребятню. Сюда съехались призванные в армию мужики из Шуурмака, Марачевки, Кызыл-Арыга, Владимировки. И каждого провожали родные. Никогда не собиралось здесь столько народу. Песни, смех, перелив гармонии вдруг прерывались истошным женским криком, и людской говор ненадолго затихал, только в сердце каждого отдавалась близкая разлука с родными.

Когда шумовские кошевки подкатили к клубу в центре села, там собралась уже порядочная толпа. Высокий командир в белом полушубке зычным голосом начал переключку. Никита Фаддеевич легко соскочил с облучка, стряхнул с усов и бороды иней, расправил их и, молодецки чеканя шаг, подошел к командиру.

— Принимай в Красну Армию моих сынов,— старик вскинул руку под козырек шапки.— Считаю, пол-торы будет. За всех обещаю — крепко врага лупить станут, не посрамят Русь.

Никита Фаддеевич сделал шаг в сторону, как бы давая возможность командиру лучше осмотреть сыновей. Четверо стояли, как стена,— плечо к плечу: справа почти двухметровый Василий, рядом с ним Лука и Авксентий, оба кряжистые. замыкал строй Иван, самый старший из братьев, и, как шутили в семье, впитавший, словно кедр на чистом косогоре, первые соки из шумовского корня.

— Добры, добры молодцы!— командир крепко пожал всем руки.— Да разве согнет нас фашист, если целые семьи поднялись на борьбу за свою Отчизну! Никогда не бывает этому, переломим его звериный хребет! Спасибо, отец! Спасибо от матери-родины за крепких сыновей, постараемся

определить их в одну часть,— командир трижды поцеловал Никиту Фаддеевича.

В Кызыле к братьям присоединился пятый — Александр Терентьевич Шумов, живший в Сарыг-Сепе. Один за другим заходили они на призывную комиссию. Все здоровые, по-сибирски крепко сложенные.

— Сколько вас, Шумовых?— удивленно спросили члены призывной комиссии, когда перед ними предстал самый младший из братьев двадцатичетырехлетний здоровяк Василий.

— Пока пятеро,— смущенно ответил он.— Но придет черед — и еще столько же братьев пойдут воевать.

Лютым был январь 1942 года. Морозная туманная дымка окутала Кызыл так, что буквально в пяти шагах трудно было различить лицо человека. Столбик термометра упорно держался ниже пятидесяти градусов. Холода не выдерживали даже мохнатые сибирские лайки, они покидали свои собачьи конуры и забирались в коровьи стайки. Воробьи, вылетевшие из-под крыш и от дымовых труб, чтобы утолить голод какой-нибудь крошкой, мерзлыми комочками падали с проводов и заборов в сугробы. Из степей в город, деревни перебирались даже куропатки, но и здесь не находили спасения от холода. И только людей не мог задержать мороз в домах, у жарких печек. Каждый день сотни жителей Кызыла и деревень Тувы приходили на улицу Щетинкина и Кравченко к зданию Дома культуры, где работала призывная комиссия. Отсюда начинался неведомый путь тех, кто шел на жестокий бой с врагом, здесь многим отцам, матерям и женам суждено было последний раз прижать к груди сыновей и мужей.

Под вечер четырнадцатого января уезжали на фронт и пятеро братьев Шумовых: Иван, Лука и Авксентий — сыны Никиты Фаддеевича, Александр — сын Терентия Фаддеевича и Василий — сын Егора Фаддеевича. Все крепкие, работой на земле и охотой в тайге закаленные. Определили их в одну машину — старенький грузовичок, измеривший своими колесами многие тысячи километров трудных в то время тувинских дорог. Колонна машин, разрезая фарами сгущающийся туман, перешла торосистый Енисей и медленно стала одолевать первый подъем на длинном пути через суровые Саяны. Тогда это действительно был очень тяжелый путь, машины, с трудом преодолевая большие подъемы и бесконечные снежные заносы, шли иной раз по неделе до Абакана. И люди почти все это время находились в открытых кузовах на пронизывающем до костей морозе. Обогревались только, когда надо было лопатами раскапывать заносы и в короткие ночные часы отдыха в битком набитых заимках. Но не это угнетало ехавших на фронт: каждый молча переживал расставание с

родными, думая о неизвестном будущем. И только острая шутка или силой дышащая сибирская песня возвращали людей из самих себя к жизни, расцветивали их лица улыбками, озаряли искрой задумчивые глаза.

В Минусинском военкомате прибывшие из Тувы новобранцы проходили распределение по воинским частям. Военком, уже давно поседевший кадровый командир, пожелал лично познакомиться с братьями Шумовыми. Пышущие здоровьем, они привели его в восторг.

— Вот что, братья,— сказал он им,— направим мы вас в Красноярск. Там формируется минометный полк и нужны такие крепкие ребята, как вы. Думаю, будет отличный минометный расчет братьев Шумовых.

Так была определена воинская дорога Шумовых. Не сшибся минусинский военком, давая заранее оценку будущего шумовского минометного расчета. Всего лишь две недели потребовалось братьям, охотникам и мастерам меткой стрельбы, чтобы изучить 82-миллиметровый батальонный миномет и освоить стрельбу из него, как из верной берданки. Каждый день выезжал полк на стрельбище. Уже после первых стрельб Шумовы показали, что зря сеять мины по полю не собираются. Лучше всех проявил себя в стрельбе и быстро изучил систему ведения боя Александр. К концу трехнедельного обучения,— на большее обстановка на фронте не давала времени,— он отлично сдал зачеты и был назначен командиром расчета. С наводкой хорошо справлялись Лука и Авксентий, а Иван и Василий сноровисто готовили мины. Инспекторская проверка показала, что расчет Шумовых добился и скорости, и точности стрельбы.

III

Неделю безостановочно стучал по рельсам воинский эшелон с сибиряками. Наконец, остановился под Волховом. Солдаты высыпали из теплушек: кто кипятком заправиться, а кто просто поразмяться, посмотреть новые места. Но, соскочив на землю, они останабливались, подавленные,— от некогда крупной станции остались одни развалины. На путях дымили развороченные и обгоревшие вагоны, под откосом валялись кучи металлолома — остатки паровозов, а на месте домов торчали только трубы. Молча стояли у вагонов и братья Шумовы. Навалившаяся на них так сразу жестокость войны камнем придавила сердца, остановила мысль. Они, привыкшие с малых лет к тому, чтобы своим трудом что-то создавать на земле и потом беречь это новое, были подавлены беспощадностью разрушения.

— Вот ведь гады чего наделали!— с трудом выдавил Лука и зло плюнул на выгоревшую землю.

— Зверье, только и всего!— поддержал его Авксентий.

— Придет время, за все расчет требуем сполна, ничего не забудем,— сказал Александр.— Вася, поди-ка, пошукай, может, кипяточку найдешь. Попьем спокойно, видно, последний разок, думаю, уже завтра-послезавтра придется нам драться с фашистом. Видишь, вон там у цистерны солдаты толпятся, наверное, кипяток раздают.

Василий взял у братьев котелки и крупно зашагал к цистерне, чудом уцелевшей на самой окраине станции. Когда он подошел ближе, то услышал веселые голоса солдат, смех.

— Чего это они радуются?— спросил он безавшего навстречу с полным котелком пожилого солдата.

— На, хлебни, узнаешь, чего,— и солдат протянул Василию котелок.

Густой спиртной запах ударил в нос. Василий резко отстранил рукой котелок и удивленно уставился на солдата.

— Чуешь, чем пахнет?— и солдат довольно захохотал.— Кто-то из братков надыбал эту цистерну, ну и наделал дырочек из винтовочки. Хоть попьем напоследок как следует,— и он торопливо побежал к эшелону.

«Что же это такое?— судорожно соображал Василий, приближаясь к цистерне.— Ведь могут все перепиться, а вдруг завтра в бой, или налет? Надо командиру сказать...» Но возвращаться к вагонам было далеко, а серая толпа у цистерны все росла. Некоторые солдаты тут же прикладывались к котелкам, а иные пытались и губами ловить тугие струйки... Тогда Василий решительно втиснулся в толпу и, легко отстраняя солдат, оказался у самой цистерны. Под валенками захлопал набухший от спирта снег.

— Стойте, братцы!— гаркнул Василий.— Вы чего, очумели, что-ли? Ведь это гибель для вас,— а вдруг фашист...

Толпа на миг замерла, но тут к Василию подскочил взъерошенный, с красными злыми глазами солдатик и пьяно выругался.

— А ну, катись с дороги к чертовой матери!— орал он.— Может, сегодня только и проживем... Не мешай гулять нам последний noneшний денечек... Я нашел этот бочоночек и дарю его солдатушкам. Пей, братва! Гуляй! Все равно подышать! А тебе — на вот, выкуси,— и сунул под нос Василию грязную фигу.

Василий на миг увидел чуть ниже кулака солдата синий контур женщины и какие-то слова. «Блатняга, видно, много тюрем прошел»,— мелькнуло в сознании. Василий резко оттолкнул петушившегося солдата и сдернул с плеча винтовку.

— Кто подойдет к цистерне, пристрелю!— тяжело выдавил он из себя.

Толпа ошалела, уставилась на него на минуту-другую. Одни смотрели удивленно и не знали, как поступить, некоторые попятились назад. Но тут снова выскочил тот же солдатик и завизжал:

— Своих бьешь! Фашисту поддержку делаешь... Командир какой выискался! Бей его, братцы!

И толпа снова загудела пьяными голосами. Василий понял, что сейчас его сомнут, затопчут в этом тошнотворном мокром снегу потерявшие от неожиданной тяжелой встречи с войной и близкой смертью контроль над собой люди. Он отступил к цистерне и прижался к ней спиной, чтобы обезопасить себе тыл, сунул винтовку вниз, боясь, как бы кто снизу не ухватился за нее, и поднял свои тяжелые кулаки.

— Ну, теперь подходи!— зло крикнул юн.— Кто первым хочет чарку выпить?

И тут он услышал хлесткие выстрелы, увидел бегущих от эшелона братьев. Впереди в распахнутой шинели мчался Лука, за ним Александр, перезаряжая винтовку на ходу. Братья сходу врезались в пьяную толпу, расшвыряли очумевших солдат и встали рядом с Василием. Вскоре подоспели командир полка, другие офицеры, комендантский патруль станции. Пьяные солдаты тут же были уведены к вагонам, а главный зачинщик арестован. У цистерны комендант станции поставил часовых.

— Спасибо, ребята!— поблагодарил братьев командир полка.— Чьи будете? Из какой батареи?

— Это из моего взвода, товарищ майор,— ответил за братьев лейтенант Цывриков.— Шумовы они, братья.

— Все братья?— удивился командир полка.— Говорили мне о вас, но не думал, что вас пятеро. Благодарю за службу!— И крепко пожал каждому руку.— Надеюсь, что еще не раз услышу о вас хорошие слова.

Вечером в наполовину уцелевшем станционном вокзале состоялось заседание прибывшего из дивизии разобраться в «ЧП» трибунала. Выяснилось, что зачинщиком погрома цистерны оказался рецидивист с многолетним стажем, сбежавший из лагеря и добровольцем записавшийся в армию, чтобы спрятать свои следы. Тут же, в сумерках, на пустыре за станцией, он и получил свой последний приговор.

А через два дня полк вступил в бой. На подступах к станции Погостье приняли первое боевое крещение и братья Шумовы.

— У стен Волхова мы стояли всю зиму,— задумчиво вспоминает командир расчета старший сержант Александр Терентьевич Шумов.— По прибытии на фронт нам сразу же дали тяжелый 120-миллиметровый миномет. Может, сыграло роль то, что командир полка лично узнал нас в том случае у цистерны на станции, а может, просьба Цыврикова сохранить нас в одном расчете. Но, помнится, майор тогда выразил уверенность, что мы можем сделать миномет грозным оружием. В умелых руках он действительно мог поставить непреодолимую огненную стену на пути врага. Мы и старались использовать полностью его боевые качества.

Мы сидим в уютной квартире Александра Терентьевича. Годы давно высеребрили ему голову, глубокие морщины, приобретенные, по всей видимости, еще на фронте, легли на лицо. Говорит бывший боевой солдат неторопливо, как бы взвешивая каждое слово, стараясь вспомнить с точностью незабываемое былое. Вижу, нелегко ему, много раз жестоко меченному войной, переживать пережитое.

Бои, бои. С каждым днем они становились все упорнее и кровопролитнее. Страна накапливала силы, а фашистское командование, стараясь использовать наши первые трудности, бросало все новые и новые отборные дивизии на штурм Ленинграда. Но прошедшие маршем всю Европу, они здесь, у колыбели Великой Октябрьской революции, разбивались о беспредельное мужество и непоколебимую стойкость советских воинов. В их рядах твердо стояли у стен города и братья Шумовы, каждый день посылая на голову фашистов сотни килограммов смертоносных «гостинцев». Синявинские высоты, где была прорвана блокада, Шлиссельбургский плацдарм, на котором братья понесли первые потери, потом — Ораниенбаум, Нарва, трудные бои в Прибалтике...

На многих сотнях километров военных дорог твердо отпечатались следы сапог Шумовых, и неизменно впереди их летела слава, завоеванная в боях. А родилась она в огненной крутоверти под Тортоло, когда дивизия, в которой служили братья, ломая военную мощь врага, шла от Вологды на помощь осажденному Ленинграду. Тяжелый миномет ухал тогда беспрерывно — канонада не умолкала третий день. Расчет действовал быстро и точно накрывал цель. Много раз поднимались немцы в атаку, но откатывались, устилая поле трупами. Белое покрывало выпавшего накануне сражения снега изорвалось в клочья, почернело. Братья не помнили, сколько выпустили мин, а когда наступило затишье — от усталости повалились прямо у миномета.

Утром в батарею пришел командир полка. Обошел позиции минометчиков и спустился в блиндаж к Шумовым.

— Ну, здравствуйте, орлы!— приветствовал он братьев.— Сидите, сидите, это мне надо стоять перед вами. Видел, как вы действовали... Лихо работаете! Многим фашистам раздробили черепа. Командование отметит вас по заслугам. А теперь давайте познакомимся поближе. Расскажите мне, откуда вы, какая земля-мать вас вырастила?

Шумовы рассказали, что они из Тувы, что на фронтах сражаются еще пять их братьев — Максим, Петр и Федор, сыны Терентия Фаддеевича, Семен, сын Никиты Фаддеевича и Емельян, сын Егора Фаддеевича, да племянник Николай, сын Максима.

— О-о-о! Целую батарею Шумовых можно сформировать!— восторженно воскликнул командир полка и тут же попросил Александра дать адреса братьев.— Попробуем связаться с командованием, может, кого и переведут к нам. Это будет иметь большущее значение — одиннадцать братьев плечом к плечу защищают город Ленина!

Но военные дороги длинные. Месяцы прошли, пока Александр списался с родными и получил адреса братьев. А к тому времени на разных фронтах отдали жизнь в борьбе за Родину Петр, Федор, Емельян и Николай, тяжело был ранен и вернулся домой Максим. А вот Семена они разыскали в госпитале, и после выздоровления он был по просьбе заместителя командира дивизии по политчасти подполковника Вихлярского откомандирован в минометный расчет братьев.

Горячей была встреча Шумовых. Командир батареи, уже капитан Федор Парамонович Цывриков приказал повару приготовить специальный ужин и сам пришел к братьям в гости.

— Ну, теперь вы еще крепче стали,— сказал капитан, поднимая солдатскую кружку.— Давайте выпьем эту фронтовую чарку за вашу встречу и за то, чтобы боевая слава о вас гремела. Устраивайте врагам такой шум, какой подобает вашей фамилии.

V

Год беспощадно громили врага братья, а сами оставались невредимыми. В боях оттачивалось их воинское мастерство. По всему ленинградскому фронту разнеслась слава о шумовском минометном расчете. Первые боевые награды украсили грудь братьев. Командование полка поручало им самые сложные задания по подавлению огневых точек врага, и братья с честью их выполняли. Боевая сноровка расчета настолько выросла, что он действовал как единое целое. Команды Алек-

сандра четко исполнял наводчик Лука. Иван, Авксентий и Семен быстро готовили мины, а это требовало большого умения и быстроты. В считанные секунды надо было зацепить на мину мешочек с порохом, который в стволе воспламенялся от вспышки разбиваемого капсюля и выбрасывал «подарочек» на голову фашистам. Завершал операцию самый рослый из братьев — Василий. Обладая недюжинной силой, он, как потом написал в своей поэме Александр Прокофьев, прямо с маху, как картошку, в ствол бросал пудовые мины.

Однажды командир батареи устроил хронометраж работы расчета. За минуту Шумовы успели выпустить по врагу восемнадцать мин! Почти триста килограммов стали шквалом неслось на врага. Едва первая мина, выпущенная братьями, разрывалась в рядах фашистов, как за ней неслись еще семнадцать. И не было никакого спасения от такого молниеносного удара. Тогда фронтовые газеты напечатали заметки о боевых действиях шумовского расчета под заголовком: «18 мин в воздухе!» Узнала о их подвиге и вся страна — на первой странице новогоднего номера журнала «Огонек» за 1944 год была помещена фотография братьев Шумовых у миномета. Сделал ее фотокорреспондент ТАСС С. Сучатов. «Они являются олицетворением великой семьи народов Советского Союза, грудью вставших на защиту Родины от подлого врага», — краткой, но предельно точной была подпись под снимком, выражавшим несокрушимость воли сынов Великого Октября отстоять город Ленина. Пришел журнал «Огонек» и в Туву, наполнив сердца не только Никиты, Терентия и Егора Шумовых и не только членов их семей, но и всех жителей республики гордостью за ратные подвиги своих земляков.

— Помню, потом нас командир полка в шутку попросил стрелять пореже, — улыбаясь, вспоминает Авксентий Никитич, — а то, говорит, вы мне боевую технику спалите. Ствол миномета действительно раскалялся так, что краска горела.

О боевой отваге братьев Шумовых узнал и ленинградский поэт Александр Прокофьев. В то время он задумал поэму «Россия», в которой хотел воспеть на века отвагу и беспримерную стойкость, мужество сынов России, выстоявших против впитавшей в себя всю военную мощь Европы гитлеровской армады. В ратных делах братьев Шумовых поэт прозорливо увидел олицетворение великой семьи российской. Много часов провел Прокофьев в батарее, наблюдая за боевыми действиями братьев.

— Дотошный мужик, — вспоминает Авксентий Никитич, — все мы упрели, пока он выпрашивал, кто мы, да откуда, да кто наши отцы и деды. Немцев лупить и то сподручнее было нам, чем отвечать на его вопросы.

— Вечером он выпил с нами чарочку фронтovou, — рассказывает Александр Терентьевич. — Мы его пригласили после войны к себе в Туву, в гости. Обещал — и сдержал слово, приезжал к нам во Владимировку.

Часто навевались в батарею и гости с предприятий сражающегося Ленинграда. Особенно крепкая дружба у батарейцев завязалась с работницами шефствовавшей над их воинской частью зеркальной фабрики. Женщины, приезжая на передовую, привозили бойцам подарки, отрывая последнее из своих скудных пайков. Ездили и Шумовы на фабрику, рассказывали работницам о своих боевых делах. Одну из таких встреч запечатлел фотограф, и фото сейчас бережно хранит Александр.

Однажды в батарею пришло письмо от конструктора миномета Б. И. Шавырина. Он, узнав о том, какого мастерства добились в стрельбе из его миномета братья Шумовы, тепло поздравил их с ратными подвигами и пожелал успехов в боях. Потом конструктор до конца войны внимательно следил за боевыми действиями расчета.

Каждый бой оставлял о себе память, прокладывая еще одну черточку на лицах братьев. Но о некоторых сражениях Александр и Авксентий и сейчас не могут рассказывать спокойно, как о чем-то давно пережитом, потому что близко у роковой черты пришлось им постоять. В деревне Малиновке батальон неожиданно попал в «мешок». Враг все плотнее сжимал кольцо и вырваться из него можно было только одной дорогой — через болото. А как сунешься в трясину с тяжелыми минометами и боеприпасами?

— Давайте сделаем волокуши, как наши охотники делают в тайге, и перетянем на них минометы через болото, — предложил капитану Цыврикову Лука.

Недолгое дело крепким крестьянским рукам, умеющим все творить, соорудить нехитрые волокуши. По трое-четверо впрягались в них и, утопая по колено в вязкой зеленой жиже, одолели болото.

Врожденная смекалка и потом не раз выручала Шумовых. Первый год машин в армии не хватало и особенно в блокированном Ленинграде. Поэтому солдатам приходилось больше рассчитывать на свои плечи. Но с тяжелым 280-килограммовым минометом быстро не сменишь позицию, вот и взяли братья в часы затишья за топоры. Соорудили сани и на них перетаскивали миномет, боезапас. Их примеру последовали все расчеты, и батарея стала более подвижной, первой в полку выходила на заданный рубеж.

Однажды новую позицию занимали ночью. С нее только что выбили немцев, и надо было до рассвета закрепиться.

Поэтому некогда было выбирать место под миномет, его установили в первой удобной лощинке. А когда рассвело, братья увидели такое, что волосы зашевелились под шапками. Из-под плиты миномета торчала пара немецких ботинок. Трупы, чуть прилорошеенные снегом, усеяли всю лощинку. Но перетаскивать миномет в другое место уже не было времени — начался обстрел. Так и восвали до вечера, превозмогая отвращение.

Не раз смерть смотрела братьям прямо в лицо. Но, как говорится, береженого и бог бережет. Стараясь во что бы то ни стало смять оборону ленинградцев, немцы часами массированными налетами бомбили передний край. Действуя четко, Шумовы все-таки успевали в короткие минуты перерывов в налетах выскочить из блиндажа и выпустить десяток-другой мин. И вот после одной из таких вылазок едва успели заскочить в блиндаж, как в миномет грохнула бомба. Даже массивную плиту потом не нашли. А вообще Шумовы за войну лишились трех минометов от прямых попаданий или снарядов немецкой артиллерии, или бомб.

Первая беда в семейный расчет пришла в январе 1943 года. Получил ранение Лука. А через день эвакуировали в госпиталь и Авксентия — осколок вражеской бомбы попал ему в ногу. Через месяц братья, подлечив раны, снова вернулись в расчет. Но законы войны неумолимы. Не всем удается выжить. В конце июля 1944 года, когда войны Ленинграда не удержи́мо гнали фашистов с родной земли, под Нарвой шумовский расчет поредел сразу наполовину. Один из снарядов разорвался рядом с минометом, и упали, как подкошенные, Семен и Василий, а Александр получил тяжелые ранения в голову, бок и в ногу.

Похоронили Лука, Авксентий и Иван братьев на лесной опушке в братской могиле с десятками других павших бойцов. Потом проводили Александра в тыловой госпиталь и снова двинулись дальше, на Запад. В непрерывных боях прошли братья Эстонию, а в Литве не стало и Ивана. Возвращались он и напарник под вечер на позиции с обедом для батареи и неожиданно напоролась на немецкую разведку. Напарник был сражен первой же очередью, а Иван успел заскочить в воронку. Не один раз немцы кричали ему:

— Рус Иван, капут, сдавайся!

— Натек-ка, вот, выкусите! — и из воронки хлестко била винтовка.

До последнего патрона отстреливался гвардеец. Три фашиста нашли смерть от его пуль. Но автоматная очередь изрешетила и его. Только и успел сказать подоспевшим нашим бойцам: «Сообщите на батарею братьям Шумовым...» И выросла третья шумовская могила, на этот раз у стен древней Риги.

Боевой путь знаменитого шумовского расчета закончился в мае 1945 года, когда отгремели последние залпы невиданного еще историей сражения советских воинов за честь и свободу Родины. Славную страницу в эту битву вписали и братья Шумовы. Они выпустили по врагу около 30 тысяч мин, уничтожили два батальона гитлеровских солдат и офицеров, 24 пулемета, 20 минометов и орудий, 29 дзотов и блиндажей. Родина высоко оценила их ратный подвиг, все награждены орденами и боевыми медалями.

VI

В эти дни, когда советский народ отмечает 30-летие великой Победы наших доблестных Вооруженных Сил под руководством Коммунистической партии над гитлеровской Германией и ее сателлитами, каждый посетитель Ленинградского артиллерийского исторического музея останавливается у экспонируемого 120-миллиметрового миномета братьев Шумовых. Табельный номер его — 0199. Война оставила на нем свои следы — царапины от осколков. Люди с глубоким уважением смотрят на этого грозного трудягу войны, с сердечной благодарностью вспоминают тех, кто умело им владел. А рядом широко известная фотография корреспондента С. Сучатова. С нее смотрят улыбающиеся братья Шумовы — Семен, Александр, Лука, Василий, Иван и Авксентий.

Такая же экспозиция имеется и в Новосибирском музее боевой славы Краснознаменного Сибирского военного округа. На стенде у миномета представлены портрет наводчика расчета Луки и фотография, зафиксировавшая приезд благодарных рабочих Ленинградского завода художественного литья на передовую в расчет к братьям Шумовым. Многочисленные записи в книге отзывов свидетельствуют о сердечной благодарности пионеров и комсомольцев, сегодняшних молодых воинов и давно убеленных сединами фронтовиков, рядовых нашей великой армии и ее офицеров, генералов братьям Шумовым за их мужество и отвагу. И, конечно, каждый, кто побывал в Кызыльском республиканском краеведческом музее имени 60-ти богатырей, непременно задерживался у экспозиции, посвященной фронтовым подвигам наших земляков Шумовых.

Время неуемимо. В позапрошлом году не стало еще одного бойца гвардейского шумовского расчета — Луки. Он до последнего дня своей жизни трудился в совхозе «Россия». На пенсии теперь Авксентий. Он живет в рабочем поселке Шуурмаке Тес-Хемского района, часто встречается с пионерами, рассказывает им о незабываемых годах великой битвы

с фашистами. В районном центре Самагалтае есть улица имени братьев Шумовых. Земляки через века пронесут благодарность им за их верность сыновьему долгу перед Родиной.

В Кызыле живет командир расчета гвардии старший сержант Александр Терентьевич Шумов. Он тоже персональный пенсионер, но дома его редко застанешь: то пионеры школ города приглашают в гости, то к комсомольцам предприятий на вечер уйдет или же встретается с воинами Кызыльского гарнизона. В Кызыле живет и еще один воин из рода Шумовых — Максим Терентьевич, ему уже восьмой десяток.

Бережно хранят братья Шумовы память военных лет, немеркнущую свою славу. Два раза Александр Терентьевич ездил в Ленинград. Тепло встречали его благодарные жители легендарного города. Встречи в музее у миномета, на местах бывших сражений еще раз показывают, как свята у ленинградцев память о доблестных своих защитниках. Не забыть ему никогда и встречи в 1955 году в Коломне с конструктором миномета Героем Социалистического Труда Б. И. Шавыриным. И всегда будут помнить в роду Шумовых приезд из Ленинграда сюда, за Саяны, поэта Александра Прокофьева, воспевшего боевую славу братьев. Все село собралось тогда во Владимировском клубе послушать поэта, рассказы Луки, Авксентия и Александра о своих боевых делах.

Достоинно продолжают ратную славу одиннадцати братьев Шумовых их дети. Сыновья Максима Терентьевича — подполковник, преподаватель военного училища, кандидат исторических наук Афанасий и офицер-ракетчик Альберт достойно служат Родине. Священно исполняют свою обязанность перед Отчиной и другие многочисленные сыновья и внуки Шумовых.

И будут годы идти один за другим, но время бессильно изгладить из памяти народный подвиг братьев Шумовых. О нем будет напоминать потомкам сама история величайшей битвы советского народа за свою свободу и независимость, которая не померкнет в веках.

Александр РУССКИЙ

СОЛДАТСКИЕ ЗВЕЗДЫ

У каждого солдата своя судьба, свое место в строю. Сибиряку Дмитрию Комарицыну, ныне жителю Кызыла, привелось провести на войне без малого полторы тысячи дней.

Глядя на него, я думаю о том, что когда он, колотый, стреляный, прошедший огни и пожары войны, закаленный, как самый редкий булат, закончил в сорок пятом воевать и собрался домой в свою Сибирь, я только родился.

У его пыльных сапог скулил побитый Берлин, бывшее логово заносчивого фашистского зверя. И когда он полными глотками пил вино редчайшей в истории человечества победы, — я только-только родился. Спрашивается, дано ли мне, не видевшему ни голода тыла, ни смертельного холода фронта, человеку нового поколения, дано ли мне понять переживания, глубину скорби и высоту счастья моего героя?! Надо понять, — отвечаю себе, — нам их обязательно надо понимать, сохранить в себе частицу их жизни. Иначе нас, наши дела не смогут понять другие, — те, что придут на смену нам... Без прошлого нет будущего.

Мы сидим с Комарицыным в кухне его маленькой квартиры, где живет он теперь со своей верной давней подругой, женой Евдокией Николаевной. Бывший разведчик мал ростом, по-молодому резок в движениях, крепок еще. Я знаю, что орденом Славы всех трех степеней случайных солдат не награждали, а значит, передо мною человек выдающегося мужества и отваги.

— Хватил грома, парень, — бьет он себя ладонью по колену и напряженно глядит в окно: вспоминать ему тяжело и горько.

Но вспоминать надо.

— До войны, я, парень, никогда не думал, что придется выдержать такую четырехгодичную драку. Работа моя была мирная. Как и у отца Алексея Васильевича, который числился в Таштыпском районе большим мастером своего ремесла. Самопряху изладить, раму там оконную или стул смастерить — это ему одно удовольствие. Знатным столяром был, уважение людей имел, потому и я, и старшие братья — Иван да Ананий трудиться могли и любили. Иван-то раньше меня на фронт угодил, Ананий — позже. Да оба и погибли. А я вот добрался до победного окончания. Повезло, наверное, ведь не трусил, исправный был солдат. А бит был довольно. Семь раз находили меня осколки да пули: и зубы считали, и ребра, и пальцы, а один раз даже фашистского ножичка отведаль. Но и фрицев бил добросовестно... У нас говорили: драться начал — не ленись. И я не ленился. Иначе было нелзя: фашист — он зверь жестокий, но трусливый...

В последнее время часто не спится старому солдату. Встает среди ночи, ходит по комнате, курит на кухне. Глянет в окно: мирная луна над спящим городом. Сколько старых солдат не спят в такое время в России?

Недавно умер сосед, тоже фронтовик. Тяжело перенес Комарицын его смерть. Поэт так об этом сказал:

...Слишком горько уходим и рано.
Только это не наша вина.
Это наша давнишняя рана,
это нас догоняет война...

Давнишние раны не дают покоя и ему. Их столько, что хватило бы на пятерых.

Не гнишь, старый солдат! На тебя по-прежнему смотрят люди. Ты нужен молодым, как вера в добро, как свет на знамени твоего гвардейского знака.

Десятки боевых эпизодов помнит дивизионный разведчик. Но особенно памятливы те дела, за которые удостоен звания полного кавалера ордена Славы. Ордена всех трех степеней он заслужил уже в последнем году войны.

Висло-одерская операция, начавшаяся в январе 1945 года, застала Комарицына уже бывалым, серьезным воином. Трудные задачи разведчика водили его не раз в рискованные рейды по тылам противника. Он наглядился на «деятельность» фашистов в русских селах и городах, хорошо познал психологию бандитов. За добычу «языков» был уже награжден двумя орденами — Отечественной войны и Красной Звезды.

Вислу форсировали вьюжной февральской ночью. Подразделение разведчиков, включенное в ударную группу прорыва, по разбитому снарядами льду ворвалось на занятый противником берег. Здесь атакующих встретила другая вьюга — свинцовая. Фашисты не жалели боеприпасов. Бойцы залегли. Надо было во что бы то ни стало продержаться до подхода главных сил. Командир группы, еще молодой, но уже седокудрый капитан Маценко, у которого немцы сожгли всю семью где-то под Киевом, передал приказ: наступать. Бойцы поняли его. Гораздо легче было идти вперед, чем ждать, когда враг опомнится и сбросит немногочисленную группу в Вислу. По резким, отрывистым командам командиров отделений поднялись в атаку. На вторую линию фашистских укреплений бежали, стиснув зубы, молча, быстро. И тут на разных участках ударили пулеметы. Они били так дружно и яростно, что сплошная лавина свинца прижала к земле атакующих. Продвижение вперед стало невыполнимым. Выход один: любой ценой заставить замолчать амбразуры огромного дота, вставшего на пути группы. Несколько попыток не увенчались успехом.

— Комарицын, к командиру! — раздавалась команда по цепи.

— Если обезвредишь пулемет,— напутствовал капитан разведчика,— дашь знать фонариком.

Что там сейчас, на том крохотном пятчке польской земли, который по-пластунски, каждую секунду ожидая смертельного тычка пули, преодолевал русский солдат Дмитрий Комарицын? Может быть, сад или двор больницы? Неважно. Надо лишь сделать так, чтобы люди, живущие там, сквозь траву или асфальт всегда различали на земле следы трудного пути к победе над фашизмом.

Чем ближе подползал Комарицын, тем плотнее вжимался в землю: пули веером шуршали над головой. Еще метр, еще... Вот уже различима узкая щель амбразуры, освещаемая слабыми вспыхами длинных пулеметных очередей. Теперь выбрать момент. Достал гранату, приготовился. Короткий стремительный взмах руки. Следом взрыв. Кажется, попал. Еще через несколько секунд боец для верности дает по развороченному гнезду смерти несколько автоматных очередей. И только потом, вскочив, начинает махать зажженным фонариком. Вперед, ребята!

— В сорок первом мне было двадцать восемь. Уже срочную отслужил на Дальнем Востоке, жениться успел, сыном Венькой обзавелся. Воевать было вовсе не с руки. Отрываться от дома тяжело. Ну, а куда ж денешься, если враг грозитя на корню выбить весь народ. Пошел. Наших, таштыпских, тогда много ушло. Многие, слышать, не вернулись, а какие и ныне здравствуют, других догнала война уже после. Собрали мне на дорожку сухарей, обнял на прощанье матушку, жену свою Евдокию. Креплюсь, а сам плачу в душе. Эх, думаю, не увижу я больше ни сына малого, ни дома родного, ни того ребеночка, что уж должен был у Евдокии вот-вот народиться. Довелось. Повезло, значит. Вот ведь и двух братьев и шурина Ваську, совсем еще пацана... Главное, что обидно: в самом конце войны его под Кенигсбергом подбили. Так в танке и сгорел Василий Андреевич.

...19 марта сорок пятого года Гитлер отдал приказ о создании «зоны пустыни» на территории Германии при отступлении немецко-фашистских войск. Все, что оставалось, было предназначено для обороны.

Бойцы шли по обугленной земле Европы.

— Вот, сволочь,— ругался Комарицын,— как пес на сене: и сам не гам и другим не дам...

— Ничего,— зло шурился его друг, москвич Вася Курочкин,— заварили кашу, пусть расхлебывают.

В начале апреля разведчикам подразделения, где воевал Комарицын, приказали скрытно переправиться через Одер и захватить «языка». Дело было не новое, хотя и чрезвычай-

но сложное. Гитлеровцы, что ночами напролет освещали черную воду реки ракетами, простреливали каждый участок. Обидно было нарваться на случайную пулеметную очередь, мину. Вода в реке была еще ледяная...

Когда затемнело достаточно плотно, шестеро разведчиков в приготовленной еще днем лодке отчалили от берега. Все сильно гребли наспех выструганными накануне веслами. Комарицын слышал, как в борта и дно лодки плещет вода чужой реки, и в сознании и сердце его, как и всегда в такие минуты, не было ни памяти о чем-то, ни сожалений, что вот, мол, он, еще молодой человек, у которого есть для чего жить, плывет и может в любую минуту распротиться с жизнью. Иногда только сквозь чувство острой опасности прорывался какой-то нелепый вопрос: это зачем он, сибирский парень, плывет здесь ночью, крадучись, по германской чужой реке? Что ему, своих сибирских рек мало что ли? В последнее время он подслушивал в себе этот вопрос все чаще, и каждый раз в ответ на него чувствовал лютую злость на фашистов.

Лодку засекали где-то на середине реки. Прямо над ней в небе повисли сосульки осветительных ракет. Шваркнуло несколько мин — мимо. Затем затрещал крупнокалиберный пулемет, очередь которого вскоре в щепки разнесла дряхлый борт лодки. Все мгновенно оказались в воде, которая обожгла холодом. Комарицын успел распороть ножом голенища сапог... Назад выплыли пятеро.

На следующую ночь поплыли снова. На этот раз удачнее вышло. Разведчикам удалось переправиться незамеченными. Сравнительно спокойно взяли «языка», старого унтера, и вернулись в расположение. Это была обычная работа.

На Одере, в ледяной купели, Комарицын схватил бронхит в тяжелой форме, который мучает его и по сей день.

* * *

— Я, не гляди, что мал ростом,— в молодости силенка была. Теперь уж ясно, не то, за шестьдесят перевалило. Только и радости осталось, глядеть на молодых, какие они здоровые, сильные, умные. У нас со старухой двое сыновей и дочка. Худо-бедно, воспитали всех троих рабочими людьми, чем гордимся. Недавно приглашали меня сказать слово призывникам. Понравились мне они, специалистов много. Что же, думаю, пожелать вам, милые ребятки? Чтоб не закатилась ваша солдатская звезда, как у многих моих фронтовых товарищей. А для этого должны вы уметь стоять за себя и свою Родину. Служите честно,— так и сказал им...

Весенний день тридцатого апреля 1945 года был отмечен двумя радостными событиями: войска первого Белорусского фронта ворвались в здание рейхстага; в своем бетонном бункере застрелился Гитлер. Но обезглавленное фашистское чудовище агонизировало. В нескольких шагах от победы продолжали умирать наши бойцы и командиры.

Во дворе одного большого дома путь бойцам преградил сильный пулеметный огонь. Видно, фашисту было нечего терять. Выход один: влезть на чердак соседнего дома и оттуда заставить замолчать пулемет. Один за другим падали солдаты, посланные на выполнение этого задания. И вот снова идет Комарицын. Открытый, простреливаемый участок двора он пробежал быстрее других. Пули засвистели около ног, и он упал за стену, больно ударившись грудью о клыки ржавых винтов, торчащих из этой стены. В глазах потемнело от нестерпимой боли, захлестнуло дыхание. На минуту все стихло.

— Живой, Митька? — послышался встревоженный голос. Комарицын узнал Васю Курочкина. Поднялся и, стараясь не обращать внимания на боль в груди, побежал по лестнице на чердак. Сверху он увидел пулеметчика. Фашист сидел в каменной нише, как в щели. Комарицын, не целясь, несколько раз выстрелил из пистолета.

— Н-на, гад...

2 мая 1945 года столица фашистской Германии пала. Но седьмого мая, накануне дня Победы, солдатская судьба в последний раз послала испытание Дмитрию Комарицыну.

Бои в Берлине уже кончились. Неимоверно уставшие за долгие годы боев советские солдаты наслаждались тишиной. И небо улыбалось победителям. Комарицын с Васей Курочкиным шли вдоль громадного серого дома с колоннами, густо посеченными осколками. Где-то невдалеке заливалась гармошка. Нехитрый разухабистый мотив русской «Барыни» среди этих мрачных зданий, невдалеке от Бранденбургских ворот, мог показаться нелепым. Но сердца фронтовиков ликовали. Русская гармошка в Берлине! Курочкин обнял маленького плотного Комарицына за плечи и восторженно выдохнул:

— Эх, Митька!

В тот же момент трескуче лопнул выстрел. Друзья, как по команде, упали. Снайперская пуля навек породнила бойцов. К счастью, Курочкину лишь прострелило бедро, Комарицыну раздробило пальцы на ноге. К ним уже бежали бойцы. Через некоторое время фашистский снайпер был обезоружен, снят с чердака и расстрелян.

* * *

Вот и окончен короткий рассказ о нашем земляке, фронтовике-ветеране. Но где взять такие слова, которые бы в полной мере могли донести силу и величие подвигов тех, кто спас мир от фашизма? Нет таких слов. А поэтому ниже кланяйтесь фронтовикам при встречах. Берегите этих драгоценных людей. И среди них старшину в отставке Дмитрия Алексеевича Комарицына, полного кавалера ордена Славы.

Степан САРЫГ-ООЛ,
народный писатель Тувинской АССР

В ЕДИНОМ ХОРЕ

Сорок лет служу я истории
возрожденной, юной страны,
где народной речи истоками
все слова мои рождены.

Как народ, я страдал немало
и делил с ним радости все,
и на белом поле бумаги
всходит чистой души посев.

Чадаган звучней год от года,
крепнет голос. Славлю дела
и мечты своего народа,
собираю слова, как пчела.

В шумном хоре могучих строек
слышит партия голос мой,
и на правильный лад настроит,
и направит на путь прямой.

Выше нет признанья: народною
называют песню мою...
Окрылен доверием Родины,
я пред ней седины склоню.

УКРАШЕНИЯ

Прекрасна родная моя земля,
украшенная трудами.
Как щедро расшиты ее поля

желтеющими хлебами!
Живым ожерельем по склонам гор —
пасущиеся отары...
И каждый ее красотою горд
из нас, молодых и старых.
Счастливая жизнь...
Как слова легки,
и как глубоко значенье!..

Рабочий, мозоли твоей руки —
вот лучшее украшение.
Так льнет к ним земля,
тверда и мягка,
труду твоему подвластна,
как будто
к отца загрубелым рукам
детишки тянутся с лаской.

Тебе, трактористка, румянец щек
кумачный подарен ветром —
но кто бы лица белизну берег
от поцелуев заветных?..

И вот
завершением всех забот
взвивается к небу знамя...
Украсил и вас урожайный год
медалями, орденами:
как в пору, когда саранки цветут
и степи благоуханны,
восходит в небесную высоту
созвездие Семи Ханов —
так в пору, когда
крепки холода
и снегу долины рады,
восходят на грудь человеку труда,
как звезды, горят награды.

НАКАЗ

Дорогая молодежь моя!
Не хочу обидеть вас —
только дума есть тревожная...
Вам — отцовский мой наказ.

Лиственница одинокая
без подлеска — сирота.
Древней почве лестно соками
молодой лесок питать.

Все легко вам в жизни, юные:
солнца щедрость, гром грозы...
Об одном прошу и думаю:
знайте свой родной язык.

Где бы знаний ни искали вы,
пусть звучит издалека
чистый, как родник под скалами,
звон родного языка.

Не ленитесь вглубь заглядывать:
там — сокровища веков...
Свой познав, легко разгадывать
тайны прочих языков.

Поговорки и пословицы,
сказок мудрость, песен боль —
все бесследно в прошлом скроется,
обойденное тобой...

Обратись к легендам, молодость!
Кто прочтет их — тот поймет:
этот клад — дороже золота
и нужней целебных вод.

Кто с материнским молоком впитал родную речь,
но позабыл ее потом и не сумел сберечь —
тот сиротливей всех сирот, всех нищих тот бедней:
он — словно дерево-урод, лишенное корней.

ПЕРЕД ТЕЛЕВИЗОРОМ

Посвящается открытию Конгресса миролюбивых сил

Амыр! Тайбын! Передо мной
слова, что слов иных не краше,
но их враги страшатся наши —
они всеильны глубиной.

Сегодня мир — не ручеек
и не болотце в тихой чаще,

а грозный океан рычащий
и горный бешеный поток.

Где взяли, море и река,
вы свой размах, величья полный?
В Москве родятся эти волны —
из одного мы родника...

Враги свободы тшятся вновь
лишить народы счастья, мира.
На их руках, на их мундирах
кровь стариков, младенцев кровь.

Но тех, что людям смерть несут
и преграждают путь прогрессу,—
я это вижу по Конгрессу —
их всех настигнет правый суд.

Тувинцы говорят: «Амыр!»
— Энге Тайбын!— кричат монголы.
Забыты прочие глаголы —
звучит на всех наречьях: «Мир!»

Посланцы мира здесь — со мной:
все страны тут, все континенты.
Как водопад, аплодисменты
гремят и будят шар земной.

МОЯ ЛИСТВЕННИЧКА

Друг лиственничка, ты — дитя природы!
Я не свожу с тебя счастливых глаз.
Пускай проходят чередою годы;
цветем с тобой уже в который раз!

Своей вершиной проникаешь в небо.
Твой прямоствольный стан одет в зеленый шелк...
Б обнимку с ветерком качаться век тебе бы,
встречать веселый май под громкий птичий щелк.

Весенним солнцем ласково согрета,
ты каждый день меняешь свой наряд.
Придет зима — ты вновь другого цвета,
и ветви серебром сверкают и горят.

То рясной¹ ягодой, то янтарем играют
на ветках шишечки обильные твои,
их запах, что кумыс, пьянит...
А где-то с краю
повеет свежестью... и полон я любви...

О, сколько у меня друзей в моей Отчизне —
Советской Родине; зеленых сколько рощ!..
Бесценный дар Земли, во имя нашей жизни,
законом защитим, как кровное добро.

Любовь к Отчизне в сердце не остынет.
Мы будем украшать лицо родной земли,
где мы родились, где живем поныне,
где счастье неизменное нашли.

Сергей ПЮРБЮ,
народный писатель Тувинской АССР

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Капитану Т. Кечил-оолу посвящается.

Тебе, тебе...
 Не девушке любимой
пишу о том,
 как ждал, как тосковал...
Надежный, верный друг,
 в письме прими мои
сердечные и нежные слова.

Далёко до тебя,
 но пламень грозно
в снарядном гуле
 и в дыму боев
высвечивает
 темное, как бронза,
летающее вперед
 лицо твое.

¹ Рясная — обильно, густо растущая — русское, украинское народное слово; бытует в Сибири и в Туве (прим. переводчика).

И в мирный день,
 в трудах, народу нужных,
и в том огне,
 где ты сейчас идешь,
нет ничего дороже
 крепкой дружбы —
так опаленной степи
 нужен дождь.

Через седые,
 древние Саяны
я шлю тебе
 поклон родной земли,
и не цветы
 (они в пути завянут),
а руку братскую мою —
 возьми!

Желаний всех
 не выразить словами,
но путь желанья
 оживят слова:
прочтешь письмо —
 и вот я рядом с вами,
иду на бой,
 иду на помощь вам!

Дыханьем степи
 от письма повеет,
прибудет сил...
 Сквозь дым, сквозь грозный гул
иди вперед!
 Пусть в сердце пламенеет
стелным пожаром
 ненависть к врагу.

СТИХИ О МОСКВЕ

1. В МОСКВУ!

Москва — большой аал. И вот меня в Москву
отцовский край послал,— не сон ли наяву?!..
Собрался я чуть свет, чтоб пыл мой не остыл.
Уж где-то подо мной внизу мелькнул Кызыл,
серебряно сверкнул строптивый Улуг-Хем,—
достойно не воспет ниразу он никем!..

А вскоре я летел над кряжами Саяна,
красой которого горд и счастлив постоянно.
Как много подо мной селений, рек и гор,
которых я не знал,— как самолет мой скор!..
Великую хвалу всему, мой стих, роди!..—
Друзья и край родной остались позади.
И ждут меня края, не знаемые мной,—
но где бы ни был я — живу теперь Москвой!

II. В МОСКВЕ!

Не раз я был в Москве, но каждый раз иной,
невиданной она являлась предо мной.
Тоска по ней в Туве теснила грудь порой,
и от Москвы вдали бродил я сам не свой...
Войны священной дни запомню навсегда
и затемненные слепые города,—
всех более Москву, что сумрачной была;
ее — суровую — ночей укрыла мгла.
А вот сегодня я, едва вступив в Москву,
охвачен радостью, которой весь живу.
Войне давно конец — и празднуется мир.
Ликующей Москвы мне облик светлый мил,—
вся морем залита огней... огней... огней!..
Навек повержен враг, что нагло рвался к ней.
И к славе Родины, под гул родных сердец,
неувядаемый прибавился венец.

III. ДОМОЙ!

Мой кропотливый труд в Москве окончен.
Пора домой!.. И, как ретивый конь,
что повод рвет,— Тува зовет все звонче:
— Домой, домой!.. В душе моей огонь...
Нет, не тоска по близким и знакомым,—
меня торопят будни и дела,
труд нескончаемый родного дома,
где мать меня — степнячка — родила...

Но и Москвы себя я числю сыном.
Я — не беспечный, праздный шалопаи.
В моем краю, таежном и пустынном,
ты одного, Москва, мне пожелай:
в трудах моих сноровки и удачи!
По-матерински проводи домой.
И пусть кремлевская звезда маячит
путеводительницей предо мной!

ПО ДОРОГЕ АК-ДОВУРАК — АБАЗА

1.

Словно в сказке волшебной,
меж зубьями гор,
будто ровную степью,
несется мотор:
то взбираясь наверх,
то петляя внизу --
по асфальту шоссе
мы летим в Абазу.
Ветки лиственниц машут
приветливо вслед,
залетает в машину к нам
ветер-шалун.
Ну а где-то внизу,
отражая рассвет,
скачет речка Алаш
с валуна
на валун.
Этот гладкий асфальт
и мельканье машин
навели на нежданные думы меня:
шли здесь предки
по выступам этих вершин,
шли над бездной истории,
путь свой кляня.
И ленивы и тощи,
как будто быки,
люди с вьюками
тихо брели без дорог.
Друг от друга тогда
были все далеки,
и с тувинцем хакас
повстречаться не мог.
Сколько здесь поколений
прошло за года!..
Но никто не осилил
суровых Саян.
Мы совсем разобщенными
были тогда —
торный пик,
как стена, между нами стоял.

II.

По асфальту шоссе
 среди юрких машин
гоним мы в Абазу
 голубого коня.
Этот гладкий асфальт
 и шуршание шин
уж на новые думы
 наводят меня.
Промелькнуло всего
 только несколько лет,
озаренных тобой,
 коммунизма рассвет.
На гранитных страницах
 Саян и Танды
новой сказкой написаны
 наши труды.
Богатырь — человек,
 перестроивший мир,
появился здесь
 с молнией яркой в руках
и разрезал он горные скалы,
 как сыр,
и дорогу, как славу,
 оставил в веках.
Протянулась она
 меж камней и травы —
поднялась высоко
 в голубой небосклон,
и хакасскую землю и землю Тувы
вечным братством скрепила
 сильней, чем бетон.
Мы не месяц в пути,
 а всего только день —
по асфальтовой ленте
 летим в Абазу.
По утесам внизу
 наша движется тень
и орлиные гнезда
 под нами — внизу.

КРЫЛЬЯ ОРЛА

Орел красив и могуч.
Крылья его сильны.
Парит выше гор и туч
над простором страны.

Его не пугает гром.
Летит среди бурной мглы,
протясь на время с гнездом,
что свил на груди скалы...

Подобен орлу удалец:
тверд духом он в трудный час,
с возлюбленной разлучась...
Не стынет огонь сердец.

Он верит — встретится вновь
с той, что сердцу мила...
В разлуке крепнет любовь,
как в бурю — крылья орла.

САРГАТЧАЙ, РОДНОЙ МОЙ КРАЙ

Звенит величаво река среди скал.
Я с детства влюблен в этот звон.
Моей колыбельною песнею стал
волшебный напев мерно хлещущих волн.

Бывает, зажмуришь глаза невзначай —
игра сайзанака предстает, как во сне...
Мне видится небо твое, Саргатчай,
и птицы в том небе видятся мне.

Я помню, как птицы летели на юг,
как был я готов улететь с ними сам
от злобного воя метелей и вьюг,
зимою взметающих снег к небесам.

Из снега был вылеплен мой сарадак¹,
до зелени летней он радовал взгляд...

¹ Сарадак — мараленок (прим. переводчика).

Любви поцелуи горят на щеках —
вовек не забыть первых ласк, первых
клятв!

Вовек не забуду тебя, отчий край,
и той смуглолицей красавицы я...
Ты был колыбелью моей, Саргатчай,
здесь сложена первая песня моя!

ПРИЛЕТЕЛИ ЖУРАВЛИ

Вновь прилетели журавли,
народу радость принесли.
Знать, от родной земли вдали,
ее забыть все не могли.

Трубят, звенят их голоса
над свежей зеленью хлебов.
Приятна им лугов краса,
родных цветов и трав покров.

Вновь прилетели журавли,
вновь приземлились у реки.
Глядят, пристроясь на мели,
на дно, где плещутся мальки.

Стоят на солнце и в тени...
Не трогай их, не беспокой!
На ножках-прутиках они,
как статуэтки, над рекой.

Вновь прилетели журавли,
курлычут, как в былые дни.
В Туву на крыльях принесли
тепло из южных стран они.

Не улетали б никогда:
тоскливо им от нас вдали...
Но — прочь их гонят холода...
Привет, красавцы-журавли!

НАКАЗ БОЕВОМУ ОРУЖИЮ

Мой жаркий стих!
Когда песчаный серый вихрь
над степью кружится весной,
на крыльях перелетных птиц
к земле иззябшей опустишь
и подари ей свет и зной,
пусть тает панцирь ледяной.

Мой нежный стих!
В вершинах гор идут дожди,
бушует половодье рек —
ты воду на поля веди,
где влаги не было вовек,
хлеба и травы напон,
и освежи, и оживи...

Мой громкий стих!
Белеют первые снега
на лысых горах южных гор —
маралом сильным стань тогда,
буди леса, веди свой хор,
пускай гудит твой голос, горд,
заполнив звуками простор.

Мой светлый стих!
Морозы крепнут. Сир и мал
в горах затерянный аал.
За сеном ездил паренек —
коня ведет он в поводу...
Согрей его — ведь он продрог,
затеpli для него звезду.

Мой звучный стих!
Ты водопадом среди скал
неумолкающим греми,
о тайнах гор веди рассказ,
восславь тайги волшебный мир,
могучих кедров высоту,
кипящих речек красоту.

Мой вольный стих!
В степи табунщика рукам
послушен стань ты, как аркан.

Ты с ним объедешь табуны
рассветной свежей порой,
и ветра буйною игрой
вы оба с ним окрылены.

Мой грозный стих!
Будь твердым, острым, словно сталь,—
защитой угнетенным стань,
переруби их кандалы,
вооружи их тайный стан,
повстанцам африканских стран
свободы жажду утоли.

Мой добрый стих!
Ступай в чилийскую тюрьму,
где в заточенье Корвалан,
поклон мой передай ему —
и губ коснись, как пиала,
наполненная молоком,—
влей силы в грудь одним глотком.

Мой верный стих!
Всю жизнь родной моей земли
с собою в странствия возьми,
и труд, и дружбу, и родство
рабочей совести людей,
и правоту, и торжество
высоких ленинских идей!

КАНАЛ В СТЕПИ

Охотился я на волков.
По курганам
без удержу мчался
на ревом коне...
Но конь притомился
от бешеной гонки,
а жажда дыхание стиснула
мне.
Вдруг частый тальник
в стороне я заметил —
оттуда прохладой повеял
мне ветер.

Слезаю с коня. Тишина.
 Над цветами
 так медленно кружатся
 мотыльки.
 Утята — видать, что еще
 не летали —
 скользят, словно пух,
 по теченью: легки...
 К степному каналу я низко
 склоняюсь,
 чудесным его холодком
 упиваясь.
 Когда распрявился —
 все видно мне стало:
 вот красный флажок...
 Не бригадный ли стан?
 А вот поливальщик
 с лопатой — от стана
 он воду к сухим посылает
 местам.
 Лопата на солнце сверкает,
 как зеркало —
 я ехал вдали, а сверканье
 не меркло!
 Тогда-то подумал я:
 слава арату,
 трудяге-хозяину горной
 реки!
 Вода, по каналу живую
 прохладой,
 целебным аржаном
 сквозь степи теки!
 Ты — зелень хлебов,
 и луга, и цветы,
 владеешь ты силой
 земной красоты!

Олег СУВАКПИТ

САЯНЫ

Опорой крепкою земли
 Саяны славятся издревле и доньше.
 Со всех вершин ручьи текли
 и слились вместе все они в долине.

Так Улуг-Хем родился мой.
Рекою жизни стал он для народа.
Пусть молнии, и гром, и зной —
Саянам не страшна лихая непогода.
И гордо голова белеет их седая,
как наш народ, все беды побеждая.

БЕРЕЗКА

Одинокая березка
под окном моим.
Тускло светится березка
сквозь вечерний дым.

Дождь холодный, ветер шалый...
Нет, не в вышину —
тянется она
устало
к моему окну.

Видно, тяжесть небосвода
год от года
тяжелей.
И постылая свобода
надоела ей.

Сквозь ветров студеных смуту,
сквозь ночную мглу
тянется она к уюту,
тянется к теплу.

Если кем-то я обижен,
если круто мне,
подхожу к окну и вижу:
ей трудней вдвойне.

ОГОНЬ МОЕГО СЕРДЦА

Если б множество красавиц
в изумительных нарядах
мне на выбор предложили,—
я б ответил сразу:—Нет!
Есть избранница, с которой
я иду по жизни рядом.

Мне дорогу освещает
сердца ласкового свет.

Я согрет твоим румянцем,
теплотою щек девичьих
в час, когда бегу на лыжах
за богатствами тайги,
а когда лечу я в лодке,
волн кипящих голос зычный
слов твоих не заглушает,
бесконечно дорогих!

Я на соболя охочусь
в тех местах, вдали от дома,
где не видели чашобы
человека до сих пор.
У костра прилягу ночью —
облик вижу я знакомый:
из углей, горящих ярко,
создает его костер.

Если страдную порою
на уборке урожая
я, работу уважая,
по полям комбайн веду,—
на плечах твои ладони
ощущаю я, родная,
и твоя над нивой песня
льется, словно гимн труду.

Салим СЮРЮН-ООЛ

СЫН ХЕМЧИКА

Герою Советского Союза
Хомушку Чургуй-оолу

Родился ты и вырос, друг и брат,
где Хемчик льется — звонкая река,
где рыбы стаи воды бороздят,
где россыпь полевых цветов ярка.

Тебя народ отважным воспитал
и указал тебе он верный путь.

Ты с материнским молоком впитал
любовь к земле, чтоб силу развернуть.

Когда на землю русскую войной
пошел фашист, топча ее луга,
от имени аратов в смертный бой
ты ринулся на лютого врага.

Дни испытаний были впереди.
Сражаясь до Победы, как герой,
ты с золотой звездой на груди
прославленным вернулся в край родной.

Ты легендарный путь прошел, солдат.
Тебе мы дарим добрые слова.
В Победу внес ты свой надежный вклад,
и сыном дорогим Тува горда.

ШОФЕР

Машина спелую пшеницею полна.
Пора в дорогу. Напряженный нынче план.
Чаштыг-уруг дает сигнал. Спешит она.
И грузовик летит дорогой на Чадаан.

Дорога вьется меж лесов, долин и гор.
В глазах шофера, как кочевники, они.
И монотонно песнь свою поет мотор,
как много лет он пел ее в былые дни.

А ну-ка, бег свой укроти, железный конь!
Машина встала под навесом тополей.
Шофер берет ведро ловкою рукой,
чтоб радиатор напоить водой скорей.

Всего два шага ей осталось до реки —
застыла женщина, как вкопанная, вдруг:
плакучей ивы желтокрылые листки
напоминают пальцы добрых, нежных рук...

Весенний вечер встал в глазах Чаштыг-уруг,
когда с любимым здесь была она вдвоем,
когда был тонок стан девичий и упруг,
и губы первый поцелуй обжег огнем.

Текла беседа, словно звонкий ручеек,
под тихий шелест тонких ивовых ветвей

о жизни, радостной, как солнечный денек,
о том, каких красивых вырастят детей...

И на дороге этой ровной много дней
ее учил водить машину верный друг.
И самым ловким, самым сильным из парней
считала милого тогда Чаштыг-уруг.

В объятья воли они бросались в летний зной,
на берегу под солнцем нежили тела...
Но на священную войну, на смертный бой
ее любимого Отчизна призвала.

Здесь ива слышала прощальные слова
и помнит их речная быстрая волна:
«Прощай и помни, что покуда я жива —
надеюсь, жду тебя, всегда тебе верна!»
Погиб в бою он, честно выполнив свой долг...
О нем припомнила сейчас Чаштыг-уруг.
Глаза закрыла. Белый вынула платок
и о несбывшейся мечте всплакнула вдруг...
Дела не ждут. Колхозный хлеб еще не сдан.
Сидит в кабине за баранкою шофер.
Машина снова мчится, мчится на Чадан,
и монотонно песнь свою поет мотор.

РЕКА АК

Есть Ак-река,
крутые берега.
Там сядешь на лихого скакуна —
умчаться далеко не сможешь ты:
мешает гор отвесных крутизна,
в ущельях не построены мосты.
Лишь самым храбрым,
кто душой крылат,
не страшен
первозданный мир преград.

Есть Ак-река,
крутые берега.
Там некогда стояли удалцы.
Их было шестьдесят богатырей.
Жизнь отдали отважные борцы

за мир и счастье трудовых людей.
Их помнят Кара-Даг, Кошпес и Сайырлыг.
Богатыри врагов нещадно били.
Им крепостью родные горы были,
туда лазутчик байский не проник.

Есть Ак-река,
крутые берега.
Героев имена пытались мраком
покрыть враги,
забвеньем им грозья...

Но помнит их народ!
Мы, дети Ака,
гордимся ими,
их забыть нельзя.

Виктор САГАН-ООЛ

МОЙ БРАТ — ГВАРДЕЕЦ-ГЕРОЙ

Ушел на фронт мой старший брат.
Пришла бумага рано утром,
и он сказал нам:
— Как я рад!
Я буду бить фашистов люто.

Нахмурилась печально мать,
сбежала вмиг с лица улыбка.
Суровой стала — не узнать...
А вдруг ослышалась ошибкой?

Но все ж — обтерла пиалу
и чуточку плеснула чаю.
Сидела грустно на полу...
(А слезы, словно дождь, стекают.)

— Будь беспощаден, мой сынок,
будь храбрым, стойким! — наставляла.
Засуетилась... сбилась с ног...
Сын для нее — ребенок малый.

Задумчиво сидел отец,
глубоко залегли морщины,
крутил бородку... Наконец,
он сыну нож вручил старинный:

— Бей злобных хищников, мой сын,
опившихся людскою кровью,
бей кренко, не жалея сил,—
исполнишь этим долг сыновний.

И брат мой вспрыгнул на коня
(аж над седлом шинель взлетела),
Рыжко, копытами звеня,
отбивши дробь, унесся смело.

Мой брат, навеки дорогой,
с тех пор исчез ты...
Мы — в печали...
«В бою, отважно, как герой,
пал смертью храбрых», — нам писали.

Я горевал... ночей не спал...
И от бойцов-кавалеристов
узнал: мой брат геройски пал —
он шестерых сразил фашистов!

Есть даже в скорби торжество.
Отважным был мой брат-гвардеец.
И красную Звезду его
я сохраню.
Пусть вечно рдеет.

ОРЛЫ

Посвящается советским космонавтам

Орленок — птенчик горного орла —
едва окрепнут крылья, вылетает
из теплого гнезда: вдали, крутая,
влечет его и ждет его скала.
Бесстрашным для полета он рожден
и в небо смелым взором смотрит он.

Не приручай орленка, не лови,
не расставляй заботливо тенета:
не примет он ни ласки, ни любви

твоей — он создан для полета!
На крепком камне точит острый клюв
и только солнцу шлет свое «люблю»!

Да, без полета не живут орлы.
И взмах крыла рождает в сердце смелость:
чем выше взлет, тем дальше захотелось
подняться — до другой, до той скалы...
Закрыли солнце тучи, небо хмурия...
Как хорошо! Летим навстречу буре!

Он поднимается за облака,
внизу оставив горные седины,
летит стрелою черной...
В миг единый
полет прервался: молния, ярка,
сверкнула — и испуганный птенец
гнездо родное вспомнил, наконец.

Орлы, орлы... И песни, и стихи им
мы посвящаем, славим... Между тем,
они не в силах побеждать стихии,
страшна им смерть в небесной высоте.
Советский человек сильнее орла:
пилоту крылья Родина дала.

Науки сила одолела косность,
а сила духа одолела страх:
они идут на штурм, выходят в Космос.
открытий жажда в их сердцах остра.
Завидуйте, волшебники из сказок,—
такого не свершили вы ни разу!

Народ, слагая об орлах легенды,
мечтал веками крылья обрести.
Настало время: в глубину Вселенной
открыты человечеству пути.
К Луне, к планетам, к звезд далеким тайнам,
посланцам человечества, взлетать нам.

...Когда-нибудь, с Луны или Венеры,
вернется сын моей родной Земли:
сыны России в нас вселили веру —
и все народы крылья обрели.
Вернется, неземной грозой оваян,
и встанет на трибуне Мавзолея.

ЗАПЕВАЛА

Завидная должность, ребята,
мне выпала в юность мою:
в суровые годы, солдатом,
я был запевалой в строю.

Не то, чтоб в искусстве вокала
я очень тогда преуспел —
со сцены концертного зала
я спеть ничего бы не спел.

Но голос был звонкий и честный,
и пел я усердно, всерьез,
и наши солдатские песни
любил и люблю я до слез.

Бывало, в мороз, среди ночи,
как крикнет дневальный: «Подъем!»—
ну, тут, как ошпаренный, вскочишь,
минута — и часть под ружьем,
на марше повзводно, поротно...
Приказ: «Запевалы, вперед!»

Колонной тяжелой и плотной
училище наше идет.
Выходят вперед запевалы,
и в этом — особый почет,
что рядом со знаменем алым
солдатская песня идет.

Не просто запеть по приказу
ведь нужен особый настрой
для песни. А тут — чтобы сразу,
тут, хочешь-не хочешь — а пой!
Да так, чтоб ни ниже, ни выше,
чтоб всем и под силу, и в тон,
и так, чтобы голос был слышен
до самых последних колонн.

Особый момент напряженья
предшествует песне.
Она,
как будто из ритма движенья,

из самого сердца должна
возникнуть.
Подтянутся строже
и шаг подравняют ряды.
Еще не начавшись, тревожит
нас песня...
И вот впереди,
размеренно, плавно, задорно,
начнут запевалы запев —
и звуки, как первые зерна,
когда начинается сев.
торжественно в душу солдата,
как в добрую землю, летят..

И если б вы знали, ребята,
как песня нужна для солдат!
В разлуке с родными так трудно
по дому тоску заглушить,
несладки солдатские будни...
А песня — всегда для души.

В тяжелом и долгом походе
земля под ногами гудит...
И силы почти на исходе —
а песня всегда подбодрит:
—«Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
пощады никто не желает!»—
и тверже колонна печатает шаг,
теснее шеренги смыкает.

Про наши бескрайние дали
мы пели тогда, на войне.
Мы пели — как клятву давали
на верность любимой стране.
Мы пели — и верили свято,
что в страшной войне победим,
и шли против танков солдаты
с гранатой — один на один.

Под небом Отчизны огромной,
когда повели на расстрел,
«Орленка» запел Окоемов¹—
а что бы еще он запел?

¹ Александр Окоемов — известный в 30-е годы советский певец, первый исполнитель песни «Орленок», был расстрелян фашистами в Белоруссии в 1942 году; перед смертью запел эту песню (прим. автора).

А песню ничто не заглушит:
дорогой побед и потерь
дошла до Берлина «Катюша» —
весь мир ее знает теперь!

Всегда нас ведут запевалы
на подвиг, на бой и на труд:
ведь рядом со знаменем алым
советские песни идут.

ВОЗЛЕ ОБЩЕЖИТИЯ

Вот три пары кирзовых сапожек,
аккуратно выстроившись в ряд,
маленькие — для девичьих ножек —
ровно, как по ниточке, стоят.

Даже сердце болью защемило...
Рад я, как друзьям-фронтовикам,
неказистым, неуклюже-милым,
кирзовым девичьим сапогам.

Значит, вы еще не оттрудились,
не ушли в седую старину.
Значит, вы еще не износились,
до Берлина прошагав в войну!

Где уж вам до модности спесивой!
Грубы, тупоносы и темны,
внешне совершенно некрасивы,
но зато надежны и прочны.

Мы вас не для танцев обували —
мы вас обували для войны,
хоть и в вас, случалось, танцевали
девушки — защитницы страны.

Вас тяжелой пылью забивало,
пулями дырявило не раз,
вас солдатской кровью заливало —
только сносу не было для вас.

И теперь, у общежития стройки,
снова вы в строю,
как в те бои...

Значит,
мы еще чего-то стоим,
старые товарищи мои.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Призывно, решительно, гневно
запела суровая медь.
И властно раздвинула стены
свобода, презревшая смерть.

Вступили фанфары, и снова,
и снова напомнили мне
набатом гремящее слово
на той, на священной войне.

И в зареве грозном, багровом
мы снова уходим в бой,
и сдвинули брови сурово
друзья фронтовые мои.

Все меньше имен на поверке,
в том давнем строю — рядовых...

Но память о них не померкнет,
мы помним,
мы помним о них.
О тех, кто сражался в те годы,
о тех, кто войной был убит...

Ничто не забыто народом.
Народом никто не забыт.

НА ФЕРМЕ КАДЫР-АДЫР

Заслуженному артисту РСФСР, народному артисту Тувинской АССР Виктору Шогжаповичу Кок-оолу.

В просторах неба,
синих, бесконечных,
как юрты белые,
недвижны облака.
Здесь Енисей —
как маленькая речка,
издалека —
как струйка молока.

В траве густой
едва заметно стадо
задумчиво медлительных коров.
Название здешней фермы —
Кадыр-Адыр —
смешит созвучием
веселых, дружных слов.

В разгаре самом тоджинское лето.
Все нежится в его приволье.
Жарко.
Сияет в волнах воздуха и света
просторная зеленая лужайка.

Лепешки, хан, чокпек, пиалы с чаем
расставлены —
чего здесь только нет!..
Приехал в гости
драматург, поэт,
писатель —
человек необычайный!

А ребяташки и не смотрят даже
на угощенье,
не спешат за стол —
всем интересно:
что еще расскажет
веселый, мудрый дедушка Кок-оол?

Немало в памяти у старого актера
рассказов и легенд..
Да он и сам
с отрядом чоновцев
облазил эти горы,
разыскивая банды по лесам.

Он помнит мать свою —
«Великую шаманку», —
ее искусную актерскую игру.
В степном Овьуре,
в детстве, на стоянке
он видел гордую красавицу Кару.
В его словах — ее глаза и косы,
ее любовь и смерть — все оживет,
и бросится в сердца людей с утеса
Кара
с тоскливым криком:
— Хайран-бот!..

...Такая тишина,
что даже слышно,
как овод пролетевший протрубиг,
как, высунув язык,
пес рыжий шумно дышит,
как масло топится,
в большом чану кипит.

Раскрыв глаза и рты,
не шелохнувшись,
внимает ребятня.
Как облака, как сны,
плывут рассказы о делах минувших
совсем недавней старины.

Ведь было все
под этим синим небом
и памятно их дедам и отцам...
И состраданьем, жалостью и гневом
вдруг вспыхнут детские сердца.

Сегодня им такие сны приснятся!
И днем, забыв обычную игру,
один с кичливым баем будет драться
другой спасет из пропасти Кару.

Кораблик детства
к юности причалит,
махнет и юность радужным платком..
Не раз
улыбкой, доброй и печальной,
им улыбнется дедушка Қок-оол.

* * *

Почти что вровень с берегами
бежит-сверкает Хамсара..
Упорный спор воды и камня,
природы вечная игра.

Но кто-то будет переспорен.
Вода? Иль камень?..
А пока
так и живут —
почти что вровень —
упрямый берег и река.

ОСЕННЯЯ ИМЕНЕМ

Галине Доваадор

Настоящим делом — не игрою —
в круг больших забот вовлечено,
по квартирам в поисках геросов
ходит пионерское звено.
Говорит светлоголовый школьник,
много книг читавший о войне,
с женщиной, когда-то добровольно
опалившей юность в том огне.
Записал фамилию.

— Доватор?

Генерал Доватор?

Так и есть?..

И уже рисуется ребятам
клятва,
за отца святая месть...

Мальчик, от Тувы далековато
до лесистых белорусских мест,
где родился, силы набирал он
в рощах ясеней, осокорей —
тот,
кто стал советским генералом
и свершил невероятный рейд.

...Украина. Сурмичи и Ровно.
Зимний гром —
артиллерийский гром...
С Красной Армией сроднился кровно
в тех боях тувинский эскадрон.
Там ходила в бой с друзьями вместе
девушка по имени Сынаа —
не во имя кровной, личной мести,
а во имя пролетарской чести,
чтоб Советской Родины сынам
в дни тяжелых битв
прийти на помощь,
чтоб приблизить правды торжество...

И Тува, и Украина помнят
боевое, главное родство.

Имя Доваадор — не Доватор:
гласных больше и подтверже «д»...
Но созвучно все ж с тувинским «маадыр»—
и она
сражалась так, как надо,
не роняла имени в труде.

Годы то шажком идут, то бурно,
словно конники лихие, мчат...

И лежит
кавалерийской буркой
имя из легенды
на плечах.

ДЕЛЕГАТКА

Хертек Амырбитовне Анчима-Тока

Обрезали девушке косы...
А были они хороши:
сбегали, как черная осыпь
с высоких таежных вершин.
Над прядками легкого шелка,
горюя, склонилась она...

— Не плачь.
Ты теперь ревсомолка,
ты жить по-другому должна.
Бросай ты хозяйское стадо:
батрацким скитаньям конец —
отныне хозяйкой ты стала
всех стад, и отар, и коней!..

Ну что же — и стала, раз надо!
Конек по стоянкам рысит...
Ни буквы единой не знала,
зато постигала марксизм.
Учиться послали — спросили:
— А где это — город Москва?
— Не знаю... В Советской России.
Узнаю. Пошлите сперва!

...Почти незаметны тропинки
в степи, где отары пасла,
где горе людей, по крупинке
собрав его, в сердце несла.

Но помнят тувинские степи:
она поднимала подруг,
чтоб косы, как черные цепи,
не сковывали им рук.
Земля под морозами стыла,
но в зимы военной поры
на фронт отправлялись из тыла
тувинских аратов дары.
От юной косыночки алой
до резких и жестких морщин
всей жизнью, всей кровью
познала,
что значит на деле — марксизм!

У памяти скидок не просит:
что было — все может сказать...

Обрезали девушке косы.
На правду открыли глаза.

ЧИТАЕМ «ФАУСТА»...

Опять налеты до утра...
Земля в укрытии сыра,
хотя — начало августа.
Лениво тлеет фитилек.
Никто на узел не прилег:
сидим, читаем «Фауста».

Покуда бомба не свистит,
переводной немецкий стих
от невеселых дум своих
отвлечься всех заставит:
«Я философию постиг», —
вздыхает в книге старец.

— Кого читаете? Фашист! —
самоуверен и ершист
сосед-подросток Колька.
Сказал — и подтвердить спешит:
— Возьми хоть имя — Вольф-ганг!..
Да, имя — словно волчий вой...

А вой растет над головой,
и грохот — в отдалении,

и вот, с колеблющихся стен,
песок комками полетел
на книгу, на колени...

Недолго отряхнуть песок.
А вот прочесть бы между строк
немецкого поэта,
кто, если б был сейчас живой,
стал нам врагом,
а кто -- и свой
в красивой книжке этой?

...Грех Маргариты мы простим.
Но нам противен Валентин,
тупой солдат-наемник:
не он ли там, вверху, летит,
кругом в крестах и в бомбах?
Что? Защищал он честь семьи?
А семьи и у тех свои,
в чьих лаковых планшетах
лежат портреты Маргарит —
а перед ними мир горит,
в сплошных кострах — полсвета!
Любитель пива и сестер
чужих сестер швырнет в костер
без размышлений тяжких:
он прост, как кованый сапог,
и с ним — средневековый бог
на прочной медной пряжке.

А Вагнер? Вот сплошной учет!
Такой ведет и мертвым счет,
убийца строгих правил...
А Мефистофель?..
Черт — как черт...
Но остроумен, дьявол!

...Такое лето — гарь и зной...
И нас трясет взрывной волной,
и в копоти трава, густа,
чадит горелая смола —
должно быть, бомба лес зажгла —
а мы читаем «Фауста».

И только сорок первый год.
И столько впереди невзгод
сидящим с книгой людям!..

Вот Колька: он шумит, живет,
отца живого с фронта ждет,
но похоронная придет,
и самого война найдет,
и все, что будет — будет...

А нам, другим, учиться ждать,
познать науку побеждать
с наукой ненавидеть,—
но и наука быть людьми
не устарела, черт возьми,—
людовое в людях видеть!

Дай книжку, девочка,—
взгляну...

И я соседу протяну,
он глянет, успокоенный:
пятиконечная звезда
и надпись «Госполитиздат.
Библиотечка война».

РОДИНКА

Полустанок по имени Родинка...
Не придумать названья теплей.

А поселок — и вправду, как родинка
на щеке хлебородных полей.
Огороды да серые мостики,
рельсы — ниткой двойной от узла...

У дороги расселись ремонтники,
повариха обед привезла.
Никуда от проезжих не денешься!..
Вот и смотрят пятьсот человек:
темно-русая крупная девушка,
носом в книгу, лежит на траве.
Подвигает ей ложку папарница,
шепотком отвращает от бед:
«Просмеют тебя, глупую, парни-то,
проворонишь, подружка, обед»...

Промелькнули... Оглянешься — вот они,
словно бисер рассыпан в траве...
А почаще летай самолетами —
не увидишь такого вовек.

...Приовражъя — как дуги надбровные.
Рельсы — ниткой суровой двойной...
Знаю, поле: щека твоя ровная,
словно оспой, изрыта войной.
Оттого так понятна мне Родинка
на широкой, на русской щеке,
что в огромном понятии — Родина —
растворяется каплей в реке.

РОДОСЛОВНАЯ

Я из Москвы тридцатых годов:
той, где прокладывали метро,
где под Христа — динамитный патрон,
а «пролетарскую кровь — не тронь».

Я из гремящих сороковых.
В свете слепящем прожекторов,
детство, твой профиль тонок и строг...
Гул канонады за стенкой строк.

В дни освоения целины
жизнь позвала меня в общий строй:
— Выйди,— сказала,— в простор и строй,
будь для Сибири младшей сестрой!

Стал мне судьбой исполненный долг:
здесь моя жизнь, мой род и мой дом,
видно, не знать мне целей иных...
Все же и ныне я — дочь Москвы:
я из Москвы тридцатых годов,
я из гремящих сороковых,
из освоения целины.

Екатерина ТАНОВА

СТРАНИЦА ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Проходят дни и годы вереницей.
Нам оглянуться некогда назад.
Но молодость вдруг перелетной птицей
вернется и заглянет мне в глаза.

Вздохну ветрами свежими, что веют
издалека. И песни запою.
И те огни опять запламенеют,
что согревали молодость мою.

Я буду петь, шутить и веселиться,
как будто вновь мне — восемнадцать лет.
Ровесница моя! Моя сестрица!
Пойдем с тобой за молодостью вслед.

Мы вылетим, как в юности, из дому
навстречу звездам, счастьем и беде.
И кинем вызов времени седому
в большой любви и в радостном труде.

Мы покорим года и расстоянья.
Я молода! И так тому и быть!
Ведь только силой нашего желанья
мы можем, можем время победить!

Александр ДАРЖАЙ

НА ЛУГУ

Я опять возвращаюсь в родное село.
Этот луг мне до тонкой травинки знаком.
Пробежать бы по тропкам его босиком,
материнской земли ощущая тепло!..
Как мы в детстве барахтались здесь, на траве,
как скакали на выдуманных скакунах!..
И сейчас детвора, на зеленом ковре,
так же скачет, бездумного счастья полна.
Я гляжу на ребят — вот бы с ними войти
в озорную ватагу, как годы назад!..
Растревожился я. Слышу смех позади:
там девчонка-смугляночка щурит глаза.
Что за чудо! Не вправду ли детства пора
возвратилась ко мне на зеленом лугу?
Удивленный вопрос я сдержать не могу:
— Это ты, Чодураа?
Улетели от нас на крылатых конях
озорные мальчишки — в далекую даль...

А девчонка пытливо глядит на меня,
и знакомую родинку я увидал...
— Что вы, дяденька,— маму зовут Чодураа!
Я похожа на маму, но я — это я...
...Убегает девчонка, как память моя,
лугом детства — по топким зеленым коврам.

Монгуш ДОРЖУ

* * *

Бывают сердца, словно птицы крылаты.
И сами, наверно, не знают про то.
Другие сердца, словно крепкие латы,
как сталь, из которой куют долото.

Бывают сердца беззащитны, ранимы.
Бывают, как пламя, как солнечный ток,
что в душу проник. И тоскуем по ним мы.
Бывают сердца, словно яркий цветок.

Возможно, найдутся разумные люди
и спросят: «Ты видел такие сердца?»
Доказывать это мы с вами не будем.
Не смогут понять они нас до конца.

Какая душа — не расскажешь словами.
Ведь сердце откроет лишь песня одна.
Давайте ж, друзья, запоем вместе с вами.
Лишь в песне душа человека видна.

* * *

Хоть и светят звезды
над седым хребтом,
сквозь окошко небо
голубеет льдом.

Где-то лай собачий
тишину взорвал —
сразу веселеет
горный перевал.

На столбах в селенье
лампочки горят,
словно со звездой
тихо говорят.

Над рекой широкой,
словно океан,
встал молочно-белый
призрачный туман.

И у всех есть пара...
Только вот луна
катится по небу,
бедная, одна.

И, когда смотрю я,
кажется она
девушкой, что с милым
век разлучена.

* * *

Когда-то так высок был горный перевал!
И речка многоводною казалась.
Я горы все прошел, реку переплывал,
и ниже стал хребет, и речка чуть плескалась.

Мы встретились с тобой. И ты, любимой став,
дорогою одной идти хотела рядом.
Сквозь годы этот смех и твой веселый нрав,
как солнце, были мне великою наградой.

Но вечером во мглу ты из дому ушла.
Осенняя листва в окно ко мне стучала.
И показалось мне, что ты не той была,
которую любил. Что жизнь ты в грязь втоптала.

Изменницей тебя за то не нареку.
Не стану упрекать ни мыслью, ни словами.
К другому ты в седло вскочила на скаку.
Умчались вы, звеня лихими удилами.

Не рань моей души словами о любви:—
— «Мой первый, дорогой!»..
Ведь ты солжешь при этом.
Прощай! Моей любви обратно не зови.
Ведь первая любовь была лишь пустоцветом.

ОСВОБОДИТЕЛЬ

В священном гневѣ был он так велик,
что на его ладони вся Россія
лежала малою щепоткою земли.
И, сжатая в кулак,
врага разила
могучая солдатская рука,
так бережно державшая святыню
и так безжалостно каравшая врага,
что, несомненно, помнит мир доньше,
что значит русский,
добрый наш солдат,
когда в руке его не порох —
гнев зажат!

СНЕЖНЫЕ СТИХИ

Написала снежные стихи
и — порвала на мелкие клочочки,
не жалея ни одной строки,
не щадя ни запятой, ни точки.

Вьюга те клочочки собрала,
по сугробам вольно разместила.
Снежная поэма ожила,
радужно и ярко засветилась.

И слова огнистые мои
с чистым наслаждением читают
даже озорные воробьи,
что стихи не очень почитают.

* * *

Как ни странно, мой друг,
я судьбе благодарна премного
за мою невезучесть сплошную,
за мой неуют,
ведь иначе бы я и не зналась с зарей босоногой,
от смущения рдеющей, — гимны ей птицы поют.
А известно ль тебе, что стыдливая зорька умеет
превращать меня в эльфа,
мою комнатку — в алый цветок?
Целомудренно стены лепестками вокруг пламенеют,

и, качая меня, напевает о том ветерок,
как от лютой тоски
вдруг седеют дожди проливные
и над травами мертвыми
всё летают, любимых зовут,
но безмолвны травинки,
не уймутся дождейки седые,
пока с милыми рядом
бездыханными не упадут...
Отдыхаю душой,
когда добрая ночь-петриця
тихо вяжет мне сны,
чижит счастье простое мое
и полощет плащ ветра,
гладит платице зорьки-зорянки...
Как спокойно и мудро
блещут капельки пота ее!

Галина ПРИНЦЕВА

АССОЛЬ

Забыли мы простое ремесло —
одаривать друг друга чудесами.
...А девочка смотрела, всем назло,
прозрачными, нездешними глазами.
Я помню эту девочку.

Гибка,
стоявственна, стоженственна, столика,
напев смычка
и трепет светлячка —
проклятие,
поэзия,
молитва.

Она корабль неведомый ждала.
А выражаясь попросту, глупила.
За эту блажь — и поделом — была
своими земляками нелюбима.

Был щедро милый облик осиян
печатью необычности греховной.
От этого никто не застрахован —
ведь есть на свете город Зурбаган.
О, Зурбаган, источник наших бед!
Как светлый дух, витаешь ты над нами.
Не бредил кто в шестнадцать трудных лет
звучащими нездешне именами?

Взрослеем. Меньше верим в чудеса.
Печать кладут и годы, и невзгоды.
Но все равно алеют паруса,
когда в них щедро плещутся восходы!

Летящая по белому песку
светящаяся девушка-ромашка,
мне за тебя порой настолько страшно —
я даже руку подношу к виску.
Вскипают дали.
Сумрачны ветра.
Соленая матросская работа.
Чтоб чаша перевесила добра,
спешат на помощь людям дон-кихоты.

Будь юным богом, юный капитан,
фрахтуй корабль
и набирай команду.
Попутный ветер!
Город Зурбаган
не скоро будет ждать тебя обратно.

Здесь ветер мчит, качая, стаи птиц,
дождями золотыми брызжет солнце!
Здесь девочка растерянно смеется,
ослепнув вдруг от собственных ресниц.

* * *

Заворожить мгновенья тишины —
и пусть вокруг плывут спокойно вещи.
Пусть зеркала сияющий овал
тихонько увлечет с собою стены,
пусть кружатся и пол, и потолок,
луна в окне,
в аквариуме рыбы...
Мурлычет ночь низжайшею струной.
В кровати светлой безмятежна дочка.
Спи, маленькая.
Маленькая, спи!
Все для тебя готово в этом мире:
апрельский ветер, бьющий прямо
в сердце,
лицо, отчаянно упавшее в ладони,
рассвет пьянящий и закат холодный —
все, все, что люди жизнью называют.

* * *

Далекий месяц падающих яблок,
до боли милый,
в ладонях теплых, о иззябший зяблик,
покойся с миром.

Для доченьки моей русоголовой
я ноги больно травами колола,
с угасшими полянами сквозными
придумывала ласковое имя.

Ее дожди неяркие встречали,
ее цветы нежаркие венчали,
я песни пела,
колыбель качала —
вот счастья беззащитное начало.

Дожди.
Ты вновь, трава, зазеленела.
Сентябрь, сентябрь — дыхание полей.
А в волосах мерцанье нити белой,
и взгляд все тише, глубже и светлей.

О в платьице оранжевом моя!
Бежать с тобой прекрасным мокрым
лугом.
Забуть все оскорбленья бытия,
свой легкий бег свершая друг за другом...

* * *

Отворяются двери —
и приходит любимый,
майский мед,
милый голос,
отблеск ясного света.

По некошеным травам
мы с тобою бродили --
ах, куда уходили!
Опоило нас счастье.

Мы в глаза нагляделись,
мы навек насмеялись,
друг у друга отняли --
нам расстаться пора ли?

Ночь нежна для тебя,
зноен день,
весел вечер —
отворяются двери
и приходит любимый.

Лепет неги весенней,
листопад,
звезды снега —
майский мед,
милый голос,
отблеск ясного света.

* * *

И не желалось,
и не снилось —
но совершилось так само:
в почтовом ящике явилось
незапоздавшее письмо.

Весенним утром, ярким утром —
о созидательность огня! —
оно таинственно и мудро
в упор взглянуло на меня.

Оно несмело улыбалось,
как радость с горем пополам,
оно ничуть не отзывалось
ночной тревогой телеграмм,
большим смятением ожидания, —
оно по свету тихо шло —
и вот, как первое свиданье,
мне чисто душу обожгло.

Стоять, любуясь им, неясным,
сквозь прорезь узкую тайком,
его каемкой сине-красной —
мечта с помятым уголком!

Все угадать —
округлость штампов,
и голубую резкость букв,
налюбоваться,
надышаться —
и отойти отважно вдруг.

Но постоять —
и вновь вернуться,
лелея жаркий холодок.
И от забвения очнуться,
и под собой не слышать ног...

Куулар АРАКЧА

ФИЛИН

Вот он выпал, самый первый в году снег. Кругом белым-бело, даже глазам больно. Деревья украсились белым пухом. Ветви их под тяжестью выпавшего снега пригнулись к земле. Нет ни ветерочка; лес словно притаился, чтобы сохранить свое белое царство.

Наступил вечер. Тихо. Беспokoйные жители леса — горластые кедровки, серые воробышки, синицы, белки — теперь возвратились в гнезда для ночлега.

Показались ночные обитатели леса. Из пещеры вылетел старый филин в поисках добычи и устроился на макушке кряжистого кедра. У него изогнутый клюв, острые когти и длинные, метра в полтора, крылья. Глаза круглые, желтые, серьги, похожие на маленькие рога. Филин — враг многих лесных зверьков и птиц. Днем он плохо видит, зато ночью у него зрение острое, и видит он далеко. Зверек, потерявший осторожность, расплачивается за это жизнью.

Из лиственничного молодняка выбежал заяц-беляк и стал кормиться. Пока он прокладывал себе тропку, заметил его старый филин. Он легко снялся с макушки кедра и закружил над зайцем. Тот вовремя заметил хищника, отпрянул в сторону, и с перепугу во всю прыть побежал вниз по склону. А по воздуху разлетелся заячий пух: филин все же успел царапнуть когтем спину зайца.

Филин взлетел ввысь и полетел за зайцем. Обезумевший заяц, словно взывая о помощи, носился между деревьями,

издавая хриплые звуки. Филин уже почти настиг его, но в это время заяц нырнул, закрыв глаза, в кучу сухих сучьев. Филин выпустил когти, но чуточку опоздал: заяц забился в кучу, а он, летевший, как пуля, не сумел остановиться да так и врезался в острый сук, торчавший из кучи. Так заяц избавился от своего врага.

КЕДРОВКА

Зима. Деревья покрыты снегом, воды речушек ушли под лед.

В один из студеных зимних дней я отправился в лес. Миновав каменную россыпь, сплошь покрытую кустарником казылгана, я сел отдохнуть на огромную глыбу. Вдруг на низкорослом кедре, верхушку которого обломал, должно быть, медведь, закричала кедровка:

— Крр! Кррк!

Эта птица так тревожно кричит, когда кого-нибудь увидит. Возможно, что она среди ветвей где-то заметила спрятавшуюся для спячки сову и сзывает своих остальных сородичей, чтобы выжить ее со своих владений. Или же кедровка увидела зверя. Люди ее называют лесным вестником.

Но кедровка совершенно несносна осенью, когда человек охотится на белку. Увидев подкрадывающегося охотника, кедровка начинает вещать: «Крр! Кррк!» И белки уже знают, что опасность близка, таятся.

Лесной вестник выглянул из-за веток и пристально вгляделся в землю. Затем слетел на другую ветку, отряхнулся и из-под лишайника достал орешек, разгрыз и недовольно скинул вниз: оказался пустой.

Возле маленькой пещеры у скалы притаился заяц. Кончик носа у него был желтый. Это — старый заяц. Кончики ушей черные. Теперь ясно: кедровка оповещала о нем. Птица прилетела на кедр у скалы, устраиваясь поудобнее на ветке, сбросила снег, который докатился до зайца. А тот раз — и шмыгнул в пещерку.

Я отправился искать белку. Где-то снова кедровка раскричалась. По кроне дерева взбежала белка: «Сык-сык, ху-уг!»

Перепрыгивая с ветки на ветку, белка уронила на землю снег, спустилась с вершины, села на задних лапках у основания кедра. Потянула носом в стороны и стала рыться в глубоком снегу. А я все приближаюсь незаметно. Вскоре она выбежала оттуда, вмиг запрыгнула на кедр и умчалась кверху с туго набитыми щеками. Кедровка, очевидно, хотела бы покорчиться беличьими запасами, но опоздала. Теперь она напрасно гонялась за белкой. Белка вскоре спряталась среди густых ветвей кедра. Было слышно, как она там грызла сушеный гриб. Погрызет немного, остановится, потом снова — «дзыр-дзыр». А я хожу вниз, то с этой стороны кедра подойду, то с другой — в надежде увидеть белку.

Между тем снова закричал тревожно лесной вестник, теперь где-то возле насыпи. Я повернул голову: кого же теперь увидела кедровка? И вдруг заметил притаившегося у скалы — выше над собой, но совсем рядом — пятнистого хищника — рысь! Она вот-вот прыгнет... Я весь похолодел. Грянул выстрел, раздалось многоголосое эхо. Зверь свалился с кручи и глухо упал на мягкий снег. Ни белки, ни лесного вестника рядом не было.

БЕЛКА С НЕБА

Ночью выпал снег, и я решил сходить в тайгу. Идя по степи, я вдруг увидел след. Он вел к одинокому караганнику. «Кто бы это мог быть?» — заинтересовался я. Да это же беличий след! Поблизости нет леса, даже кустарников. Откуда же белка тут взялась?

Я пошел по следу и нашел белку на караганнике. Поймал и принес домой, чтобы показать людям. Охотникам только и нужно было — посыпались разговоры.

— Эта белка упала с неба вместе со снегом, ребята, — объяснил белобородый старик. — Значит, в этом году в тайге будет очень много белок.

Между тем белка погибла на руках у одного из охотников.

— Конечно, она сдохнет на руках у человека, раз из верхнего царства Курбусту пожаловала.

— Зря ты ее принес. Нужно было оставить ее там же.

Я тут же стал обдирать белку. На шкуре ее было много ран и подтеков. Теперь-то стал понятен секрет «белки с неба». Откуда ей быть в небе? Просто ее ястреб подхватил, очевидно, у лесной опушки и уронил над степью, да так и не нашел свою добычу в непогоду.

ЗАЯЦ НА КЕДРЕ

Кедры стоят тихо, будто уснули. А я прокрадываюсь между ними в поисках белок. На раздвоенном вверху кедре я вдруг услышал шорох. «Есть еще одна белка»,— говорю про себя и поднимаю голову. Ищу белку среди ветвей.

Напуганный и ошарашенный, я потом чуть было даже не побежал подальше от этого кедра. А напугаться было отчего. Как раз на месте развилки кедра лежал, свесив уши, заяц и смотрел на меня удивленными глазами. Как заяц мог взобраться на такой высокий кедр?

Чтобы не напугать зайца, я потихоньку отошел. Заяц прижал оба уха. Я подошел к кедру с другой стороны. Следа зайца к кедру не обнаружил. Снова вернулся на прежнее место. Заяц шевелился и мотал головой.

Удивленный происходящим, я стал всматриваться в зайца с южной стороны кедра. Что это? На меня, не моргая, смотрели чьи-то огромные желтые глаза. Что за превращение?

Вдруг там что-то зашумело, зашелестело, и с кедра улетела огромная сова.

Так вот кто зайца туда доставил!

РОСОМАХА

Бродила по тайге голодная росомаха. Она уже много дней ничего не ела, поэтому едва держалась на ногах.

Росомаха не может быстро бегать, поэтому от нее свободно убегает даже косоглазый заяц, не говоря уже о косуле и марале. Она может добыть себе пищу только хитростью и коварством.

На рассвете старая росомаха вышла на скалистую возвышенность. От усталости она прилегла на мягкий снег. Отсюда

ей хорошо было видно, кто ходит внизу. Скалы здесь крутые, нависшие. Она сюда приходит каждый раз, когда нигде больше не может прокормиться. Там, в глуши, слышался шорох. Росомаха подняла короткие уши и оскалила зубы. К тальнику приближался могучий лось с горбом в загривке, с широко разветвленными рогами. Пригнув под себя кусты, он отщипывал их мягкие и лакомые верхушки.

За всю свою долгую жизнь росомаха не встречала такую щедрую добычу. Правда, однажды она украдала у стаи волков лосиную голову с рогами и, с трудом затащив на дерево, несколько дней питалась ею. Ну, а теперь вот он сам, живой,— целая кладовая жирного мяса!

Схватка предстоит серьезная. Подкрадываться к нему нужно очень тихо, иначе в несколько прыжков он убежит за десятки метров. А если лось узнает росомаху, то он и убежать не станет, а сам в атаку ринется — копытами и рогами вмиг отправит на тот свет. Тут росомаха может победить только хитростью и коварством.

Голодная росомаха, вспомнив горячую кровь и мясо, облизнула широким языком свою пустую пасть, где и слюней-то не осталось. Потом она, словно змея, бесшумно скользнула вниз и устроилась над обрывом. А лось приближался, ни о чем не подозревая. Разжевывая пищу, он остановился как раз под тем обрывом, над которым притаилась росомаха.

Ветер дул с ущелья. Никаких подозрительных запахов оттуда не шло. А вокруг тишина. Потянулся было лось за верхушкой кустарника, как что-то на него упало, и горб заныл. Ничего не поняв, лось рванулся с места. Как он быстро ни бежал, хищник все глубже впивался клыками в спину. Лось бежал и бежал. Своими могучими рогами он в щепки разносил ветви деревьев. Пытался лось и рогами сбить хищника, но ничего не получалось. Неизвестно, сколько времени он бежал! Боль на спине заставляла его бежать еще быстрее, ломая сучья и молодь деревьев.

Неизвестно, сколько бы времени продолжалась борьба за жизнь, если бы не дерево, которое, словно боясь коснуться земли, застыло над ней, оперевшись верхушкой в другое дерево. Разбежавшийся лось хотел проскочить под накло-

нившимся деревом, но его как будто дубиной в спину стукнули со всего размаху. Лось покачнулся и упал. Под деревом лежала россомаха с разможенной головой и дергалась в предсмертных судорогах.

Через некоторое время лось встал и, понюхав окровавленный снег, тихо пошел вверх по ущелью.

КЕДР НА СКАЛЕ

После утренней рыбалки мы плотно позавтракали и весело рассказывали друг другу о событиях минувшего дня.

Взглянул Донгак Маадыр-оолович на гору и вдруг вскрикнул:

— Ой, посмотрите-ка!

Мы сразу подумали, что он увидел там какого-то зверя.

— Что случилось?— шепотом спросил Ак-оол, будто действительно рядом с нами находился зверь, который, услышав нас, скроется из виду.

— Я люблюсь вон тем кедром, который вырос на голой скале,— спокойно проговорил Донгак Маадыр-оолович.

На самой верхушке почерневшей скалы гордо покачивался на ветру молоденький кедр, будто красуясь тем, что вырос на трудной, недоступной скале.

Как поверить тому, что на голой скале может что-то расти, не говоря уже о прихотливом кедре?

— Извините, я этому отказываюсь верить, ребята,— возразил первым Чамзыл,— кто-то там посадил его. Иначе на беспочвенной скале даже соринка не вырастет.

— Наверное, в щели на скале ветром почвы немного нашло, вот он и вырос.

Мы решили подняться к кедру. Да, он вырос здесь сам, человек в этом участия не принимал. Но какую нужно было иметь любовь к жизни, чтобы сквозь узкие щели в скале достать тоненькими корнями соки земли-матушки! А местами, на поверхности, корни даже скалу раскрошили. Теперь ему не страшны ни ветры, ни засуха.

Как он здесь вырос? В тайге семена деревьев разносят звери, птицы и ветер. Кедровка на зиму запасала здесь орех,

потом она забыла или не сумела полностью воспользоваться им, через некоторое время из семени вырос кедр.

Растет на скале кедр, приветствуя жизнь и радуясь ей.

МАРАЛЕНОК

Стояла середина июня. Тайга, как невеста, принарядилась в лучшее свое одеяние — изумрудную зелень. Ароматные запахи кружат голову. К обеду жара усиливается, а в лесу становится тихо-тихо, потому что все звери и птицы прячутся от зноя в глухомань.

Мы едем по лесу вместе с лесником Идамом, чтобы он указал нашему колхозу участок для рубки леса. Всю дорогу он рассказывал о лесных зверях, растениях, так что скучать с ним не приходится.

Вдоль таежной речушки ведет узенькая тропка. Она то покажется, то исчезнет среди густых зарослей трав. «Звериная или охотничья тропа», — подумал я.

Вдруг тишину нарушил тонкий пронзительный голос, похожий на зов охотничьего манка. Идам придержал коня и внимательно прислушался. Голосок повторился. Идам посмотрел на меня и спросил:

— Слышишь? Кто это?

— Наверно, какая-то пташка, — ответил я несмело. Откуда мне было знать?

— Это голос мараленка, — сказал он. — Как же он от матери отбился? Он голоден, иначе днем он не обнаруживает себя.

В то время было разрешено добывать панты маралов. У нас как раз лицензия была.

— Надо ехать и посмотреть мараленка. Неспроста он так голос подает, — решил Идам и направил коня в сторону от тропы.

Возле маленького ручья на мягком мху лежал пестрый мараленок, распустив большие уши. Услышав нас, он стал голосить пуце. Наверное, подумал, что мать пришла. Спешившись, мы подошли к мараленку.

— Прошло дня два, как не было матери, — определил

Идам.— Видишь, кончик носа у него скоро сморщится. Бедняга, совсем изголодался.

Когда он стал гладить мараленка, тот поймал ртом один из его пальцев и начал судорожно чмокать.

Каким образом он здесь оказался?

У него одна нога была переломлена. На лбу царапина. Рядом стояла отвесная скала. Теперь все стало ясно. Наверху был ровный пятачок. На нем мараленок и родился. Неуверенно качаясь на ногах, он и свалился оттуда вниз и сломал ногу. Маралуха прибежала к нему, но он, с переломленной ногой, не мог встать, чтобы дотянуться до вымени матери. Измучилась она и ушла. Теперь мараленка ждала верная смерть.

— Что будем с ним делать?

— Жалко его, бедняжку,— сказал Идам.— Взять его не возьмешь с такой ногой, и оставить жалко, дитя ведь... Нет, пожалуй, он зря мучается, и мы. Надо кончать с ним... Другого выхода нет.

— Как это кончать?— спросил я Идама, не поняв, к чему он клонит.

— Надо порешить его, чтоб не мучился, и все. Иначе как? Если его увезти, то он все равно рано или поздно пропадет.

— Нет!— решительно запротестовал я.— Нет, ни в коем случае.

— Ну, тогда решай сам.

— Если даже он умрет, то пусть умрет, зная, что люди все-таки старались выводить его,— подумал я, и принялся поить мараленка чаем с молоком. А много ли ему надо-то? Выпил, проливая, два стакана и успокоился.

Я тем временем наложил шину на переломленную ногу мараленка.

Так я привез домой мараленка, попавшего в беду.

Мои сыновья Коля и Толя на второй же день пригласили ветврача, целый месяц кормили мараленка из соски. Нога мараленка зажила, и он встал на ноги. Сперва ребята кормили его кипяченым молоком, а со временем мараленок уже и зеленую траву щипал.

Через два месяца мараленок совсем выздоровел, пасся с телятами, перенял некоторые их повадки, резвился и иг-

рал. В первое время он боялся и сторонился телят, а потом... потом и бодался с ними, и верховодил ими. Ноги у него тонкие и длинные, поэтому телят мараленок оставлял далеко позади себя.

Через год он стал пастись с коровами. Пока те пасутся на лугу, мараленок обежит все окрестные горы — любит поглядывать на свою родню с неприступных скал и круч. Иногда даже страшно за него. На втором году мараленок превратился в такого красавца, что любо на него посмотреть. Выросли у него два рога. Под осень он чаще поглядывал на горы и тайгу, держался поближе к ним. Но в тот год ферму не оставил.

В три года мараленок уже походил на марала, на рогах у него было уже восемь разветвлений. Коровы стали его бояться.

Мы не раз отводили его в тайгу, но он каждый раз возвращался обратно. Однажды, когда на горных вершинах появился снег, и листья у деревьев пожелтели, вдруг мараленок исчез. Через несколько дней на хребте мы услышали, как трубят маралы. Мараленок, очевидно, был среди своих сородичей.

Однажды ранней зимой, когда с пастбища возвращались коровы фермы, позади них мы увидели мараленка. Он несколько похудел. Так он и зимовал у нас на ферме. А весной мараленка отправили на зообазу. Коля и Толя были этим очень огорчены. Успокоились они только тогда, когда сказали, что люди им спасибо скажут, что вырастили таким красавцем некогда обреченного на гибель мараленка.

ЗАЯЦ И ТАРБАГАН

Было это раньше ранних времен.

В овраге у горной гряды среди кустов караганника жил был серый заяц с торчащими длинными усами, с такими же длинными ушами, с которыми не могут тягаться уши прочих зверей. У него были блестящие желтые глаза, короткий хвост, передние ножки легче и короче задних косых лап. Сгорбленный и безобидный, он не так умен, чтоб похвастать, но и не глуп, чтоб каждый раз в беду попадать. Сто собак его не

догонят. Пищу серый добывает ночью, а днем прячется где-нибудь и отсыпается.

На склоне той же гряды в норе с двумя выходами жил был тарбаган. Лоб у него словно бы приплюснутый, уши маленькие, как кнопочки, ножки с ногтей, между головой и туловищем шеи почти нет. Сам желтый, словно подпаленный, нрав крутой, горд и кичлив. Нельзя сказать, что тарбаган был счастливым, потому что особенно радоваться было нечему, но и несчастным он не был, ибо его не бранили. Сала у тарбагана была целая барба. Пищу он добывает днем, а ночью спрячется в норку и отсыпается.

Хоть и жили заяц и тарбаган по соседству, на расстоянии, позволяющем услышать крик друг друга, и питались травой одного пустыря, пили воду из одного ручейка, но никогда они не встречались и не вели разговоров меж собой. Тарбаган лишь знал, что где-то поблизости обитает заяц. А заяц по норе догадывался, что тут живет тарбаган. Один из них бодрствовал ночью, другой днем, поэтому каждый считал, что недосуг встречаться.

Однажды заяц отправился в дальний путь, чтобы солонцы полизать. Возвращался он не как обычно, под утро, а когда солнышко выглянуло. Вдруг он на склоне увидел тарбагана, слегка прижмурившегося от теплых лучей солнца. Заяц подумал: «Надо с ним встретиться и узнать, где находится полная барба сала, не ослепну же, если увижу его поблизости, беды не случится».

Заметив скакавшего зайца, тарбаган подумал: «Надо с ним встретиться и узнать, в чем заключается его скорость; ссоры не наживу, если увижу его поблизости, ножки не отнимутся».

Так и встретились соседи утром ранним.

О тарбагане заяц подумал: «Какой он жирный! Как он передвигается?» О зайце же тарбаган: «Какой он худой! Как он бегает?».

Первым спросил заяц:

— Живу по соседству, а не знаю, как звать тебя. Мне, право же, стыдно.

— Право же, мне самому не по себе, что не знаю тебя. Меня зовут желтым Тарбаганом с полной барбой сала. Горд и кичлив я. А тебя как зовут?

— Меня зовут серым Зайцем, которого не догонят сто собак.

— Хорошо, наверно, живет серый заяц, которого не догонят сто собак?

— Хорошо поживаю, и за последнее время убыстрился мой бег, я стал, как ветер, носиться. Хорошо, наверное, поживает гордый желтый тарбаган с полной барбой сала?

— Хорошо поживаю, но у меня столько сала накопилось, что за последнее время с трудом передвигаюсь.

— Почему ты так рано из норы вышел, тарбаган?

— Прошел ливень, и в мою нору натекло много воды, я чуть не околел, потому и вышел рано. А почему ты поздно возвращаешься, заяц?

— Бегал лизать солонцы, потому и задержался.

Они долго так разговаривали между собой.

— Почему ты пищу себе добываешь ночью, заяц?

— Потому что у меня бег быстрый и глаза зоркие. А почему ты днем себе пищу добываешь, Тарбаган?

— Потому что я горд и силен.

— Э-э-э, дорогой, как бы не так! Ты бодрствуешь днем потому, что ворует траву там, где я кормлюсь.

— Нет, нет. Ты питаешься ночью нарочно, чтобы поворовать траву на моем пустыре,— возразил Тарбаган.

— Ну, ладно. Шутка может обернуться бедой, время идет, а разговорам конца нет. Я побегу.

— Ты прав, я тоже пойду кормиться.

— Подожди,— обратился заяц к тарбагану.— Ты мог бы уделить мне немного сала?

— И у меня к тебе есть просьба. Сало салом, его я тебе пока дать не могу. А что, если бы ты уделил мне немного своего бегу?

— Бег бегом, дам его тебе после того, как ты дашь мне сала.

Договорившись встретиться в погожий день, соседи разошлись.

...Потом они снова встретились.

— Почему бы нам не жить вместе?— предложил заяц тарбагану и пригласил к себе.— Одному жить скучно.

— Не могу,— отказался тарбаган.— Кому вздумается жить под караганником и трястись от страха? Лучше жить нам с тобой в моей норе.

— Не могу. В твоей норе не видно солнца, луны, темно. И свежего воздуха там нет.

— Тогда останемся просто друзьями.

— Как же нам с тобой дружить, если ты дитя дня, а я — ночи. Это все равно, что к войлочной веревке аркан подвешивать. Нам с тобой дружить — что две горные вершины соединить.

— Может, ты и прав. Чего мне дружить с тобой? Ты не стоишь и моей половины. При моей полной барбе сала и гордости мне все нипочем,— размышлял тарбаган.

— Честно говоря, ты и половины моей не составляешь. Чего мне бояться, когда за мной сто собак не угонятся.

Так они и стали жить, как прежде, заботясь каждый только о себе.

Однажды заяц в потемках щипал травку, и вдруг напала на него сова. Он находился на волоске от смерти, как приметил нору тарбагана. Заяц мигом забежал в нору и спасся.

— Ты отказался от моего приглашения, а теперь зачем явился?— спросил тарбаган.

— Если бы не твоя нора, я бы жизни лишился,— благодарил его заяц. И рассказал о сове.

— Ведь я тогда еще сказал, что ты и половины моей не составляешь. Погиб бы ты, если бы не я. Теперь не хвастайся больше. Уж я-то обойдусь со своей полной барбой сала.

— Верно, верно!— подхватил заяц, все еще дрожа от испуга.— Будем друзьями.

— Ты ведь уже отказался от моей дружбы. Так что я с тобой дружить и не собираюсь.

— Нельзя смеяться над товарищем, который упал первым,— сказал заяц и покинул нору.

Однажды тарбаган слишком далеко ушел от своей норы в поисках сочной травы-муравы. В степи его увидел волк и пустился в погоню. Пока он едва переваливался с ноги на ногу, волк подбежал уже совсем близко. Увидев попавшего в беду тарбагана, заяц медленно пробежал перед самым

носом волка. «Вот кем можно всласть полакомиться»,— решил волк и пустился за зайцем. Отведя волка на безопасное для тарбагана расстояние, заяц побежал так, что ста собакам за ним не угнаться.

— Век помнить буду,— сказал тарбаган, когда Заяц прибежал к нему.— Ты спас меня от верной гибели в пасти волка. В прошлый раз я зря бахвалился. Будем друзьями.

— Цену дружбы оценили и ты, и я. Так будем же верными друзьями,— согласился заяц.

Кечил-оол ЭКЕР-ООЛ

НА СКАЧКАХ

Я на старых чайлагах давно не живу...
Но всегда вспоминаю их — как наяву:
встали скалы отвесно — стеною стена!
Птичьи слышатся песни, тайга зелена,
а серебряных речек прозрачен хрусталь —
он зовет меня вечно в знакомую даль...
Все, что дорого сердцу — прими мой рассказ!
Я страничку из детства припомнил сейчас...

1.

Как запоют кукушки песню лета,
то словно к нам зовут: «Иди! Иди!»
Народ идет на наш чайлаг Белдир,
весенним разнотравьем разодетый.
Какие игры видывал я там!
Раскаты смеха так далеко слышал!
Все в памяти так празднично и пышно,
как цвет весенний по родным местам.
Вот, помнится, мой дядя — Часкал-оол
(хмельной, конями любит он хвалиться)
ко мне подходит:
— Что стоишь, орел?
Пора тебе на скачках отличиться!

Еще бы я такого не хотел!..
Потупился. Молчу. Стучат подковы.
Гляжу: ко мне идет и дед Суктер,
и скакуна подводит — да какого!
И ну хвалить!..

— Красавцем вырос конь,
я думаю, на скачках не отстанет.
Садись, сынок, не бойся!
Чуть затронь —
он полетит и облако достанет!

Я не боюсь. Нисколько не боюсь:
не маленький: с коня-то не свалюсь!
Но все-таки впервой... А вдруг отстану —
посмешищем для всех мальчишек стану!

Отец идет:

— Садись, садись, сынок,
надежен этот конь и легконог,
нас не обманут дедушка и дядя —
иди, иди, семейной чести ради!

И сам скакун так смотрит на меня —
как будто слышу я слова коня:
— Ну, что ж ты, парень?..
Конь ушами прядет,
себе товарища на скачки ждет.

Тут сел я на гнедого скакуна,
и впрямь орлом на всех впервые глянул —
и к сверстникам скорей, в конец поляны:
оттуда будем скачки начинать.

А там коней!.. Пожалуй, будет двадцать.
И все нетерпеливо старта ждут:
как парни подгулявшие на танцах,
топочут, скачут, дергают узду...

Взлетает в воздух шляпа секунданта,
со всех сторон несутся крики: «Ку-уг!»—

ослабив повод, я лечу куда-то
сквозь пестрый, шумный и кричащий круг.
И впрямь скакун стрелою быстрой стал —
и впрямь, должно быть, облако достал:
я задохнулся, сердце защемило,
как будто птицей прямо в небо взмыл он!
А тут еще, из-под копыт коней,
ударил прямо в грудь мне град камней...
Нет, так нельзя. Попридержал Гнедого,
чуть пропустил вперед коня другого...
Спокойней стал я, сердце ровно бьется.
Теперь, пожалуй, можно побороться:
а ну, вперед! Как сокол на добычу,
рванулся конь — но мне теперь привычней.

А гор гряда темнеет, далека,
и к ней несется конь без седока...
И снова сердце сжалось у меня:
который из друзей упал с коня?

Но радость заглушает все тревоги:
опережает конь мой быстроногий!
Отстали все, а он летит вперед —
туда, где волнами кипит народ...
Казалось, мой Гнедой недосыгаем...
Вдруг слышу крик: «Скорее! Настигают!»
Рывком (я не успел бы крикнуть
«Здравствуй!»)
меня с Гнедком опередил Саврасый.

Наездника, Савраску и хозяев
все хвалят, славословят, поздравляют,
а нам с Гнедком всего-то и привета:
утешили — «Неплохо, мол, и это».
Но рад Гнедка хозяин — дед Суктер:
бежит к нам, борода по ветру вьется,
а сам старик то плачет, то смеется,
то утирается — аж лоб вспотел!
— Второе место! Ай да молодец!—

схватил он на руки. меня, как сына,
и, словно мячик, вверх легко подкинул,
и подхватил...

Подъехал, наконец,
и тот мальчишка, что с коня свалился:
в седле у секунданта примостился,
твердит:

— Летел я — просто ураганом,
да нам попалась норка тарбагана...
Я услышал — спина похолодела,
как будто сам с коня я полетел...

Да полно, полно — не в паденьях дело!
Призы вручают. Что досталось тем,
хозяевам Савраски,— я не знаю,
но дед Суктер неплохо награжден:
большущий сверток шелка, плитку чая,
еще лопату — еле держит он!
И на меня он обратил вниманье:
— Ну, молодец, снеси-ка плитку маме!

А мама, правда, в юрте оставалась —
с хозяйством, помнится, захлопоталась,
на праздник бы, конечно, съездить надо...
Но как подарку мама будет рада!

2.

Я бегу, я бегу по зеленым лугам...
Я подарок несу — только маме отдам!
Я его берегу, улыбаюсь ему,
как ребенка, иной раз и к сердцу прижму...

А лужок подо мной так травую шуршит,
словно шепчет мне нежно: «Спеши же, спеши!»
И качает меня молодая трава,
и от счастья, от счастья — кругом голова!
Вот и юрта—мой детский, мой ласковый мир...
— Мама! Мама! На скачках... награду... возьми!

Мама смотрит — тревога мелькнула в глазах—
значит, я не сумел, не сумел рассказать!
Но торжественно мама выходит вперед,
как бесценнейший дар, на ладони берет
плитку чаю...

— Спасибо, сынок мой! Ты рад?

Пусть тебе это будет началом наград:
постарайся, сынок, заслужить их всегда —
и в горячем бою, и в горенье труда!

ЛЕТАЮЩАЯ ЗАГАДКА

Слегка
качая маковый цветок,
слетела с лепестка
на лепесток.
Пестрел на солнышке
ее наряд —
халат узорчатый,
красивейший халат!
Из шелка легкого
два маленьких крыла
сложила вместе,
так и замерла.

И удивился
маковый цветок:
— Откуда взялся
новый лепесток?

И Я ПОЙДУ В ШКОЛУ

— Тебе еще в школу рано,—
мне говорят друзья.
— Но брат подарил мне ранец,—
им возражаю я.

— Тебе еще в школу рано,—
твердят, как один, друзья,—

с тобой расстаться пора нам...

— А как же,—

кричу им,—
я?

Кто только придумал такое —
оставить меня одного?

Кто будет играть со мною
когда во дворе — никого?!

Не усидеть мне на месте,
вслед за друзьями бегу:
уж если играл с ними вместе,
то и учиться смогу!

КРОЛИК

Подскакал веселый кролик
к пятилетней Ошку-Саар.
Как губами ножку тронет!..
Ну, чуть-чуть не искусал.

Поиграть хотел крольчонок,
познакомиться — «ты чья?»
Но пойдя, пойми девчонок!
Разревелась — в три ручья!

Ускакал скорей усатый,
перетрусил, видно, сам...
Высох сразу слез остаток —
вслед смеется Ошку-Саар!

Олег СУВАКПИТ.

МЕДВЕДЬ И ОБЕЗЬЯНА

(Басня-сказка)

Случилось это, друг, давным-давно...
Как вспомнится —
смешно и не смешно.

Я все вам,
от начала до конца,
поведаю,
как слышал от отца.
А выводы подсказывать —
к чему?
Народ поймет.
Доверимся ему.

* * *

В густом лесу шаталась Обезьяна.
С Медведем повстречалась Обезьяна.
— Ты что за зверь?
— Хозяин я лесной.
— А где живешь?
— В берлоге под сосной.
— А здесь что делаешь?
— По ягоды хожу.
— А ты чем занята?
— Да так, брожу...
— А делать-то ты что-нибудь умеешь?
— Вот подружись со мной —
уразумеешь.
— Пусти, брат, зимовать в свою берлогу...

— Ну что ж, иди.
Но чур — меня не трогать:
гостям чинить обиды не хочу,
но кто меня обидит — не прощу!

Зима придет — что делать Обезьяне?
В берлоге не сиделось Обезьяне:
темно и душно...
Но — а вдруг мороз?..
К Медведю привязаться ей пришлось.
Как ночь — бедняжку мучают виденья:
вот-вот Медведь во сне ее заденет,

да шкуру невзначай с нее сдерет,
а то, глядишь, задавит
да сожрет!..

Она со страху вскрикнет и проснется —
Медведь в ответ лениво шевельнется,
да, поворчав, подставит ей под ушко
свой теплый бок —
как мягкую подушку.

А днем, как старший брат, в тайгу ведет:
на кедр залезет, шишек ей нарвет,
где ягодное место, ей покажет
и ни словечка поперек не скажет.
Привольно с ним живется Обезьяне!
Работать не придется Обезьяне!
Она и рада прыгать да скакать,
есть ягоду, орешками щелкать...
Не радуйся до срока, Обезьяна...

Осенний лист уже укрыл поляны,
все ниже с гор спускаются снега,
одела речку звонкая шуга.
Ко сну Медведя клонит понемногу...
Забилась Обезьяна с ним в берлогу,
пригрелась и уснула...

Поутру

вскочила —

а Медведь лежит, как труп.

Она будить —

а он не шелохнется,

храпит и все...

А ей охота есть.

Поди, запас какой в берлоге есть

на черный день?

Хоть что-нибудь найдется?

Ну шарить по углам —

нигде ни крошки...

Ох, Обезьяна, эдак пропадешь ты!..
Вот день прошел —
Медведь все спит да спит...

От злости Обезьяна вся кипит,
голодная...

— Где пищу я найду?

Пошто не заготовил мне еду,

Медведь проклятый!

Сам-то — ох, и жирный!..

Склонилась над Медведем, спящим

мирно,

тихонько гладит,

щупает его:

— Вот, вот жирок!

И вот оно — мяско!

А шкура —

то-то будет одеяло!

А желчь —

да я бы с ней богачкой стала!

А кости —

грызть их — будешь сыт всю зиму!

Ишь разоспался!..

Тоже — уязвим он...

Рукав свой засучила Обезьяна,

нож острый наточила Обезьяна,

сама все ближе, ближе подползала...

Вот лапы спящему ремнем связала,

по шкуре шарит —

где тут сердце бьется?—

и, наконец, ножом —

как замахнется!...

И в сердце угодила бы как раз...

Да только

искры у самой из глаз,

ее как будто ветром подхватила

и — бросила неведомая сила.

Очнулась на снегу холодном, белом,
и от мороза вся окоченела —
не смерть ли то приходит, Обезьяна?
Вот зло к чему приводит, Обезьяна!

...А было это все давным-давно..
Как вспомнится —
смешно и не смешно...

Биче-оол ОНДАР

РАССКАЗ ДОЗУРАША

На горе Хербис

Мечтая о завтрашнем походе, я не мог долго уснуть. Это ведь наш первый поход без руководителя. Когда мы ходили в поход в школе, с нами обязательно отправлялась наша пионервожатая. А в этот раз мы решили идти сами, без провожатых. Услышав об этом, мать долго и шумно возражала. Но мы с отцом, объединив усилия, добились согласия матери.

О чем я мечтал лежа в постели? Будто идем мы по ровной долине Хемчика, колышутся яркие пестрые цветы и молодое-разнотравье. Вдруг приземляется сверкающий на солнце корабль «Восток». Космонавты выходят из него и осматриваются, изучая местность. Мы им преподносим букеты цветов. Помогаем снять оранжевые скафандры. Они спрашивают, где мы живем, как учимся. Мы рассказываем, что все трое перешли в четвертый класс, что здесь, невдалеке, расположена молочнотоварная ферма совхоза «Хемчик», что наши родители работают там доярками, скотниками, что мы учимся и живем в интернате в совхозном центре и вернулись домой только вчера, что на ферме, встретят их от души.

Мечтая так, я даже смутился. Что греха таить, ведь мы говорим по-русски неважно. Раз встретились с космонавтами, которые наверняка не понимают тувинской речи, обязательно

придется говорить по-русски. Придется старательно учиться русскому языку. Вот так.

Потом космонавты пригласят нас на свой корабль... Ох, мальчишки, моя самая заветная мечта посмотреть хоть одним глазком внутренность космического корабля!

В самом деле, почему бы космическим кораблям не приземляться в наших местах? Они ведь совершают посадку то на нивах Саратова, то в степях Караганды, то в лесах Перми. Обязательно облюбуют и долину Хемчика!..

А уж мы-то — Биликма, Алеша и я, — возвращаясь из очередной поездки на Луну, непременно сделаем остановку здесь. Ведь наша учительница сказала, что космонавтам надо готовить себя с детства. Завтрашний наш поход вполне может стать частью такой подготовки. Конечно, может. Как я уснул, сам не заметил. Вот как.

Утром, открыв глаза, я сразу вскочил. Мать уже давно была дома, закончив утреннюю дойку. Я взглянул на часы: скоро восемь. Наспех позавтракав, положил в узелок хлеба и бутылку молока, побежал на условленное место.

Мать крикнула мне вслед:

— Не задерживайтесь допоздна!

Алеша пришел почти одновременно со мной. Он взял с собой ивовую палку с изогнутым концом.

На месте не было только Биликмы. Понимая, что девчонки всегда такие, мы приуныли. Она, однако, как будто вынырнула из-под земли: тут как тут. Оправдываясь, скороговоркой начала:

— Не с кем было оставить младшую сестренку. Поэтому и опоздала. Как только пришла мама, я сразу сюда побежала. Вот.

Мы знали причину ее опоздания и без объяснений, поэтому только посочувствовали ей и пошли по дороге.

За фермой невдалеке течет ручеек. Через него перекинута одна-единственная доска. Мы один за другим перешли по этому мосту и пошли широким шагом в лес по извилистой тропинке.

Она привела нас на высокий берег Хемчика. Утки, плавав-

шие на изгибе реки, закричали и, хлопая крыльями по воде, торопливо улетели.

Мы шли вверх по реке и, к нашему счастью, лодка оказалась на нашей стороне. Биликма иногда меня звала «лодочником». Я заметил, что на сей раз она смотрит не насмешливо, а даже уважительно.

На Хемчике прошло весеннее половодье, теперь вода убыла. Она стала почти прозрачной. Но я волновался из-за того, что сейчас должен переправить через бурную речку своих товарищей. А чтобы друзья не заметили моего волнения, я, как некоторые старые лодочники, начал поторапливать их.

Они удивились моему поведению, но послушно выполняли все указания.

Когда Биликма села в лодку, Алеша проворно подтолкнул нас и сам успел заскочить. А я, как настоящий лодочник, обеими руками начал грести веслами.

В прошлом году я вместе с отцом много плавал по Хемчику. Отец показывал, как грести. А потом я сам научился. Однако до сих пор я не переправлял ребяташек.

Когда я подумал, что теперь судьба ребят зависит от меня, силы у меня словно удесятились, весло как будто стало легче.

Мы были уже на середине Хемчика, но то ли река была слишком бурная, то ли мои гребки неуклюжими, то ли лодка — неустойчивой — только нас стало покачивать. Биликма вскрикнула от испуга, схватила Алешу за рубашку, и он резко наклонился. А сам еще подзадоривал меня:

— Давай, еще качай, качай!

Я стал грести осторожнее. Вскоре киль со скрипом врезался в гальку, и наша лодка выскочила на низкий берег. Алеша уже стоял на сухом месте и крепко держал ее нос.

Вытащили лодку на берег и продолжали свой путь. Шли среди молодых тополей, бледного ивняка, густых зарослей облепихи к подножью утеса Хербис, который смотрится в Хемчик.

Мы хотели подняться на вершину. А до нее еще идти далеко, по высокой гряде. На плато, где нет даже кустика ка-

раганника, солнце печет так, что будь здоров! Кажется, даже камни потеют.

— Куда так несемся? Давайте спустимся к реке!— предложила Биликма.

Согласились. Спуск идет по красным скалам, протянувшимся прямо до воды.

С Алешей сели наверху спуска и покатались вниз, голько камни под нами загремели, и за нами поднялась красноватая пыль. Остановились у самой воды. А Биликма одна осталась на пригорке. Она, видать, растерялась, да и платье жалко.

Пришлось подниматься к ней, ступая в расщелины, хватаясь за выступы. Биликма посмотрела на меня жалобно.

— Страшно, да?

— Камни могут попасть тебе в голову.

— Ничего, не бойся и спускайся,— скомандовал я.

— Нет, я сама,— и Биликма неловко, как-то боком, села и покатилась.

А я не отставал от нее. Катившиеся камни отбрасывал на лету в сторону. Так мы и спустились. Биликма, отряхивая платье, весело смотрела на меня. Мы пошли быстрее, чтобы догнать Алешу,— он уже шел узкой тропинкой по берегу Хемчика.

Вскоре нашу дорогу заслонила отвесная скала, которая высилась прямо из воды. Если бы Хемчик обмелел, наверное, здесь, можно было бы перешагнуть его. У нас было два пути: вернуться обратно на пригорок или карабкаться по крутому яру вверх и выйти на хребет горы.

Мы прикинули и выбрали второй путь. Ступая в зазубрины скал, хватаясь за кусты жимолости и таволги, Алеша пошел впереди. За ним Биликма, а я — замыкающим. Алеша начал подниматься, быстро и проворно, как белка по дереву. Он далеко ушел от нас.

Алеша даже не обернулся, так хотел показать нам свою ловкость. Между тем камень, на который наступила Биликма, слетел кувырком прямо ко мне. Мне некогда было посторониться, и я припал к выемке в скале. Камень громко стукнулся о скалу, за которой я прятал голову, чуть не задел мои ноги, с грохотом покатился вниз и упал в реку.

Я поднял голову и посмотрел вверх, Биликма стояла на прежнем месте, вся побледнев.

— Вот! Перескочил!— закричал я и, сделав несколько отчаянных усилий, догнал Биликму.

Она стояла на плоском камне, на котором едва умещались ее маленькие ступни, и тряслась, как дерево в бурной реке.

— Вниз не смотри! Голова закружится!— схватил я ее за руку.

Алеша, уже взобравшийся на вершину Хербиса, кричал:

— Не бойся, Билик!

Но Биликма, как стреноженная, даже не шевелилась и только еще сильнее тряслась.

— Ничего. Я тебя удержу,— успокоил я ее.

Биликма молча и послушно шла за мной. На гряде наш путь преградила высокая скала. В этот миг я почему-то вспомнил сказочного Танаа-Херела, который преодолевал всякие трудности и опасные препятствия.

Алеша лег на скалу и протянул нам свою палку. Биликма кое-как дотянулась до нее. Я согнулся, и она взобралась на мои плечи. Хватаясь за скалу, я медленно встал. Тогда Алеша схватил Биликму за руку. Через мгновение она — на вершине. Я тоже с помощью палки легко взобрался на скалу. Хорошо, когда рядом товарищ.

Вершина, куда мы поднялись, оказалась не самой крышей Хербиса. Если перейти еще одну седловину и подняться на следующую, там, может, и есть самая вершина. Говорят, сказанное слово, как дерево с зарубкой. Мы пошли дальше.

Вот, наконец, вершина Хербиса. Когда смотришь издалека, вроде, стоят какие-то великаны. А подойдешь близко — это цепью протянулись зубчатые скалы.

Мы с Алешей поднялись на одну из них. Верх ее был довольно широкий и ровный. Биликма наотрез отказалась идти дальше.

Когда я посмотрел вниз, у меня сердце екнуло. Зажмурившись, я отполз назад.

Успокоившись, снова посмотрел вниз. Мы были на высоте примерно в три составленных лиственницы. Утес отвесный, как стена.

— Высоко?— шепотом спросил Алеша.

— Сам не видел, что ли?

Он умолк. Я понял, что он, как и я, посмотрев вниз, испугался.

— Давай, смотри вниз, только будь осторожен. Ничего,— уговаривал я.

Однако, он отказался.

Когда сверху смотришь на летающих птиц, кажется, они чуть не касаются воды. Под утесом Хемчик так глубок, что даже какой-то черно-синий. В воде мелькают стаи рыб.

— Хо, сколько рыб!— кричу я.

— Правда?— спрашивает Алеша.

Он заядлый рыбак, поэтому не удержался и прилег рядом со мной.

— Вот гнездо!— кричит он сразу.

Немного в стороне от нас, внизу, я увидел взъерошенное гнездо.

— Это гнездо орла,— утверждает Алеша.

Я молча соглашаюсь. На ум приходит песня: «Есть гнездо высоко в горах, построенное смелым орлом». Голос Алеши прервал мои мысли:

— Какая большая рыба!

Я подался вперед и посмотрел вниз: вместо множества рыбешек, которые плавали в глубине реки, сейчас вижу только одну громадину-рыбу. Как бревно! Издалека такая большая, а если подойти близко,— вовсе огромная!

— В человеческий рост!— говорю.

— Не меньше.

— Что вы там смотрите?— спрашивает Биликма.

Ей, видать, захотелось послушать наш разговор.

— Иди сюда быстрее! В реке таймень в человеческий рост!— кричу я.

— Держите меня!— и в одно мгновение оказалась между нами. В конце концов она оказалась даже смелее нас: сразу посмотрела вниз с этой головокружительной высоты.

— Где таймень?

Удивительное дело: в воде ничего не было.

Мы с Алешей переглянулись. Таймень только что стоял в

глубине. Отец, когда не может найти трубку или что-нибудь из конской сбруи, всегда говорит: «Как в воду канули».

— Был там,— указал пальцем Алеша. А где именно стоял таймень, никто из нас не мог точно сказать: ведь в воде нет ни знаков, ни меток.

Скала, на которой мы лежим,— это самая высокая точка утеса Хербис. Остальные острые скалы все ниже ее. Когда смотришь отсюда — вся окружающая местность видна, как на ладони.

За нами простирались поля колхоза «Чодураа», широкая кайма зеленого леса Кок-Терека. За колхозными полями — чередуются косогоры, холмы, названий которых мы никогда не слышали, так вереницей они и уходят за горизонт. Там, на опушке леса, виднеется колхозное село. Крыши его домов блестят на солнце.

Выше, по течению реки, растянулся широкий луг, как зеленый ковер. Там расположен центральный поселок колхоза «Булун-Терек».

А напротив нас, на той стороне Хемчика, видны участки полей, обрамленные ивняком. По обе стороны этих богатых, хлебородных полей текут, чтобы соединиться в Хемчике, две речки, похожие друг на друга, как близнецы.

Наша ферма нам показалась совсем рядом. Если бы не деревья, мы отсюда запросто увидели бы свои дома.

Когда стоишь на вершине Хербиса — так чудесно и удивительно! Жалеем, что до сих пор мы здесь не бывали.

Никто из нас не замечал раньше, на какой красивой и богатой земле мы живем. Конечно, мы много ходили, ездили. Но человек, находящийся в долине, обычно не может видеть далеко. А мы не додумались подняться на вершину Хербиса. Стало досадно, что не взяли с собой бинокль.

Пока ели свежий хлеб, пили теплое молоко, я рассказывал товарищам о космических кораблях.

— Сколько мы увидели с Хербиса. А с космического корабля можно посмотреть все страны, даже Африку,— уверяла Биликма.

— Правда, ведь Юрий Гагарин различал города и реки,— поддержал ее Алеша.

— Когда стану взрослым, полечу на Луну и, возвращаясь оттуда, обязательно сяду здесь,— размечтался я.

— Это место твердое, каменистое. А я бы приземлился в степи Кок-Терек,— добавил Алеша.

— Ой, смотрите на луг за Хербисом. Как шелк. Я буду там приземляться,— заявила Биликма.

Мы спорим, доказывая превосходство одного места над другим.

Солнце давно перевалило свой зенит. Хотя на вершине Хербиса чувствуется дуновение легкого ветерка, все равно жарко.

— Дойдем до тенистого места и отдохнем,— предложила Биликма.

— Будем купаться,— говорю я

Еще раз осмотрев окружавшие долины, луга, поля и горы, окутанные синеватым маревом, мы с неохотой покинули Хербис.

После того похода слова «великая, огромная Родина» мне стали близки и понятны.

Олег ГАВРИЛОВ

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

Довелось мне как-то встретить осенний рассвет на озере. Вот из-за гор золотым кинжалом ударил первый пучок солнечных лучей, и все вокруг — пожелтевший тростник, бурый камыш, разлохмаченные ватными клочьями коричневые палки соцветий рогоза, тусклый лед — изменилось, словно по мановению волшебной палочки. Это была настоящая симфония чистых и радостных красок.

Побуревший широкий лист рогоза, сломанный пополам осенними ветрами, неузнаваемо преобразился. Кристаллики инея на изломе налились красным соком зари и сверкали отшлифованными рубинами. На зелени осоки, отражая ее яркий цвет, зажглись изумруды. В этой феерии красок можно было отыскать, как в мастерской гранильщика, и бериллы, и турмалины, и опалы, и сердолики — все виды драгоценных камней.

А когда солнце выползло из-за хребта, огромное, чистое, словно умытое студеной водой, буйство красок начало стихать. Остались лишь камыши, усыпанные алмазами, но и последние украшения их вскоре исчезли под лучами дневного светила.

И я — в который раз! — подумал: как хорошо взглянуть на природу хотя бы краешком глаза. Выберешься из четырех стен, и обязательно что-нибудь интересное увидишь. Надо только глядеть внимательней, ведь порой рядом встречаются удивительные вещи.

СЕРЕБРЯНЫЕ СНЕГА

Почти шесть месяцев в году укутана Тува в саван снегов. Улетает большинство певчих птиц, откочевывает южнее водоплавающая дичь, но жизнь в тайге, в прибрежных тальниках, в горных расселинах, в степи и в поле не прекращается даже в самые жестокие морозы. Зайцы-беляки в бору выбивают настоящие тропы, а за ними охотится осторожная рысь. На заметенных снегом гольцах тропит в своей темной, с морозной сединой шуб-

ке соболю в поисках кедровых орешков и зазевавшихся пищух. А кабаны и козероги в самый разгар морозов справляют свадьбы...

Словом, натуралисту есть за чем понаблюдать и зимой.

РОГАТЫЙ ЖАВОРОНОК

Мороз давит все сильнее, все меньше и меньше встретишь за городом птиц. Переселились поближе к человеку большие синицы, откочевали в речные долины лазоревки и пухляки, даже снегирей и вездесущих чечеток — и тех не встретишь. Тем приятней увидеть на дороге табунок пестрых птичек размером чуть меньше скворца. Они бойко скачут по укатанной шинами колее, перепархивают по кустикам полыни и негромко посвистывают «фью-фи-ти-ти».

По двум зазорным хохолкам по бокам головы я узнал в неунывающих птицах рогатых жаворонок, которых еще иначе зовут рюмами. Жители северных тундр и субальпийских лугов, они постоянно кочуют в поисках корма и обычно появляются у нас зимой, иногда огромными стаями.

Я поднес к глазам бинокль, чтобы получше разглядеть зимних гостей. У самцов на груди черные подковы, черные усы тянутся под глазами от клюва до ушей, темная полоска соединяет «рожки» из длинных и тонких перьев на голове. Заостренные назад, они придают облику птиц стремительность. И в самом деле, рюмы — отличные летуны. Поверху окраска их розовато-серая, с пестринами на спине, а щеки, лоб и горло отливают нежным лимонно-золотистым цветом, словно жаворонок сохранил на себе отблески полярных сияний.

Красивая, птица, ничего не скажешь. И веселая, общительная. Правда, поет не так звучно, как ее знаменитые собратья, что звенят по весне трелями над полями, но зато радует глаз в застывшем мире белого безмолвия.

«БЕЛАЯ СМЕРТЬ»

Находившись по убродному снегу, я присел на развороченную косулями копешку сена передохнуть. Маскхалат не снимал, и поэтому мог наблюдать за окружающим, оставаясь невидимым для всех. Вокруг было пустынно, и от нечего делать я принялся разглядывать круглые крохотные отверстия в снегу, словно проткнутые палкой, толщиной в палец.

Несомненно, это были норки полевок, хотя вокруг не видно ни одного следа. Да и зачем длиннохвостым вылезать наверх — здесь стужа, может закогтить сова или ястреб. Под снегом бегать и теплей, и безопасней. Я не сомневался, что

весь снег вокруг копешки изрыт сложной системой подснежных ходов.

Вот тут она и возникла передо мной, словно белое привидение, появившись из мышиной норки. Ее бы и не заметил на снегу, если бы не темные бусинки глаз да крохотная точка носика. Грациозно изогнув по-змеиному гибкое тело, ласка огляделась по сторонам и снова нырнула в норку. Через минуту она появилась в другом месте с крупной полевкой в зубах, вынырнув из снега, как из воды. Не смущаясь моим присутствием, ласка короткими прыжками поволокла добычу к ближайшему кусту. Повозившись там, она легкими скачками, неслышная, невидимая, точно тень, вернулась к копне.

Начал пробираться морозец, и я не выдержал, встал, чтобы размяться. Ласку мои движения не испугали. Она вертелась вокруг на расстоянии не более двух метров, то ныряя в снег, то снова показываясь на поверхности, как будто приглашала поиграть с ней в прятки. Ее гибкое, точно резиновое, тело, покрытое нежной белой шерсткой, струилось, плыло по снегу.

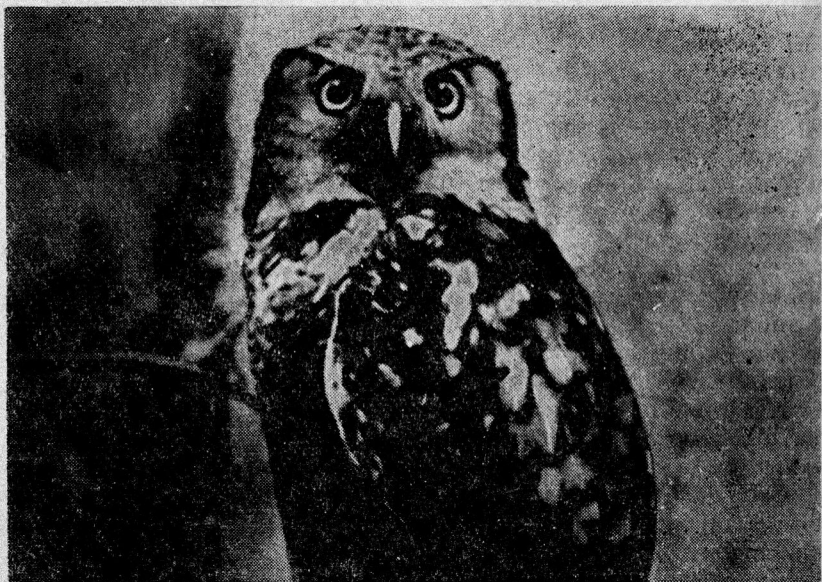
Не стесняясь присутствия хозяйки, я разворочил тайник под корнями куста. Там оказалось более десятка полевок. Все они были убиты укусом в затылок, где краснели капельки крови. Полевки еще не окаменели от мороза, поэтому нетрудно было догадаться, что все они пойманы недавно.

Этот крохотный зверек размером с авторучку, самый мелкий представитель семейства куньих, является грозным врагом многочисленного племени грызунов. Ласка — хищник более лютой и кровожадный, чем тигр. Тот убивает добычу раз в три-четыре дня, чтобы наесться до отвала, и не трогает ее, пока сыт. Ласка же убивает с азартом, и даже тогда, когда бывает сыта. Порой добыча ее во много раз превышает вес собственного тела. Стремительная, проворная, гибкая, она пролезет в любую норку. И горе ее хозяевам!

Ученые подсчитали, что ласка уничтожает более двух тысяч грызунов в год. Помножьте это количество на килограммы зерна, и вы поймете, какую пользу приносит этот зверек, сберегая человеку тонны хлеба. Может быть, за это и называли ее люди таким звучным и ласковым именем?

СТРАХ

Шагая по краю поля, я вспугнул табунок куропаток. Часть птиц укрылась в овраге, поросшем караганником, а две нырнули неподалеку под куст крушины. Я не стал их преследовать и прошел бы стороной, если бы не звонкий испуганный крик куропаток. Я оглянулся и увидел, что на вершину бли-

...Я оглянулся и увидел, что на вершину ближайшей лиственницы уселась ястребиная сова, которую еще иначе называют березовой.

жайшей лиственницы уселась ястребиная сова, которую еще иначе называют березовой.

Эта хищница, в отличие от своих сородичей, прекрасно видит и охотится днем. Правда, размеры ее мелковаты для того, чтобы напасть на куропаток. Но мне приходилось видеть, как мелкий ястребок-перепелятник нападал на утку. Поэтому я вернулся и с интересом стал наблюдать за развитием событий.

Сова спокойно сидела на вершинке, изредка поводя круглой кошачьей головой, а куропатки трещали под кустом. Так продолжалось долго, и я, не выдержав, зашагал к кусту. Куропатки, только что не подпустившие меня на полсотни метров, не выказывали тревоги при моем приближении. Я подошел вплоть, но они лишь отодвинулись немного, а покинуть переплетение ветвей не решались. Вытянув шею, они громко вскрикивали, а куропатки в овраге откликались им.

Я протянул руки под куст, и в это время сова взлетела, стряхнув с веток снеговую кучту. Ближайшая куропатка метнулась ко мне и замерла, накрытая ладонями. В суматохе я не разглядел, куда исчезла вторая куропатка, скорее всего, нырнула в снег, так как треска крыльев не было слышно. А пленница вела себя спокойно, только сердце ее билось

бурными толчками. Она не сделала попытки улететь, когда я раскрыл ладони, и пришлось подтолкнуть ее пальцем, чтобы она вышла из оцепенения.

Страх к пернатым хищникам у куропаток в крови. И те же куропатки, если их не пугали раньше, буквально лезут под машину, что приводит к трагическому для них концу, когда они нарвутся на безжалостного браконьера.

«ДОМОВОЙ»

Акимыч сторожит зерновой ток и поэтому живет безвыездно на колхозной бригаде километрах в двадцати от села. Грамотешки у старика маловато, но есть природная мужицкая сметка, большой запас жизненных наблюдений, которые делают его интересным собеседником. По первому снегу, когда шумные механизаторы покидают полевой стан, старик ловит петлями зайцев, ставит капканы на колонков и лисиц, мастерит деревянные лопаты и грабли, черенки для вил.

Соскучившись по людям, старик говорит без умолку, рассказывает разные бывальщины, охотничьи истории, которых много было на его долгом веку. От его наблюдательных, не по-стариковски зорких глаз ничто не ускользнет в округе, и Акимыч подробно объяснит, где пасутся табунки косуль, кормятся стаи косачей и куропаток.

В последний мой приезд старика словно подменили. Он кряхтел, крякал, чесал в раздумье затылок, видно, собирался что-то сказать, но не решался. После крепкого чая с вареньем, который разморил меня с морозу, Акимыч решился:

— Вот, слышь-ко, рассказывают старухи про нечистую силу. Я, признаться, верил и не верил, а вчера сам убедился, что в хате нечисть завелась...

Я выразил сомнение, что старика еще больше раззадорило.

— Точно тебе говорю, в столярке под печкой живет! Я уж давно примечать стал: вечером смету стружки в угол, а утром они разбросаны по всему полу, под шесток ровно кто дорожку натрусит. Ну, думаю, хичник какой ни-то из лесу забрел, хорь аль горносталя. Все одно, думаю, спворю тебя. Посыпал золой вокруг, чтоб следы, значитца, оказал. Вчера заглянул — на полу две дохлых мыши лежат. Зола не тронула, а поверх стружкой напорошено...

Рассказ старика задел меня за живое. Через несколько минут мы с Акимычем, вооружившись электрическим фонариком, открыли скрипучую дверь столярки. В помещении было прохладно, потому что здесь давно не топили печь, да и в разбитое окно, кое-как заткнутое тряпкой, струился холод.

Все на самом деле оказалось так, как описал старик. Вни-

мательно рассматривая золу в поисках следа, я навел луч фонарика в темное отверстие лаза под печкой и оторопел от неожиданности. Сквозь занавес паутины на меня, не мигая, смотрели два огромных глаза, горящие желтым огнем, за которыми смутно угадывалось бесформенное серое туловище. Оцепенение было мгновенным, затем от бесшумного взрыва взметнулась зола, мелкие стружки и опилки, загоравшая глаза. Фонарик упал и погас, и было слышно в крошечной тьме, как о стекло бьется и царапается что-то мягкое.

Когда я нашел и зажег фонарик, в столярке было пусто, только в разбитом окне не торчала уже тряпка, и в него струился морозный воздух. «Свят, свят, свят...» — мелко крестился Акимыч.

...«Нечистую силу» я обнаружил утром в огромном здании зерносклада. Как ни странно, это действительно был «домовой». Устроившись на стропиле, покрытой серым пометом воробьев, домовый сыч водил круглой головой и тараторил незрячие глаза на плоском лицевом диске. Размером он был чуть меньше голубя, с более коротким хвостом и пушистым оперением, покрытым пестринами. На полу валялись мелкие перья, из чего можно было заключить, что сыч плотно поужинал воробьями...

В Туве домовый сыч встречается редко, главным образом, в сухих холмистых степях и безлесных горах. Основная его пища — грызуны, за которыми он порой лазит в норы не хуже хорька. Гнездится он также в норах и расщелинах скал.

Полезнейшая птица — домовый сыч, но вот только не многие знают об этом.

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

Солнечные лучи стали уже настолько сильны, что их давление ощущаешь физически. Они прорвали сплошную пелену облаков и залили горы, распадки, долины ликующим радостным светом. Все кругом выглядит обновленным, сияющим, посвежевшим. Отчетливо стали видны все предметы — от ничтожной хвоинки, лежащей на снегу, до последней веточки березы, врезанной в бездонную синеву неба.

Пологие склоны сопки вспыхнули под лучами солнца полированным серебром, спячат глаза так, что глядеть больно. Эта солнечная игра красок настолько впечатляет, что на какое-то время забываешь обо всем. Но вот набежало облачко, и краски стусевались, поблекло сияние снегов, и ты постепенно приходишь в себя. И тут начинаешь сознавать то, насколько губительна для лесных обитателей эта красота.

Солнце плавит снег, он оседает, становится плотным. Верхний слой, что так красиво отблескивает в лучах, смерзается ночью в ледяную корку. Время появления наста в тайге — самое тяжелое для копытных зверей. Лоси, маралы, косули, сделав несколько прыжков по коварной броне, в кровь ранят ноги, слабеют, быстро становятся добычей хищников.

Трудно в эту пору и птицам. Нырнув, как обычно, в снеговую перину на ночлег, они утром не могут выбраться на поверхность, пойманные в предательскую ледяную ловушку.

Вот тут-то и пригодится лесным жителям помощь человека. Копешка подсолненного сена на лесной опушке для маралов, десятков веников для косуль, сноп овса или ведро просяной мякины для куропаток помогут зверям и птицам пережить трудное время на исходе зимы.

...Время появления наста в тайге — самое тяжелое для копытных зверей.

НА ВЕСЕННИХ ТОКАХ

В горах еще холодно, а прогреваемые солнцем долины засинели от множества подснежников. На озерах и реках отходит от берегов лед, воздух наполнен гомоном прилетающих с юга гостей. Скворец, устроившись на жердочке перед своим новым жильем, выводит замысловатые колленца. Великий мастер подражания, он в точности копирует трели жаворонка, мяуканье кошки, крик чибиса. Со своеобразным серебристым щебетом порхает у воды грациозная трясогузка.

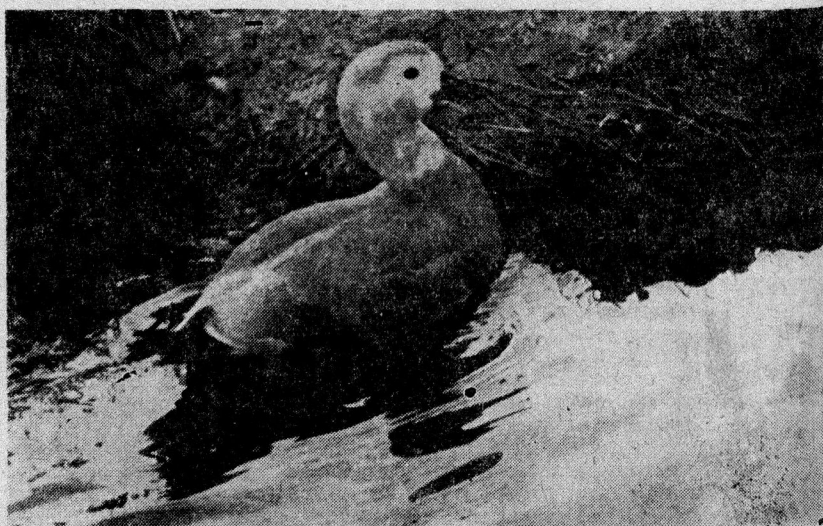
Все живое радуется весне, теплу, солнцу. В природе наступила пора брачных игр. На весенних токах, этих настоящих турнирах, возбужденные самцы вступают в бой за то, чтобы дать потомству жизнь на земле. Интересно в это время наблюдать за жизнью птиц. Возбужденные страстью, они теряют обычную осторожность.

РЫЖИЙ ГОНЕЦ ВЕСНЫ

Машина едва ползла по раскисшей дороге, а потом, забуксовав, совсем стала. Пока шофер остужал перегревшийся двигатель, я вышел на обочину, которая золотилась вытаявшей соломой. Видно, по этой дороге возили корм скоту, поэтому она и привлекала к себе стайки пролетных жаворонков. Серые птички большими, в несколько сот голов, стаями перелетали с обочины на обочину, с радостным щебетом усердно шарились среди былинки, выискивая зерна.

Понаблюдав за жаворонками, я начал оглядывать окрестности. Вскоре мое внимание привлекла темная точка, которая появилась из-за высившегося на юге горного хребта. Увеличиваясь в размерах, она, как мне показалось, пикировала прямо на нас. Через несколько секунд в воздухе вспыхнуло рыжее пламя, и, сделав несколько энергичных взмахов крыльями, отороченными светлыми кроющими перьями, на край лужи, неподалеку от нас, тяжело опустился огарь.

Птицу настолько измучила жажда, что, не обращая внимания на машину и движущихся около нее людей, она сделала несколько быстрых шажков и буквально припала к воде. После нескольких быстрых глотков огарь влез в лужу и начал плескаться, перебирая перья на спине своим аккуратным черным клювом. Покончив с туалетом, утка выбралась на кочку и застыла в блаженной неге.

...После нескольких быстрых глотков огарь влез в лужу и начал плескаться, перебирая перья на спине своим аккуратным черным клювом.

Нетрудно было догадаться, что огарь пролетел не одну сотню километров, прежде чем нашел пристанище у первой же попавшейся лужи. Нам жалко было тревожить птицу, но следовало ехать вперед. Огарь с жалобным стонущим криком поднялся над дорогой, сделал круг и снова сел у лужи.

Огарь появляется у нас, пожалуй, раньше всех перелетных птиц — в начале третьей декады марта. Еще нет скворцов, жайворонок, дроф, обычно рано прилетающей кряквы, журавлей, а огарь уже приносит на крыльях весну.

В каждом краю есть своя любимая птица. В Белоруссии — это аист, в Литве — лебедь, в Казахстане — беркут, в Мещере — журавль, в Курске — соловей, в Одессе — чайка. Изображения этих птиц красуются на гербах городов, их охраняют и берегут. В Туве подлинным украшением ландшафта является огарь. Эту птицу следует взять под защиту и полностью запретить охоту на нее.

КТО СИДИТ НА ГНЕЗДЕ?

Черное пятно на вершине засохшей лиственницы я приметил давно, но значения ему не придавал, решив, что это прошлогоднее гнездо коршуна или какого-либо другого пернатого хищника. Тем более, что добраться до него нелегко: засохшее дерево, окруженное десятком живых лиственниц, лепилось на северном обрывистом склоне горы, укрывшись от нескромных взглядов в расщелине. Сверху над ними нависал забрызганный выступ вершины.

Я бы так и прошел мимо, если бы не заметил, что черный ворон, ларивший кругами над вершиной, проявляет повышенный интерес к этому дереву. Затаившись у подножия горы, я долгое время наблюдал за птицей в бинокль. Сразу же бросилась в глаза несуразная форма ее головы. Внимательно приглядевшись, я понял, что ворон держит в клюве какую-то добычу.

Прошло порядочно времени, а ворон все никак не хотел приблизиться к дереву. Когда я уже устал ждать и решил бросить это безрезультатное занятие, ворон пошел вниз по нисходящей спирали и, плавно взмахнув крыльями, уселся на край гнезда. Но через секунду птица взлетела снова и, ругаясь окрестности гортанным криком, темной точкой исчезла в дали.

Я перебрался на южный склон. Ровная, чистая, без снега, пологая поверхность, покрытая мягкой прошлогодней травой, позволила в считанные минуты добраться до вершины. Цепляясь за каменные плиты, я дотянулся до гребня и глянул вниз. Расчет оказался точным: прямо подо мной топорщилось

сучьями гнездо, в середине его что-то бесформенно чернело. Я метнул вниз камушек, и из гнезда с возмущенным воплем метнулось черное страшилище.

В бинокль я разглядел, что в гнезде лежали четыре яйца, вполовину меньше куриных, голубовато-зеленых, в темных, как на муаровой ленте, разводах. Почувствовав себя виноватым в том, что потревожил насиживающую

...Ворон выкармливает птенцов па-
далью, а самое обилие пищи бы-
вает в начале весны, когда корм
вытаивает из-под снега.

яйца птицу, я быстренно
удалился от гнезда. Хотя
солнце и пригревало, воз-
дух был относительно прох-
ладен, и потомство могло
погибнуть.

Ворон первым из наших
птиц выводит птенцов. В
марте, когда еще стоят
сильные морозы, самка от-
кладывает яйца. Через три
недели, в начале апреля, у
них уже появляется горла-
стое потомство. Мудро уст-
роила природа: ворон вы-
кармливает птенцов пада-
лью, а самое обилие пищи
бывает в начале весны, ког-
да корм вытаивает из-под
снега.

ПЕСНЬ ОТШЕЛЬНИКА

Нелюдимая птица — глу-
харь. Он сторонится чело-
веческих поселений, пред-
почитая глухую, нетронутую

тайгу. Держится эта птица осторожно, на глаза попадает редко. Но даже и этот дикарь становится весной неузнаваемым. Как только начнет пригревать солнце, брови глухаря наливаются кармином, и он начинает возбужденно расхаживать по насту, чертя снег распушенными крыльями. Такие «чертежи» для охотников служат верной приметой того, что глухарь скоро начнет токовать.

И действительно, как только в тайге появятся первые про-
талины, пернатые бойцы начинают по вечерам регулярно
слетаться на свои токовища. Прилетают они затемно, причем
место тока, если птиц не тревожить, остается из года в год
неизменным.

...Этот ток неподалеку от Кызыла мы с товарищем обнаружили случайно. В небе уже вовсю сияло солнце, когда мы отошли на несколько сот метров от дороги, чтобы размяться. Шагалось легко, напоенный запахом прели воздух безо всякого усилия наполнял легкие. Мы остановились у сосновой гривы, и тут до нашего слуха донеслись звуки, отдаленно напоминающие щebetание ласточек-касаток. Но что-то особое в их звучании заставило нассторожиться.

Не сговариваясь, мы разошлись, и каждый своим маршрутом углубился в сосняк. Едва я вступил под своды сосен, как понял, что необычные звуки, привлeкшие наше внимание, были ни чем иным, как токовой песней глухаря.

Не веря в свою удачу, я сделал несколько прыжков под звуки, отдаленно напоминающие точение ножа об оселок. Вот песня смолкла, и я застыл. Невидимый певец помолчал несколько мгновений, затем осторожно щелкнул, словно ногтем по спичечному коробку. Затем щелчки начали учащаться, и полилась под соснами тихая и непритязательная песня.

...Через несколько перебежек я увидел самого певца. Он сидел на средних сучьях полусасохшей сосны, распустив хвост и крылья, взъерошив перья бороны, вытянув к солнцу голову.

Несколько секунд, проведенных в экстазе песни, глухарь совершенно ничего не слышит. В это время можно кашлять, стрелять из ружья — птица не реагирует на любые звуки. Но

кончается песня, и глухарь настороженно прислушивается, не крадется ли кто по лесной чаще.

Через несколько перебежек я увидел самого певца. Он сидел на средних сучьях полусохшей сосны, распутив хвост и крылья, взъерошив перья бороды, вытянув к солнцу голову. Зеленоватые блики играли на перьях напряженной шеи, пестринами вспыхивало подхвостье. Перерывы между песнями были короткими, потому что неподалеку токовало еще несколько петухов, раззадоривавших друг друга.

Через полчаса глухарь слетел на землю и начал пружинисто расхаживать между соснами, шурша крыльями по высохшим сучкам и шишкам. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы неподалеку не разорвал тишину громкий треск маховых перьев. Петух вмиг подобрался, подпрыгнул и с громоподобным хлопанием расправил крылья. Несколько взмахов, и птица, планируя, исчезла в распадке.

ЛИРОХВОСТЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Только начало светать, и снег, прихваченный крепким утренником, громко хрустел под ногами. Однако где-то под сугробами, не переставая, булькал ручей. Я перебрался через

...Красив брачный наряд чернышей! Словно рыцари перед турниром, они вырядились в темно-синие латы, разбухшие брови горят рубином, косицы хвоста развернуты лирой, отороченной белым подбоем.

снеговую полосу и пошел по обтаявшему склону, а ручей все булькал и бормотал, и трудно было понять, откуда доносятся звуки. Они шли отовсюду: казалось, их издавала и сама пробуждающаяся земля, и деревья, и посвежевший воздух. Звуки то нарастали, переходя в явственный лепет горного ручья, бегущего по камням, то стихали, а то пропадали совсем.

Стоило перевалить гребень горы, и вместе с волной солнечного света меня затопила лавина звуков. На корявых листовенницах, подставив солнцу грудки, поблескивающие вороненым металлом, самозабвенно токовала тройка тетеревов. Красив брачный наряд чернышей! Словно рыцари перед турниром, они вырядились в темно-синие латы, разбухшие брови горят рубином, косицы хвоста развернуты лирой, отороченной белым подбоем.

«Урлу-урлу-урр-урр-буль-буль» — песня косачей затопляет распадок, ширится вместе с наступающим утром. Невольно переводишь звуки на человеческий язык, и в них слышится: «Перья выдеру, обломаю бока, перья выдеру, обломаю бока...»

Слушать песни косачей никогда не надоест. Звуки вроде бы однообразные, но сколько в них очарования! А ветерок играет ими, как умелый дирижер. Сначала звуки доносятся приглушенно, затем начинают нарастать, и вам передается напряжение певцов, а затем весь лес взрывается от мощных аккордов песни, славящей солнцу и весну. Изредка раздается зловещее шипение, словно возбужденные певцы ставят точку после очередного замысловатого коленца. И опять вскипает песня, и нет ей конца, потому что она — гимн весне, пробуждающейся природе.

Пока еще косачи бормочут на деревьях, это, так сказать, увертюра к предстоящим токовым игрищам. Но сойдет снег, обсохнут в северах полянки, и для лесных рыцарей наступит пора турнирных боев за обладание скромными серыми тетерками.

БРАЧНЫЙ ПОЛЕТ

Солнце сравнительно быстро скатилось за зубчатые вершины гор, а заря еще долго полыхала вполнеба. У соленого степного озера установилась чуткая вечерняя тишина, изредка нарушаемая посвистом утиных крыльев и жвяканьем кряковых селезней. Последний раз всплакнул над болотом чибис и проблеял барашком невидимый в сгущающихся сумерках бекас. После того, как протянул табун говорливых гуменников, покой прибрежных камышей не нарушало ничто.

Я тихо брел по сырой луговине, любуясь последними красками угасающего дня, когда мое внимание привлек никогда

ранее не слышанный звук. Казалось, кто-то негромко, но часто-часто похлопал ладошками и через секунду смолк. Спустя несколько минут звук повторился ближе, почти над самой головой. Я обшарил глазами небо, но не увидел никого, кроме болотной совы, вылетевшей на вечернюю охоту. Подумать, что эти звуки издает сова, мне и в голову не пришло, потому что эти совы известны как самые молчаливые птицы. Даже полет у них настолько бесшумен, что, когда они пролетают у самого лица, их скорее можно обнаружить по колебаниям воздуха, чем по звуку.

Но вот хлопанье повторилось, и я опять увидел кургузое тело совы. Тогда я, не спуская глаз, начал наблюдать за ее полетом. Неторопливыми взмахами птица набрала высоту и вдруг начала падать вниз, вытянув крылья под собой и часто трепеща ими. В этот момент до меня и донеслось хлопанье, которое издавала сова жесткими маховыми перьями.

Вскоре на этот призыв прилетела еще одна ночная гостья. Невидимыми призраками они метались в сгустившейся темноте, приветствуя друг друга столь необычными «аплодисментами».

Я уходил с болота, провожаемый частыми хлопками крыльев и довольный тем, что удалось понаблюдать такое редкое явление, как токовой полет сов.

НАЕЗДНИКИ

Признаться, я всегда с особым интересом разглядываю фотографии африканских животных, на спинах которых восседают птицы. Настоящая лесная идиллия! Пасется на поляне буйвол или носорог, а белые цапли на их спинах склевывают паразитов.

А можно ли такое увидеть у нас? Охотники рассказывают — можно. Соболь, мол, на кабарге ездит, пока горло ей не перегрызет; вальдшнеп птенцов в лапах по воздуху переносит; журавли, по слухам, могут прокатить на спине перепелку, уставшую за время перелета.

Мне встречать такого не доводилось, а что видел, расскажу.

СМЕЛАЯ КАМЕНКА

Южные отроги хребта Цаган-Шибэту, раскинувшиеся на высоте почти трех тысяч метров над уровнем моря, на редкость безжизненны и пустынно. На голых щебнистых склонах, кое-где покрытых редкой порослью ксерофитов, не за что зацепиться взгляду. Поэтому я, уловив в бинокль легкое движение среди плоских подушечек биюргуна, уже не упускал это место из поля зрения.

...Картина, в общем-то, была довольно обычной — из норы вышел покормиться суслик.

Картина, в общем-то, была довольно обычной — из норы вышел покормиться суслик. Сначала он долго стоял столбиком, оглядывая окрестности. Пернатых хищников и четвероногих врагов не было видно, и суслик, стелющимися короткими перебежками, заскользил от норы. Время от времени зверек откусывал молодые побеги трав и поедал их, усевшись на задние лапки.

Метрах в пятнадцати от норы торчал из земли острый гранитный зубец, в тени которого приютились сочные стебли. Они-то, видать, и влекли к себе суслика. Но приближался он к ним как-то медленно, неуверенно, описывая один полукруг за другим. Причина боязни длиннохвостого лакомки выяснилась, как только он приблизился к тени, отбрасываемой камнем. На гранитный зубец, словно чертик из шкатулки, выскочил самец каменки-пleshанки. Суслик принял оборонительную позу, но пестрая крошка смело ринулась в атаку.

Нервы суслика не выдержали, и он кинулся в бегство. Каменка, трепеща крыльшками, неотступно висела над ним, клевала в спину и ухитрилась даже несколько метров проехать на спине грызуна. Что и говорить, сценка довольно забавная: суслик удирает во все лопатки, а каменка, вцепившись ему коготками в спину, галопирует, словно лихой наездник, да еще успевает выбивать пыль из шкурки труса.

Прогнав с позором нарушителя спокойствия, самец каменки вернулся на гранитный зубец и долго приводил в порядок свою черную жилетку, перебирал белые перышки на брюшке. А когда суслик осмелился показать голову из норы, он издал взволнованное «чек-чек», будто постучал камушком о камушек. Суслик скрылся.

Я не стал тревожить храброго рыцаря в белом шлеме и обошел охраняемое им гнездо стороной.

ПЕРНАТЫЕ «ЗАЙЦЫ»

Стоял мертвый штиль. Поверхность большого соленого озера, ровная, как зеркало, отливала расплавленным серебром. Казалось, даже вода дышала зноем. Невдалеке пара красных уток-огарей уводила к заросшему камышом берегу выводок пушистых птенцов.

— Гребни,— торопил меня спутник,— не то уйдут!

Я нажимал на весла, но расстояние сокращалось медленно. Мой товарищ опустил на сиденье и достал из полевой сумки связку блестящих алюминиевых колец. На каждом кольце был выбит номер и слово «Москва» по-латыни. Эти кольца нам и нужно было надеть на лапки удиравших во всю прыть утят.

После получасовой погони утята стали заметно отставать от взрослых уток. Я нажал из последних сил. Огари взлетели и со стонущими криками начали описывать круги над лодкой, а утята нырнули.

— Теперь никуда не денутся,— заверил меня спутник,— только не гоняйся за каким попало, а выбирай одного и преследуй...

Следуя его советам, я быстро погреб к утенку, который резиновым мячиком качался на воде. При нашем приближении он взмахнул култышками будущих крыльев и исчез в воде. В прозрачной глубине было видно, как он гребет лапками изо всех силенок. Страх гнал огаренка на глубину, но силы были на исходе, и вода выталкивала его назад. Он так и всплыл огузком кверху, обессиленный до изнеможения. Ему быстро нацепили на лапку кольцо и сунули под куртку, где он затих.

Через час, когда у меня на руках всплыли кровавые волдыри, все восемь утят были пойманы и окольцованы. Взрослые огари завопили еще тоскливее и стали пикировать прямо на лодку.

— Всю душу вымотали,— проворчал товарищ, торопливо переписывая номера колец.— Ну все,— захлопнул он записную книжку,— выпускаем утят!

Огарята горохом посыпались из куртки в воду и опять поныряли. Всплыли они метрах в двадцати от лодки, и сразу же к ним шлепнулась изнывающая от страха за потомство мамаша. И тут я увидел картину, которая заставила забыть о долгой погоне, усталости и мозолях на руках. Утята, толкаясь, стали карабкаться на спину утке, которая покорно сидела на воде с полураспущенными крыльями. Когда последний утенок устроился на хвосте, утка стала быстро удаляться от лодки, увозя на спине восемь безбилетных пассажиров. Гребла она сильно, и за ней под углом расходились водные дорожки и вскипали воздушные пузырьки.

«ПОДВОДНИКИ»

До твердой земли было далеко, и я долго брел по болоту в поисках сухой устойчивой кочки, чтобы перезарядить фотоаппарат. Кочка не попадалась, поэтому пришлось положить телеобъектив на хатку ондатры, которая широким конусом почти на метр поднималась над водой. Пока я возился с катушкой пленки, от хатки по направлению к пучку рогозовых стеблей обозначилась дорожка из воздушных пузырей.

Осторожно передвинувшись вперед, я взгляделся в прозрачную зеленоватую воду. Около корневища рогоза на небольшой глубине желтел мех ондатры, который воздушные пузырьки делали серебристым. Присмотревшись внимательно

...Демонстративно усевшись на сплаvine, она принялась приводить в порядок свою шубку.

ней, я заметил, что у ондатры по обеим сторонам живота висят какие-то сосиски. И только когда они зашевелились, я догадался, что это ондатрята. Сами они еще не умели плавать и, присосавшись к материнским соскам, путешествовали под водой вместе с ускользнувшей от опасности мамашей.

Немного погодя, ондатра забеспокоилась и растворилась в глубине. Известно, что взрослые ондатры могут обходиться без воздуха довольно продолжительное время, но сейчас, видимо, забота о детенышах погнала самку в поиски безопасного укрытия.

И точно, через минуту-другую ондатра всплыла уже одна. Демонстративно усевшись на сплавине, она принялась приводить в порядок свою шубку. Пожалев о том, что у меня под рукой не оказалось бокса для подводной съемки, я щелкнул на память мамашу.

ЛЕСНЫЕ КОСМЕТОЛОГИ

Марал вышел на опушку осторожным шагом и замер, прислушиваясь. Он линял: лопатки и бока его уже очистились, и только на шее, животе и крестце клочьями свисала свалявшаяся зимняя шерсть. И сразу над зверем, неслышно появившись из лесной чащи, стали реять рыжие птицы.

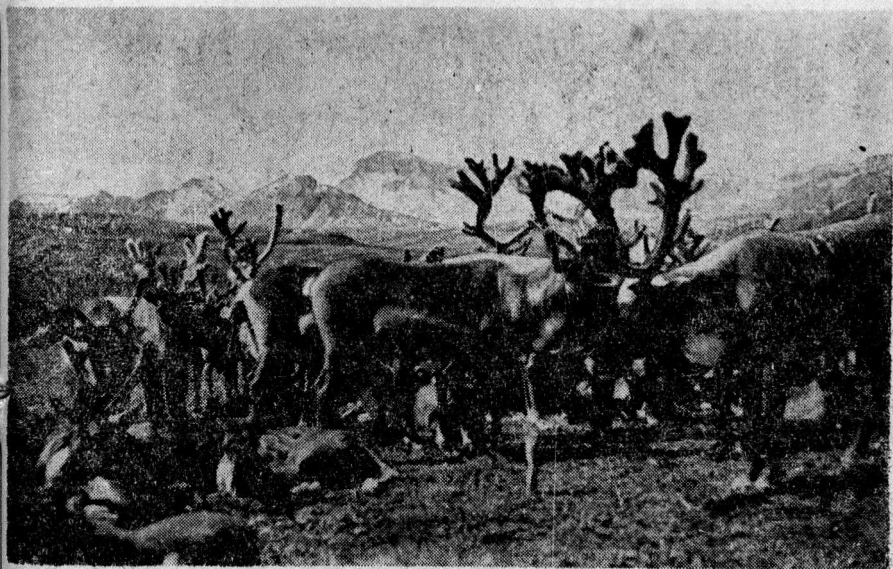
Ничто не предвещало опасности, и марал стал пастись, все дальше и дальше удаляясь от спасительной зеленой стены лиственниц. Это был могучий бык в расцвете сил. Его будущие рога, покрытые нежным пушком, уже разветвились на шесть отростков. По их толщине и ширине размаха уже можно было судить, что они станут со временем великолепной короной, и тогда их обладатель может смело биться на лесных турнирах за обладание самками.

Как только марал увлекся сочной молодой травой, птицы опустились ему на спину. По характерному охристому оперению, длинным хвостам в них нетрудно было признать кукш — типичных обитателей саянской тайги. Зверь продолжал спокойно пастись, и птицы стали безбоязненно разгуливать по его спине. Они наклонялись, что-то склевывали, но что — я так и не мог разобрать из-за дальнего расстояния. Потом кукши улетели.

Впрочем, через минуту они вернулись и устроились на крестце марала, который потихоньку приближался к моей засидке. Тут я различил, что кукши теребят с боков марала линяющую шерсть. Набив ею клювы, они улетали, но быстро возвращались обратно. По всей вероятности, они строили гнездо, для которого торопились заготовить отличный — к тому же даровой — строительный материал.

Увлечшись, птицы дергали изо всех сил, оседая на хвосты, но марал не обращал внимания на пернатых «парикмахеров». И только когда кукши приближались к болезненно чувствительным пантам, зверь, дергая шкурой, сгонял надоедливых птиц.

Так кукши трудились, пока высоко поднявшееся солнце не заставило рогача уйти в чащу.

...Надо знать, какие мучения доставляют зверям кровососы, чтобы полной мерой оценить помощь лесных косметологов.

Потом мне приходилось наблюдать, как скворцы, сойки, кукши катались на лосях, маралах, косулях, склевывая оводов и других насекомых, преследующих животных. Надо знать, какие мучения доставляют зверям кровососы, чтобы полной мерой оценить помощь лесных косметологов. Кроме того, птицы раньше зверя, увлекшегося пастьбой, замечают опасность и своевременно предупреждают его.

ВОЗДУШНЫЙ АКРОБАТ

Неожиданно, без видимой причины, лысуха заклопала крыльями и поднялась из камышей, косо набирая высоту. На шее у нее болталось нечто, напоминавшее бурую водоросль. Затем «водоросль» словно прилипла к спине, и лысуха, сложив крылья, камнем шлепнулась в осоку.

Когда я нашел ее, птица была уже мертва. Из прокушенного горла красной ниткой струилась кровь, голова была разгрызена. Искать виновника мне не пришлось. Он сам коричневой змейкой скользнул на кочку и поднял вверх плоскую голову, открыв белую грудку, измазанную кровью. Я притаился, и горноста́й осмелел. Он подкрался к своей добыче, попытался сдвинуть ее с места, но она была слишком тяжела. Тогда горноста́й стал бегать вокруг меня, шурша осокой.

...Он сам коричневой змейкой скользнул на кочку и поднял вверх плоскую голову, открыв белую грудку.

Я не стал мешать зверьку — ведь обед достался ему не легко: пришлось и в воздухе побывать, и в воде искупаться.

РЯДОМ С ЧЕЛОВЕКОМ

Человек строит в тайге города, распахивает степи, прокладывает дороги, создает искусственные моря, своим трудом преобразуя землю. Как это влияет на четвероногих и пернатых обитателей тайги и степей?

Одни уходят в лесную глухомань, забываясь в нетронутую чащу, например, глухарь, другие приспособляются и живут рядом с человеком, если их не сильно тревожат, и пользуются плодами его труда. Кабаны и косули пасутся в посевах, водоплавающая дичь гнездится по берегам водохранилищ. С изменением условий обитания меняются и повадки зверей и птиц.

ГНЕЗДО... ИЗ МЕТАЛЛА

Это гнездо мне показали деревенские мальчишки. Я не обратил бы на него внимания и не остановил сорванцов, если бы меня не поразила необычный металлический, с вороненым оттенком, цвет гнезда. Жаль было только, что ребяташки не сказали толком, какой птице оно принадлежит. Мне лишь удалось узнать от них, что гнездо они нашли на территории машинно-тракторных мастерских и что птенцы уже давно покинули его.

На вид это было гнездо как гнездо: небольшое, с кулак, с глубоким лотком, свитым из конского волоса, измазанное по краям белыми потеками помета. Но самое странное заключалось в самой основе гнезда. Свито оно было не из веточек и стеблей трав, а из... металлической стружки. Тонкие стальные спиральки, которые от высокой температуры во время резания приобрели цвет от светло-сиреневого до иссиня-черного, были сплетены настолько искусно, что разделить их стоило большого труда.

Покопавшись в гнезде, я обнаружил, что основным строительным материалом для него послужила тонкая стальная стружка. Однако среди них попадались бронзовые и латунные спиральки различной толщины. Очевидно, инстинктивно чувствуя высокую теплопроводность этого необычного материала, пернатые строители тщательно изолировали его, устлав лоток для яиц шерстью, а затем обвив его в несколько рядов конским волосом. И потомство, судя по всему, было выведено успешно.

Птичьи гнезда для зоологов являются своеобразными справочниками об исконных обитателях обследуемой местности. Стоит тщательно разобрать гнездо, а потом уже нетрудно определить по шерсти, что в этом урочище обитают лось, марал, косуля, кабарга, узнать по перьям, обладая известными навыками и знаниями, какие птицы в этой местности наиболее часто встречаются. Теперь, в век технического прогресса, оказывается, не составляет большого труда узнать, какие станки установлены в ближайших от птичьего гнезда машинно-тракторных мастерских и достаточно ли опытен токарь, чтобы снять тонкую стружку металла.

ПРИСПОСОБИЛИСЬ!

Многие автомобилисты, да и пассажиры, не могли не заметить одну странную особенность в поведении крупных хищных птиц. Стоит проехать несколько километров по любой дороге, как увидишь сидящих на верхушках телеграфных

...Стоит проехать несколько километров по любой дороге, как увидишь сидящих на верхушках телеграфных столбов коршуна, сарыча, пустельгу, а порой и таких редких пернатых хищников, как сокол-балобан или беркут.

столбов коршуна, сарыча, пустельгу, а порой и таких редких пернатых хищников, как сокол-балобан или беркут. По дорогам, поднимая клубы пыли, снуют автомашины, а птицы сидят невозмутимо часами, не боясь близости транспорта. Порой они платят жизнью за эту доверчивость, так как многие шоферы возят с собой за спинками сидений ружья и малокалиберные винтовки.

На первый взгляд, объяснение этому можно дать довольно легко и просто: птицы отдыхают на столбах и, не теряя времени даром, высматривают добычу. Причем, довод этот можно подкрепить прямо-таки классическим примером из зоологии: чтобы привлечь хищных птиц для истребления грызунов, на полях ставят вешки с перекладинами, на которых птицы не только отдыхают, но и обозревают окрестности.

Все это, казалось бы, правильно и не стоило подвергать сомнению, если бы не некоторые странности. Во-первых, почему хищники предпочитают именно столбы вдоль дорог хотя бы тем же опорам в степи? Ведь в степи грызунов неизмеримо больше, чем на пыльной дороге или на асфальте, к тому же там птиц не будет тревожить шум машин. Во-вторых, почему хищники рассаживаются на столбах вдоль дорог, преимущественно в утренние часы, значительно реже днем и

совсем редко вечером? Было бы логично предположить, что самый выносливый пернатый хищник больше устает к вечеру.

...Но зверьки эти, хотя и очень быстрые, не могли соревноваться в скорости с машиной и нередко попадали под колеса. Такая же участь ожидала и менее прытких полевок, песчанок, хомячков и прочих грызунов.

Объяснение этому я нашел неожиданно во время ночной поездки на машине. Снопы света выхватывали из чернильной тьмы безжизненную степь и пыльный проселок. Нередко на дороге мелькал белым флажком хвост удирающего во всю прыть тушканчика. Но зверьки эти, хотя и очень быстрые, не могли соревноваться в скорости с машиной и нередко попадали под колеса. Такая же участь ожидала и менее прытких полевок, песчанок, хомячков и прочих грызунов.

Так вот, оказывается, в чем дело! За ночь под колеса машин попадает довольно много грызунов, и пернатых хищников привлекает к дорогам легкая добыча. Позже я имел возможность неоднократно убедиться в этом, вспугивая с дорог коршунов, сарычей и других хищников, которые расклевывали тушки погибших под колесами грызунов. Находчивые птицы быстро приспособили свои повадки применительно к деятельности человека. И не только птицы. Обильный корм у дорог находят ушастые ежи, лисицы и другие хищные звери.

Весной и осенью, во время массового пролета птиц, можно заметить еще одну закономерность в поведении хищни-

...Обильный корм у дорог находят ушастые ежи, лисицы и другие хищные звери.

ков. В это время они тщательно ревизируют участки, на которых в местах массовых миграций проходят линии высоковольтных передач. Поскольку пролет в основном идет ночью, много птиц разбивается и калечится о провода, а затем становится легкой добычей хищников.

ЧЕРНАЯ НЕБЛАГОДАРНСТЬ

Тес-хемская степь дышала зноем. Однообразная до уныния, она лишь изредка развлекала миражами. Неожиданно впереди степь переходила в ровное водное пространство, над которым, словно приподнятые в раскаленном воздухе, дрожали громады рыжих скал, сложные, непонятные конструкции, напоминающие лес морских портовых кранов. Но спидометр отщелкивал километр за километром, и мираж исчезал. Громады скал превращались в гребенку небольших гранитных зубцов, а скопление портовых кранов — в чахлую поросль караганника.

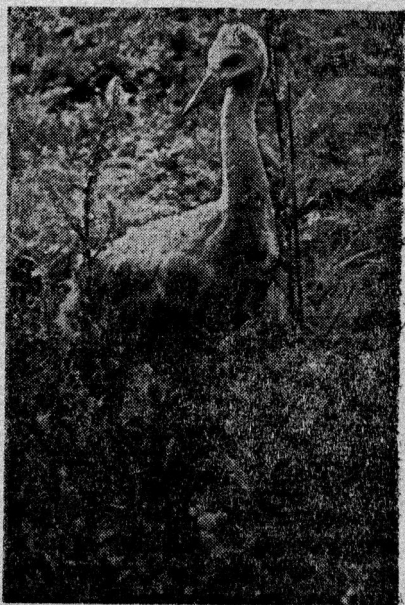
Впрочем, степь не была пуста. Первыми о себе заявили громадные рыжие комары, которые, стоило остановить машину, тучами набросились на нас. Удивляло, откуда могла появиться такая масса кровопийц и где они могли укрываться, так как в пустынной степи не росло ничего, кроме редких

былинок да плоских подушечек биюргуна. Приходилось только догадываться, что рассадником комаров являлись расположенные неподалеку дельта реки Теси и громадное озеро Убсу-Нур.

Ища убежища от комаров на обдуваемой ветерком вершинке холма, мы наткнулись на журавленка. Птенец по росту уже почти догнал своих родителей — серых журавлей, но маховые перья на крыльях еще не отросли, и весь он был покрыт нежным птенцовым пухом. Измученный жарой и комарами, журавленок не сделал попытки скрыться, только теснее прижался к камню. Участки с нежной кожей на голове и ногах были сплошь покрыты рубиновыми, насосавшимися крови комарами.

Мы избавили журавленка от кровососов, помазали противокомариной жидкостью и, ухватив за концы крыльев, повели за собой к машине. Сначала он дергался, пытаясь вырваться, но потом успокоился и от машины никуда не уходил. За свой добродушный нрав, голенастые ноги и тот, прямо-таки научный интерес, с которым он шарил клювом по траве, журавленок сразу получил себе имя Паганель.

Когда мы расположились перекусить, Паганель тоже изъявил желание победать. Он хватал клювом за пуговицы на одежде, клевал объектив фотоаппарата, пытался расстегнуть «молнию» на моей куртке, но от угощения — хлеба, консервов, конфет — упорно отказывался. Тогда я изловчился и накрыл в траве крупного саранчука. Взяв его за длинные задние лапки, я протянул свою добычу журавленку. Тот моментально выхватил его и, вскинув голову кверху, проглотил. Теперь-то уж угощение ему было обеспечено. Я с полчаса

...За свой добродушный нрав, голенастые ноги и тот, прямо-таки научный интерес, с которым он шарил клювом по траве, журавленок сразу получил себе имя Паганель.

добросовестно ползал по степи, бросался на землю в стремительных прыжках, ободрал локти и колени, но через некоторый промежуток времени литровая банка из-под консервов была почти доверху набита саранчуками и кузнечиками.

А после этого началось пиршество. Сначала журавленок моментально выхватывал угощение из рук, но, проглотив более пятидесяти крупных, с указательный палец величиной, саранчуков, замедлил темп. Прежде, чем схватить подношение, он оглядывал его со всех сторон, недовольно крутил клювом. Я начал обрывать у насекомых жесткие крылья и лапки, и Паганель довел счет проглоченным саранчукам до восьми-десяти пяти.

После этого он есть категорически отказался. Я упорно подносил к его клюву очередные, все более соблазнительные жертвы, но журавленок отворачивался. Я стал более настойчив, но неожиданно почувствовал такой удар в щеку, что искры брызнули из глаз. Пока я, пытаясь унять самопроизвольно льющиеся слезы, разобрался, что схлопотал от журавленка жестокий удар клювом, тот, широко раскинув голенастые ноги, уже мчался по степи так далеко, что догнать его не было возможности.

Но ведь каков, негодник! Его избавили от комаров, приласкали, накормили, сфотографировали, а в ответ такая черная неблагодарность.

МОСКВА ПРИВЕТСТВУЕТ ТУВИНЦЕВ

*Обсуждение тувинской литературы в СП РСФСР
17 октября 1974 г.*

В. П. Тельпугов (секретарь правления СП РСФСР).

Мы приветствуем тувинских писателей в стенах СП РСФСР в связи с 30-летием вхождения Тувы в состав СССР. Это большой праздник не только тувинского народа, но и всей страны. Еще в 30-е годы не было даже понятия литература, культура, а теперь есть сама расцветающая литература и культура Тувы. Книги тувинских поэтов и прозаиков знакомы ювекскому читателю и вызывают интерес у москвичей.

Мы с глубоким уважением относимся к работе тувинских литераторов, были недавно у них на съезде, и сейчас продолжаем читать их книги. Огромное дело делают наши переводчики и в Кызыле, и в Москве.

Когда вернетесь домой, дорогие коллеги по перу, и останетесь наедине с белым листом бумаги, забудьте превосходные степени, но оставьте в сердце тепло нашей встречи, атмосферу дружелюбия и взаимной заинтересованности.

Г. А. Бровман (критик). Я познакомился с 13 и 14 номерами «Улуг-Хема». Они универсальны, там представлены разные жанры. Меня порадовал уровень культуры стиля альманаха. Заметно также, что история занимает большее место, чем современность. Надо больше внимания обращать на рабочую тему. Хотя для тувинцев естественно, что они много пишут о прошлом («Самбажик» В. Кок-оола). О. Саган-оол в «Неудержимых» очень серьезно отметил движение мысли после XX съезда партии. Изображая председателя колхоза Боражика, он хорошо описывает, как в его сознании назревало это новое время, насыщенное конструктивно-деловой работой. Есть здесь конечно и элементы наивности. Было бы правильнее печатать произведение целиком, чем давать отдельные главы. Эта фрагментарность лишает возможности представить творческую манеру автора.

Интересное явление М. Пахомов, он создает большую эпопею жизни

тувинского народа с позиций любви к этому народу, чем заслуживает всяческого уважения. Он интересно описывает борьбу с контрреволюцией.

Современность раскрывается в очерках — интересных по темам. Альманах представляет нам чабана (очерк Т. Сермавкина), учительницу (очерк Ч. Кара-Куске), таксидермиста (очерк О. Гаврилова), камнереза (очерк М. Кенин-Лопсана). Очень образно и хорошо рассказано о чабане. Хотелось бы увидеть такого героя в качестве героя романа.

В разделе критики и библиографии — не густо, всего две статьи — о тувинской поэзии и о М. Пахомове.

Глубокого уважения и признательности заслуживает работа переводчиков. Но их круг еще узок. Почти половина альманаха переведена С. Козловой — отсюда возникает некоторое однообразие.

Не проходят тувинские писатели и мимо детей — это очень трогательно и интересно. Я испытал удовольствие, прочитав о тувинских детях.

Альманах дает правильную глубокую картину, но надо еще больше повернуться к современности. Новый тип делового человека, рабочего и колхозника пока проглядывает слабо.

Такой альманах имеет право выходить ежегодно и с большим тиражом.

И. Н. Ростовцева (критик). Тувинская поэзия имеет устойчивые традиции. Через нее лежит путь в другие жанры. За последние годы в Туве издано свыше 80 поэтических сборников. В каждом номере альманаха богато представлена поэзия — не менее 20 имен. Ведущая тенденция эпическая — фольклоризм и углубленное осмысление исторического прошлого народа. Ведущее место принадлежит поэме и балладе, даже в русской поэзии мы встречаем их не часто. В «Алдын-кыс» С. Сарыг-оола привлекает эпическая картина народа, который снялся с насиженных мест, чтобы строить новую жизнь. Поэма кончается гимном рабочим рукам, людям труда. Выразительны детали, ритмическое и интонационное богатство поэмы, воспринимаемой как гимн новой жизни.

Заметно выделяется лирический голос С. Пюрбю. Стихотворение «Сокровища» написано в мягкой, доверительной, сердечной интонации — это разговор с любимой и мирозданием. Интересны и другие стихи «Не обижайся, старость», «Реликвия». Успех С. Пюрбю делит его переводчица С. Козлова. Бросается в глаза частая повторяемость тем, отсутствие индивидуальной разработки, будь то тема единства Тувы и России или другая. Гражданская тема подчас решается прямолинейно, декларативно, схематично. Часто у одного поэта встречаем два разных стихотворения, одно банальное, без индивидуального решения темы, другое — настоящее, образное. Нужно освободиться от подражательности. Меня привлекло стихотворение молодого поэта А. Даржая «Поиск», где он сам говорит о том, что он хочет преодолеть в своей поэзии — гиблый рубеж подражания.

Поэты Тувы стоят на позициях подлинной партийности и народности и достойно представляют свой народ в многонациональной советской литературе.

С. П. Щипачев (поэт). Мне пришлось побывать в Туве в годы войны. В конце 1942 г. С. Тока написал письмо в ЦК нашей партии с просьбой прислать в Туву советского писателя. Я в это время на несколько дней приехал с фронта. Меня пригласили в ЦК, и я охотно согласился. Эта поездка была удивительной. Моему приезду было придано большое значение. Эта поездка — одно из самых светлых воспоминаний в моей долгой жизни.

Выступали в театре, собирались и в других местах многолюдные аудитории. Однажды А. Пальмбах принес несколько листов. Я прочитал и поразился: так много было сочного, поэтического. Автором этих строк был Генеральный секретарь ТНРП С. Тока. Я тут же пошел к нему. Он загорелся, начал работать. Я увез в Москву главы повести «В берестяном чуме». Пришел в издательство, написал предисловие. Книжка вышла в свет и обратила на себя внимание. Многие о ней хорошо отзывались. Со временем она стала расти и превратилась в «Слово арата». Это биография народа и его лучшего сына С. Тока. Книга стала гордостью тувинского народа, прекрасным цветком всей советской литературы. Ее нужно обязательно переиздавать, дать ей хорошее предисловие.

Н. В. Богданов (детский писатель). Хочу сказать о детской литературе. В ней есть поэзия, читается с удовольствием и интересом. В молодости я получил задание от Н. К. Крупской собирать силы писателей вокруг журнала «Пионер». Она говорила, что каждый настоящий мастер должен писать и для детей.

У тувинских писателей есть такие данные. Хорошо издал Детгиз книгу О. Саган-оола «Родные люди» (пер. М. Хадаханэ). Написано очень поэтично. Жаль, что так рано ушел от нас этот интересный писатель. Писать для детей иногда труднее, чем для взрослых. Это читатель особый и мне кажется, что признаки зрелости любой литературы и в том, как она умеет обращаться с детьми и находит что сказать своему будущему. Поправилась книжка К. Кудажы «Что полезнее», тут сами звери желают приносить пользу людям. Читается на одном дыхании. Неплохо написаны «Сказки дедушки Бюрбежика» М. Рамазановой, особенно «Сердце матери». Очень милая небольшая повесть «Маленький чабан» Б. Ондара (пер. М. Хадаханэ), тепла, человечна дружба мальчика с козленком. Эти книги вызывают хорошее, доброе чувство. Надо больше издавать их в Москве.

А. Г. Алексин (детский писатель). Детская литература начинается со сказки, с рассказов о зверях и природе. Ребенок может понять все на

свете, но надо обладать особым талантом, как это рассказать. А. Фадеев мечтал, чтобы во всех национальных литературах была и своя детская. Детгиз и «Малыш» ждут ваших книг.

А. А. Жаров (поэт). С. П. Шипачев первым проложил дорогу дружбы с тувинской литературой. Теперь она стала значительно шире. И это для нас большая честь. Стихотворения Ю. Кюнзегена перевел М. Светлов. Переводчик творчески угадал, что хотел сказать поэт. Перевод М. Светлова я считаю образцом — там показан мальчишка, который ловит арканом Луну. Это прекрасное лирическое иносказание с большим подтекстом — народ стремится к высотам. Зрелость тувинской литературы определяется тем, что она вышла на простор нашей общей советской литературы. Мы не должны забывать мысли М. Горького о связи прошлого с настоящим и будущим народа, помнить о преемственности поколений как источнике нашего вдохновения. Не согласен с И. Ростовцевой, что лирическая струя тувинской поэзии слабее. Могу привести в качестве примера лирику А. Даржаа, О. Сувакпита и др. Однако есть примеры и неудачных переводов с обрубленными рифмами, неточными выражениями. Надо поднимать ответственность за каждую строку оригинала. Я немного переводил О. Сувакпита, его лирические миниатюры и желаю ему доброго пути в литературе.

Б. А. Леонов (критик).

Я прочел «Удаль молодецкую» А. Даржаа и повести С. Сюрюн-оола «Глухая речка». Наибольшая удача там, где они обращаются к истории своего народа, ибо без усвоения истории невозможно постичь сегодняшний день. Старик Чорбаа раскрывается в динамике, мы видим внутреннюю перестройку человека. В «Глухой речке» удачно показана дружба народов. Если судить по этим книгам, можно сказать, что тувинская литература, хоть и молодая, но в ней уже можно постичь для себя что-то новое.

В. В. Дементьев (критик).

Прочитав «Песню хомуса» С. Сарыг-оола, я невольно задумался о путях развития нашей современной поэзии. Наша эпоха чрезвычайно интенсивно формирует личность творца-художника. В первых его стихах фольклорные мотивы прихотливо и замысловато переплетались с новыми понятиями и газетными терминами, с обилием всевозможной информации. Этот материал пужно было перевоплотить в поэзию. Не всегда стихи становились эстетической ценностью, но и в этом своем качестве играли большую роль.

Очень лирична поэма «Мой Улуг-Хем». Здесь воссоздана судьба человека или, как сказал М. Исаковский, география его жизни. Поэта занимает красота новой жизни, активное отношение к ней. В его стихах боль-

шое место занимает природа — источник богатых и сильных эстетических переживаний. Замечательно стихотворение «Рассказ летавшего» в переводе С. Гудзенко. С. Сарыг-оол стал поэтом, имя которого известно не только в родном краю, но и всему Союзу.

С. П. Залыгин (писатель).

В Туве мне бывать не приходилось, а соседом я был — работал агрономом в Хакасии. Жил рядом с конным батальоном пограничников. А вот теперь никаких кордонов нет. Мы все жители одного большого советского дома. Молодая литература Тувы набирает силу. Мне кажется, что мы не всегда правильно требуем от молодой литературы, чтобы писатели много занимались современностью. Я — за современность. Но ведь культура только из сегодняшнего дня вырасти не может. Культура всегда исторична и поэтому обращение писателей младолисийменных литератур к истории всегда закономерно. Они не могут миновать своего эпоса, это факт неизбежный и его нужно учитывать. Прошлое необычайно интересно, дружба народов началась еще до революции, когда в Туве появились русские крестьяне-переселенцы. Это интересная серьезная тема. Мы сегодня говорим добрые слова о тувинской литературе, потому что она их заслуживает.

С. М. Хитарова (ст. научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького).

Я познакомилась с книгами тувинских критиков «Тувинская поэзия» Д. Куулара и «Тувинская проза» М. Хадаханэ. Обе книги говорят о том, что литературоведение поднялось на новую ступень, умеет осмысливать литературный процесс в его главных ведущих тенденциях. Хочется отметить их глубину, серьезность. Сейчас в ИМЛИ готовится к изданию очерк истории тувинской литературы. В нем хорошо показана опора на фольклор, но декларативно — связь с другими литературами. В поэзии преобладают эпические традиции — здесь я согласна с И. Ростовцевой. Завоеванием тувинской прозы является создание характера в движении и часто в романтических обстоятельствах, как в «Тихом уголке» К. Кудажы, создание образа положительного героя.

В. М. Санги (нивхский писатель).

Я не был в Туве, но чувствую себя единокровным братом тувинцев. У нас судьбы совершенно одинаковые. Тувинцы шагнули в социализм из феодализма, недавно обрели письменность, как и нивхи и другие 26 народностей Севера.

В опыте тувинской литературы мне близко использование фольклора.

Хорошо сказал чукотский поэт: «Раньше были на болоте пнями, а теперь равняем с горами». Чтобы увидеть грандиозность сегодняшнего

дня, нужно оглядываться назад. Я записал древнюю эпическую вещь свыше четырех тысяч строк — произведение высокого уровня. Надо на такие встречи приглашать и сказителей — ярких самобытных народных поэтов. Иначе мы обедняем себя. Очень приятно видеть сегодня общую заинтересованность в судьбах национальной литературы. Хочется подчеркнуть роль перевода на русский язык — это акт огромного художественного и политического значения, ибо переводчик дарит лучшие образцы тувинской литературы всем народам нашей страны.

А. П. Власенко (критик).

В современной тувинской литературе доминирует поэзия, но и значительны успехи прозы, в ней появились тенденции к эпичности, к широкому охвату жизни, к созданию многогранных характеров, интерес к становлению социалистического сознания у недавнего кочевника. В произведениях С. Тока и С. Сарыг-оола заметна сращенность публицистичности с бытовыми картинками, с психологическим анализом. Почерк С. Сарыг-оола отличает тонкое чувство времени, новизна конфликта, тонко подмеченные и любовно выписанные черты духовного облика тувинца.

При всех достоинствах тувинской прозы (богатство нравственных коллизий, проблем, большой изобразительный арсенал, истинная народность) следует отметить тематическое однообразие..

В романе русского автора Н. Сердобова «За хребтами Саянскими» (1966) явно ощущается рационалистическое начало, не всегда сочетающееся с художественной образностью, но в главных сюжетных линиях, в раскрытии характера советского рабочего, в изображении новой жизни тувинского народа автор достиг определенного успеха.

Ю. Л. Прокушев (директор изд-ва «Современник»).

За три последних года в наше издательство поступили рукописи и ст тувинских писателей. Мы издали «Слово арата» С. Тока, книгу стихов С. Пюрбю «Когда улетают журавли». На днях выходит «Повесть о светлом мальчике» С. Сарыг-оола в переводе М. Ганиной тиражом в 200 тыс. экз. Это интересная книга. Для молодых литератур необходимо художественное осмысление и исследование своего прошлого, и тувинской литературой оно еще не решено полностью.

Готовим к изданию роман «Детище железа» А. Даржаа — о становлении тувинского рабочего класса, с интересными психологическими ходами (пер. Н. Ершова). Нужно также предусмотреть в перспективе издание поэтических книг.

С. И. Шуртаков (писатель).

Когда мне пришлось быть в Туве в 1962 году, нам показывали фотографию С. П. Щипачева в военной шинели. В 1942 г. в Туву приехал

не просто поэт, а известный советский поэт и представитель страны, которая вела войну. Сближение тувинской и русской литературы началось в такое суровое время. Это символично.

Мне бы хотелось сказать несколько слов о переводах. Я читал «Тихий уголок» К. Кудажи в переводе А. Буртынского и «Стремнину великой реки» М. Кенин-Лопсана в переводе В. Малюгина. И есть в них издержки. Тувинец говорит «ради всего святого» или есть такие штампы: «он с головой ушел в служебные дела», брызга — не тувинское слово. Непонятно, что такое «желания кошки на уровне таежных вершин», видимо за этим стоит какой-то образ. Мелочи стиля в переводе многое значат.

Главная удача ожидает переводчика там, где есть проникновение в природу Тувы, в национальный самобытный характер тувинца. «Летний день в Туве — это сухая баня без пара» — тут сразу чувствуешь Туву. Хорошие переводы увеличивают число читателей.

И еще не надо торопиться забывать этнографию. Она входит в понятие национального. А без этого элемента национальное будет расплываться. Литература должна развиваться на национальной основе. Я не призываю держаться обеими руками за этнографию, но и не стал бы призывать избавляться от нее. Прозе нужна историчность, осмысление пройденного современным взглядом.

Ц. А. Жимбиев (бурятский писатель).

У нас много общего, общее эхо раздается на вершинах Саян по обе стороны. У нас родственный фольклор. Есть легенда о Байкале, который имел дочь красавицу Ангара и пришли к ней свататься тридцать богатырей и среди них могучий Енисей. Ангара не захотела никого и убежала к Енисею. Даже легенда подчеркивает наши взаимосвязи.

Меня поразила тувинская литература, когда я еще был студентом Литинститута. Это вдохновенная книга «Слово зрата» С. Тока. Радуюсь успехи братской литературы и хороший уровень обсуждения по большому счету. Пожелаем новых творческих вершин писателям из центра Азии. У вас есть большие потенциальные возможности. Будем творчески соревноваться.

М. Ф. Мусиенко (ст. редактор Детгиза).

Небольшой отряд тувинских писателей имеет большой удельный вес в нашей литературе. Многие писатели выступают в разных жанрах — С. Сарыг-оол, А. Даржаа. Издательство «Детская литература» выпускает серию «Ты по стране идешь». Эту серию открыла книга О. Саган-оола «Счастливая звезда», получившая хорошие отклики. Ждем от вас сборника рассказов для детей на современную тему.

М. М. Скуратов (поэт, переводчик).

Мне посчастливилось трижды побывать в Туве — в этой прекрасной живописной стране. С. П. Щипачев «покумил» меня с тувинцами. Я стал переводчиком С. Пюрбю, С. Сарыг-оола, Ю. Кюнзегеша, А. Даржаа и многих других. Награжден Почетной грамотой Тувинской АССР, чем очень горжусь. Зачинателем тувинской поэзии является С. Пюрбю, издавна владеющий чистым русским языком, имеющий просвещенный взгляд на многие явления жизни, первый вожак молодых писателей. Многие его темы были позже подхвачены другими поэтами. Его поэзия мудра и величава как Улуг-Хем. Широкими эпическими мазками, тончайшими лирическими полутонами он живописует человеческие характеры. Он чуужд заскоружлой национальной замкнутости, мыслит широкими категориями, подлинный интернационалист.

С. Сарыг-оол — тонкий и глубокий лирик, тоже один из запевал. Истоки его поэзии в устном народном песнетворчестве. Именно он громко провозгласил на тувинском языке, переключаясь с В. Маяковским:

Я — гражданин Советского Союза!

Его стихи поражают своеобычностью, национальным колоритом. Он ярко выражает восторг тувинца: «красивой жизнью зажил мой народ».

Ю. Кюнзегеш — лиро-эпический поэт. Об этом можно судить, например, по стихам «Дорога в Саянах», «Москва в душе моей». Набирает силу А. Даржаа, поэт новой поросли. Надо по-хорошему позабывать его плодовитости. Его образы часто гиперболичны и оригинальны, в них смелость поэтической выразительности. «Восход солнца» например.

Радует зрелость литературы и ее многоцветье.

И. В. Рыжиков (поэт, переводчик).

Я внимательно прочитал два сборника стихов С. Пюрбю «Напевы жизни» и «Когда улетают журавли». По его стихам можно представить путь тувинского народа, особенно по поэмам «Чечек» и «Время». Хотел бы остановиться на издержках перевода. К сожалению переводчики иногда путают простоту с простоватостью. Привожу примеры: «где круглый год не тает перевал», «у хлебобобов бьется сердце жарко», «мы с ним взлетаем в небо голубое» — это не поэзия, слишком беспомощно, кажется просто упорядочены наборы слов. Наиболее близко подошли к оригиналу, на мой взгляд, С. Липкин в стихотворении «Вечер» и Е. Старинина в стих. «Две встречи». Многим переводам не хватает внутреннего накала. Видимо, нужно отказаться от десятка переводчиков, а искать одного, более близкого. Переводам нужен более высокий уровень.

В. В. Казин (поэт).

На обсуждении была требовательность и благожелательность. Это самое главное. Сегодняшняя встреча — результат мудрой ленинской национальной политики. Нам, русским поэтам, тоже трудно было начинать. На-

род был неграмотен, перед нами была целина. С. П. Щипачев показал мне стихи С. Пюрбю и рассказал о нем и тувинском народе. Я перевел «Красный обзор» и рад, что автору перевод понравился. Как тут не взволноваться, когда только в 1930 году ваш народ получил письменность и уже есть такие поэты, как С. Пюрбю. Это очень волнует меня, старого русского поэта, и вызывает радость за нашу советскую власть. И вот в память такого прекрасного вечера разрешите вам вручить от Союза писателей РСФСР портрет всем нам дорогого А. С. Пушкина.

Чыргал-оол СЕРЕН-ООЛ

ПЛОД ЗРЕЛОЙ МЫСЛИ

Кызыл-Эника Кудажы мы привыкли относить к среднему поколению тувинских литераторов. Но это не значит, что он не имеет зрелого творческого почерка. Наоборот. Приятно отметить, что творческие достижения и возможности К. Кудажы растут из года в год, от произведения к произведению, и становятся все весомее, все значительнее, все неожиданнее. Причем, автор плодотворно работает во многих жанрах: его писательский багаж составляют и поэтические сборники, и сборники новелл, рассказов, и повестей, и произведения, написанные для сцены, и, наконец, романы.

Думается, не зря большие и малые произведения Кудажы постоянно в центре внимания читателей, писателей и критиков. Много интересного, полезного, познавательного нашли читатели в таких его произведениях, как рассказы «Тараа» («Хлеб»), «Шончалай», повесть «Тихий уголок» пьесы «Проделки Долумы» и «Одиннадцать», роман «Высокие облака» и, наконец, первый том романа «Улуг-Хем неугомонный».

Сейчас я хотел бы высказать свои мысли о последнем крупном произведении К. Кудажы — романе «Улуг-Хем неугомонный». Писатель задумал широкое полотно об исторических событиях, происходивших в Туве в начале XX столетия, чтобы на фоне их показать жизнь различных слоев населения, показать гнев против порабощения тувинских аратов местными феодалами и иноземными эксплуататорами. Пока вышел в свет из тувинском языке первый, так называемый «Черный том» романа.

Роман насыщен немаловажными событиями из истории Тувы и картинами жизни племени (или рода) Барыкских кыргысов. Читая его, мы чувствуем, сколь серьезно потрудился автор над историческими архивными документами: цифровыми и фактическими данными, письмами, донесениями, сообщениями феодальных чиновников и духовных лиц. Умело применяет он тувинизированное произношение нетувинских имен и фамилий (Семен Лукич — Севээн Лукиш, Тай Ши Тайфу — Дажы-Тойбу). Удачно показана атмосфера тревожного ожидания различных событий, характер-

ная для того периода истории Тувы: например, с связи с первой русской революцией возникали среди аратов слухи, будто жив вожак восстания шестидесяти богатырей Самбажык, он, мол, живет в России и скоро соберется вернуться в Туву.

Угнетенные хотели напомнить своим угнетателям, что вспышка народного гнева может повториться.

Чтобы убедительно показать описываемый период, автору пришлось брать события в крупном, эпическом плане, привлекать огромное количество действующих лиц. Однако в этом обилии персонажей он не запутался, сумел обрисовать их не поверхностно, а подробно, и что самое главное, типизируя их как представителей различных социальных слоев населения тогдашней Тувы. Примером могут служить образы двух богачей: тувинского феодального чиновника Мангыр-чейзена и русского богача Семена Домогацких. Мангыр-чейзен выглядит в романе человеком жадным, хитрым, умным, развратным, завистливым, коварным, честолюбивым, и в конечном итоге, трусливым и жалким... А «добрый» поначалу к аратам и даже вызывающий симпатию читателей умением трудиться бывший батрак Семен Домогацких на поверку оказывается жестоким эксплуататором, несколько не лучше, чем тувинские феодалы или маньчжурские купцы. И это очень нужно автору, чтобы показать и своим героям-аратам и читателям: все богачи (и тувинцы, и русские, и монголы...) одинаковы по своей природе.

Среди представителей бедных аратских масс наиболее интересны и ярки арат Сулдем и его сыновья. Образы братьев индивидуальны и по внешним портретным данным, и по темпераменту, характеру, привычкам. Соскар трудолюбивый паренек, для которого «богом», примером в жизни, по его наивности, стал богач Семен Лукич Домогацких: все он старается делать так, как сделал бы хозяин. Даже видя неловкость братьев в работе, он указывает им: «Севээн-орус бы сделал так...» Впоследствии Соскар совершил невиданное барыкокими старожилками: построил себе по примеру своего кумира дом с баней и развел огород. Так исподволь, автор показывает то прогрессивное для тувинского населения, что пришло в Туву с русскими переселенцами, с их более передовыми способами ведения сельского хозяйства.

Немалое значение имеют в романе образы русских батраков: через них автор утверждает идеи взаимной поддержки простых людей, показывая их доброжелательность к тувинским аратам, а самое главное, проникновение передовых революционных идей в массы бедняков и батраков.

Старик Сулдем — обобщенный образ умудренного большим опытом жизни, энергичного, доброго, трудолюбивого арата. Во всех ситуациях он остается терпеливым, заботливым отцом и дедом для своих детей и внуков. Героический участник Кобдинского боя, он и храбрость, и недюжинные способности командира и наставника, и находчивость сумел там проявить, но все его заслуги присвоил себе мелкий чиновник Херик-бошка. Интересно показана дружба Сулдема с русской семьей Черемисных:

картины расставания с Черемисиными и возвращения Сулдема домой из Монголии — одна из самых волнующих страниц романа.

Старшего сына Сулдема Саванды автор старается представить в юмористическом плане — вроде деда Щукаря у Шолохова. Но порою трудно определить подлинное лицо Саванды, его социальную сущность — кого же он все-таки представляет. То он кажется человеком умным, удалым и чуть ли не народным заступником, который смог даже публично опозорить самого чейзена; то он предстает перед читателями бездельником и негодяем.

В образах кайгалов — лихих молодцов, аратских заступников и грозы баев — автор сконцентрировал положительные народные черты: доброту и справедливость, взаимную поддержку и уважение друг к другу, стойкость, мужество, хладнокровие и т. д. Кайгалы воруют только у богатых, презирая преступников, не стыдящихся отобрать у бедняка последнюю корову или козу... Однако подробные описания воровской тактики кайгалов, идеализация их образов и поступков имеют и негативную сторону, отрицательно влияя на некоторых читателей. На это справедливо указывала критика.

Читая произведения К. Кудажи, мы всегда ощущаем индивидуальность речи персонажей, образность, меткость, емкость речевых характеристик. Более того, автор выражает особенности характеров людей даже показом присущей им манеры смеяться: смех Ончатпы (дочери Олай-чалана) открытый, непринужденный, «словно стучал по дереву пестрый дятел», «Чудурукпай (сын Мангыр-чейзена) смеялся, нагнувшись вниз, словно кукушка на верхушке дерева перед дождем», а жена Олай-чалана смеялась так, что «ее жирное тело трепетало, словно щетка, застрявшая в текущей воде»...

К месту и богато использован фольклорный материал: пословицы, поговорки, частушки, народные предания. Автор умело пользуется различными художественными приемами и изобразительными средствами: эпитетом, метафорой, сравнением и т. д. Вот как он сравнивает красоту двух женщин: «Красота Ончатпы была вроде колокольчика, звящего снаружи, а красота Анай-Кара — вроде свечи, которая горит внутри»...

Использование в речи персонажей архаизмов и диалектизмов помогает автору обрисовать характер той эпохи и тех социальных групп, которые описаны в романе, но, к сожалению, без разъяснений или сносок нередко остаются для читателя мертвыми ничего не значащими словами.

Позволю себе поспорить с А. К. Калзаном, считающим чрезмерными подробности в описании некоторых эпизодов, — лишними называет он сцены охоты Саванды. Мне кажется, в таком крупном произведении, как двухтомный роман, подробности не могут быть излишними. Где же быть детализированному описанию событий, картин, образов, как не в романе? Наоборот, отмечаю образность, полноту этих описаний. Что касается сцены охоты Саванды, то она служит автору средством придать образу неудачника и хвастуна откровенно юмористический оттенок.

Ряд незначительных, на первый взгляд, эпизодов к тому же имеют

символическое значение: так, на мой взгляд, зимний и весенний пейзажи Улуг-Хема в прологе и эпилоге романа глубоко символичны, автор уподобляет великой реке подо льдом и в пору пробуждения жизнь. Тувы в описываемый им период.

Слабость романа в том, что, раскрывая стихийный протест народных масс против маньчжуро-китайских эксплуататоров, автор не показывает по-настоящему этих эксплуататоров. Много раз говорится: «Жадные, хитрые китайцы, которые продают свои товары втридорога», но почти нет конкретных примеров. Противоречиво показан разгром китайских торговых факторий; разрушают их не араты, обиженные купцами, а кайгалы, и погибает от их руки не чиновник или купец, а китаец-бедняк, друг тувинских аратов, который сам помогал громить факторию... Его смерть выгодна Мангыр-чейзену, получившему от этого китайца целый мешок серебряных денег: чиновник должен был передать это награбленное купцами у тувинцев добро своему народу... Здесь отсутствует авторская логика. Погибший китаец был отцом маленькой Адаски, внучки Сулдема. Однако семья Сулдема приняла его плохо, вразрез с традиционным тувинским гостеприимством: все ему угрожали, готовы были растерзать или даже застрелить, а это вступает в противоречие с мудростью Сулдема в которой читатель уже убежден.

Неправоподобным кажется мне и то, что Сулдем, якобы, каждый год охотится одной и той же свинцовой пулей, которую вынимает из головы убитой им белочки. Даже если поверить, что старик — идеальный стрелок, всегда попадающий в голову живой, движущейся цели, неужели у него свинцовая пуля остается при этом целой, не сплюсненной? Если же она сплющивалась, как бы он мог зарядить ею ружье? Поверить, что он каждый раз разжигал костер и переплавлял свинец, тоже очень трудно.

А вот и еще эпизод маловероятный: маленькая девочка, которая совсем не умеет считать, показывает на пальцах число «семнадцать».

Шаман Чаян дает выстрелить в него из ружья, предварительно показав и порох, и пулю присутствующим. Он же кладет в рот и лижет горячие угли и, конечно, остается живым и невредимым. Автор не показывает, в чем же заключался секрет шамана, и не проявляет никакого отношения к этим фокусам. Напротив, заканчивается эпизод следующим утверждением: «Берет он пулю с неба, в него стреляли, и то не умер», — все возматала слава Чаян-хама».

Однако недостатки и просчеты не умаляют общего значения крупного и интересного романа, автор которого как на основе исторических фактов и документов, так и на основе их глубокого осмысления и дополнения, силой воображения сумел воссоздать широкую картину пройденной народом жизни, дать читателям материал для размышлений. И потому я беру на себя смелость утверждать, что роман Кызыл-Эника Кудажы «Улуг-Хем неугомонный» — плод зрелой мысли и зрелого чувства художника, способного понимать жизнь, время и его устремленность. Не потому ли читатели с таким нетерпением ждут его продолжения.

К 50-ЛЕТИЮ МОНГУША КЕНИН-ЛОПСАНА

Полвека назад в год Коровы по тувинскому летоисчислению родился в местечке Хондергей будущий писатель. Он был шестым ребенком в семье из пятнадцати детей. Среди многочисленной родни были не только пастухи и охотники, но и кузнецы и плотники, сказители и шаманы. Мальчик видел мастерство и споровку в работе, слушал сказки дяди Сата Деспена, запоминал необычные слова, движения, одежду шаманского камлания. Рос он своевольным замкнутым ребенком, особенно часто ему доставалось за передразнивание шаманов, за бубнящую скороговорку священных слов. Детские впечатления очень яркие, они потом легли в основу поэмы «Конец шамаца» с использованием напева шаманского стиха. Семья жила дружно, отец часто уезжал на охоту и, когда возвращался с добычей, в аале был праздник для соседей и детей. Кенин-Лопсан, которого в детстве звали Тас, помогал матери по хозяйству, качал сестер и братьев, собирал хворост в лесу, чистил кошару. А потом до глубокой ночи слушал рассказы стариков, сказания и легенды. Огромное духовное влияние имела мать, которой позже он посвятил взволнованные поэтические строки:

Нет в наших горах вершины выше души твоей,
нет в сказках наших мужчины сильней тебя и мудрей.

(Пер. С. Козловой)

Когда в 1930 году появилась письменность, он одним из первых в аале научился писать на снегу свое имя, а в 1934 году его отправили в красный уголок учиться грамоте у учителя Шириндиви.

Несколько месяцев с ребятами других хошунов он учился основам арифметики и текущей политики. За успехи в учении получил впервые подарок — тетрадь в клеточку, которую никому не давал даже посмотреть и сам берег, не писал на ней — так редок и необыкновенен был этот подарок. Кругозор его постепенно расширялся, он отдыхал в первом пионерском лагере в Чадане. От отца, ставшего председателем арбана, узнал о событиях в Испании и тут же частушки о богачах переделал на новый лад, подставил туда имя Франко. Начал учиться в Чаданской школе у учительницы Тюлюш Орланмай. Здесь впервые прочел на родном языке «Капитанскую дочку» Пушкина, знал наизусть из нее все эпиграфы и даже отдельные главы. Первую заметку в газету о женском собрании написал в 1938 году. В этом же году был на слете пионеров.

Среднюю школу он приехал заканчивать в Кызыл. Задали ему как-то выучить наизусть стихотворение Пушкина «В Сибирь» — он выучил его механически, не понимая значения русских слов. Шефы — ученики школы № 1 читали сообщения Советского Информбюро, статьи из газет, слова гимна Советского Союза. Так постепенно Кенин-Лопсан научился русскому языку. Учительница литературы Р. Р. Бегзи зачитала в классе его

сочинение по «Слову о полку Игореве», хотя ошибок было в нем много. Самостоятельно уже он читал «Чапаев» Фурманова, постепенно стал активистом, редактором стенгазеты и рукописного альманаха «Волны Улуг-Хема», написал первый пухлый роман в подражание «Войне и миру». Его заметили старшие товарищи — тувинские писатели, приехавшие на встречу в школу—С. Сарыг-оол, С. Пюрбю, О. Саган-оол и пригласили на семинар молодых писателей. Первое стихотворение было напечатано в сборнике «Боевой клич» в 1943 г. В 1944 г. он вступил в партию. В этом году в газете «Молодежь Тувы» было опубликовано его стихотворение «Радость Тувы», посвященное вхождению в состав СССР.

В 1947 году состоялся первый выпуск школы № 2—вместе с ним закончили Ю. Аранчыи, Ш. Сат, К. Оргу, Д. Ондар и другие. На грузовой машине, с недельным запасом еды они уехали в Абакан, а потом впервые по железной дороге до Ленинграда. В университете на Восточном факультете они слушали лекции видных ученых страны тюрколога Н. А. Кононова, германиста В. М. Журмунского, монголиста Д. А. Алексеева, тувиноведа В. М. Наделяева, ходили в знаменитые музеи и театры, полюбили вдумчивую тишину Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

В общежитии сложился интернациональный коллектив. Кенин-Лопсан жил в одной комнате со студентами — бурятом, корейцем, русским. Вместе летом ездили на строительство ГЭС, болели на спортивных состязаниях по борьбе самбо и шахматам, учились бальным танцам. В студенческие годы он стал шахматистом-первоарядником, недаром там учились Б. Спасский и В. Корчной, и это увлечение осталось на всю жизнь, в шахматы он готов играть где угодно и когда угодно. В научном студенческом обществе он делал доклады по тувинской литературе и фольклору, товарищам в общежитии рассказывал сказки отца и дяди, это дошло до В. М. Журмунского, и Кенин-Лопсан по его поручению написал реферат «Эволюционное развитие эпического жанра». Ученый с большим интересом слушал сказку о Танаа-Хереле и другие, учил его неторопливости, глубине, обстоятельности в научной работе. Важно не признание и слава,—говорил он не раз,—а сам процесс труда, его результаты. Этот завет учителя он усвоил надолго. От него именно пошло увлечение Шиллером и Гете, Байроном и Блоком. Будущий поэт пробует свои силы в переводе с английского на тувинский. Сталкиваясь со студентами-испанцами, вспоминал э события в Испании 1937 года. Тогда зародился замысел поэмы «Мы — дети Пассионарии». Хорошо об атмосфере ленинградского студенчества рассказал Ю. Рытхэу, их однокашник по учебе, в романе «Ленинградский рассвет».

Вернувшись в Туву после окончания университета в 1952 году, он стал работать редактором Тувинского книжного издательства, читал и правил чужие рукописи, а вскоре в 1956 г. вышел первый сборник его стихов «Большой путь», а позднее «Я — сын Октября», «Маленький учитель», «Мои крылья».

В поэмах «Отгук» и «Последнее кочевье» (последняя была напечатана в журнале «Дружба народов» в 1962 г. в переводе О. Дмитриева и с

предисловием Б. Ховенмея) он рассказал о рождении тувинского рабочего класса, о переходе на оседлость, о радостях благоустроенной квартиры и нового быта.

Входят в дом артисты всей планеты —
не тесна им комната моя.

Меж Москвою и Кызылом лету,
разницы существенной, друзья!

(Пер О. Дмитриева).

Большую роль в его произведениях играет вымысел, романтика, воображение. М. Кенин-Лопсана отличает глубина и сила чувств, редкостное упорство в поисках новой темы, и тогда он вводит в обиход поэзии подсвечник декабристов, киноварь, образные видения гениальной девочки — художницы Нади Рушевой. В простой пейзажной зарисовке есть философское размышление о жизни:

Мне по душе твои порывы, ветер,
и не страшусь твоей я прямоты.
Ты тормозишь все сонное на свете,
и пламя жизни раздуваешь ты.

(Пер. А. Ойслендера).

Им написаны стихи — миниатюры о роли и месте поэзии и поэта в жизни:

Человек, ты придумал мне имя высокое — Слово.
Я, не ведая холода, голода, — вечно живу.
Облетаю я мир. Назначенье мое и основа —
густок мыслей вобрав людям правду открыть наяву.

(Пер. К. Ляско).

В 1965 г. вышел его роман «Стремнина большой реки» — первый в тувинской литературе, рассказывающий о патриотическом подъеме аратов в годы войны, о помощи Красной Армии трудовыми сбережениями и подарками. Центральным героем является председатель арбана Саадак, имеющий прекрасного прославленного в округе иноходца Сарала, которого он никому не доверял, но в годину войны, не задумываясь, подарил Красной Армии. Прообразом Саадака был отец Бора-Хоо.

С детских лет Кенин-Лопсан хорошо знал активисток Донгак Бароккан и Таню Камову. В романе «Гордость женщины» показана судьба тувинки Кулчи, дерзнувшей уйти от ненавистного ей богатого мужа. И как бы страшно ни складывалась ее жизнь: зверское избиение, потеря ребенка, угроза глухоты, обреченность на вечное одиночество, — именно эта решимость приведет ее в стаи борцов за новую жизнь Тувы. Кулча вырастет в пламенную защитницу свободы и равноправия женщин.

Творчество М. Кенин-Лопсана тесно связано с жизнью. С 1966 года он работает в краеведческом музее, собирает старинные вещи, редкие книги,

шаманский фольклор, пишет научные статьи о тувинском стихосложении и творчестве народных умельцев — камнерезов. Через его руки прошли многие новые работы народных мастеров малой скульптуры из дерева, металла, камня. Один из них Монгуш Черзи был ему близко знаком еще с детства. Он с интересом изучал его работы. В августе 1972 года музей посетила группа зарубежных журналистов. М. Кенип-Лопсан был гидом по музею. Один из них, экспансивный итальянец долго восхищался «Драконом» М. Черзи и заявил, что это творение гениального мастера. Маленький сгорбленный старик-тувинец потряс человека с родины Микель-анджело. «Почему мы сами мало замечаем и пишем об этом?» — думал в эти дни М. Кенип-Лопсан. Так родился сюжет его нового романа «Танец козерога», посвященный тайне искусства камнерезов.

Монгуш Борахоевич знает и ценит книгу, как он сам говорит — в студенческие годы жадно читал все по программе, а сейчас для души чаще всего перечитывает Пушкина, Толстого, Блока.

— Пушкин научил меня ловить и останавливать мгновения жизни. М. Толстой — отличать историзм события от будничного факта. Достоевский — найти материал там, где другие его не видят. У Паустовского я учился зрительной памяти писателя. Люблю Горького и Шолохова. Русская литература помогает нам сократить историческое расстояние во времени, дает образцы великих — и таких разных писателей, имеет волшебную силу воздействия на душу человека.

За 30 лет творческой работы он переводил стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Твардовского, многих зарубежных писателей. За внешней чужаковатостью и неординарностью скрывается жадное любопытство к явлениям жизни, стремление познать и раскрыть тайный мир человеческой личности. Он вносит свою особую неповторимую струю в тувинскую литературу.

Валерий ЛОКОНОВ

МЕЛОДИИ ЧИСТОЙ ДУШИ

*Заметки о сборнике стихов Олега Сувакпита
«Материнское сердце».*

Бывает так: открываешь очередной поэтический сборник, читаешь одно стихотворение за другим — спокойно твоё сердце, спят твои чувства. И не потому, что стихи плохо написаны, наоборот, сделаны они крепко. Но вот оставляют тебя равнодушным, и ничего с этим не поделать.

И вдруг, точно молния, ослепившая тебя внезапно. Словно, ливень, неожиданный, шумный. И ты задохнулся его свежестью, исчезло твоё почтительное равнодушие, ты уже любопытствуешь, что же будет дальше?

Вот таким «неожиданным ливнем» заставившим вздрогнуть и встре-

пенуться, стало для меня стихотворение «Рассказ брата» из нового сборника Олега Сувакпита «Материнское сердце»¹.

Казалось бы, несложный сюжет произведения — воспоминание тувинского парня о русской девушке-санинструкторе, которая, рискуя жизнью, спасает его от неминуемой смерти на поле боя, а он не успевает как следует разглядеть ее лица и тем более спросить имя — предопределял традиционное его решение в духе спокойной констатации давно прошедшего события. Сколько мы знаем таких стихов! У Олега Сувакпита эта тема решена по-другому. «Рассказ брата» отличает взвешанность и искренность поэтической интонации, энергичная поступь стиха, яркая осязаемость происшедшего, воплощенная в чеканных строках военной баллады:

Всю ночь мы с нею
к своим ползли,
я оторваться не мог от земли,
я ничем ей не мог помочь...
Так мы с нею ползли всю ночь!
И если вдруг забывался я:
«Очнись, Саая...
Очнись, Саая!»
Снова склонялась она надо мной:
«Не спи, хороший...
Не спи, родной!»

(Перевод Л. Т а р а н а).

Вот так и стоит перед глазами этот страшный путь, проделанный русской девушкой и раненым тувинским парнем к своим, путь длиною в ночь...

Наш разговор о поэтическом творчестве Олега Одербеевича Сувакпита мы не случайно начали с анализа лирического стихотворения. Прозаик, драматург, поэт, Олег Сувакпит, активно сотрудничающий в тувинской литературе более тридцати лет (если брать во внимание его юношеские стихи), признан критикой прежде всего как поэт лирического склада. Об этом около двадцати лет назад писал Юрий Кюнзегеш в рецензии на сборник стихов О. Сувакпита «Песни радости» («О книге и мастерстве поэта», «Улуг-Хем» № 3, 1956). И вот теперь, знакомясь с его новым поэтическим сборником, в котором, как утверждает аннотация, «собраны лучшие стихи, песни, баллады поэта в переводе на русский язык», соглашаешься с давним утверждением критика.

Действительно, Олег Сувакпит прежде всего поэт лирический. Здесь он по-настоящему интересен и самобытен. И дело, быть может, не толь-

¹ Олег Сувакпит «Материнское сердце». Тувинское книжное издательство, Кызыл, 1974.

ко в том, что в лирических миниатюрах поэта отточенность стиха и законченность мысли на пути к совершенству, но и в том, что почти каждое, даже самое маленькое стихотворение Олега Сувакпита социально активно. Иногда социальное содержание произведения заключено в тезисе, иногда — в маленьком штришке.

Возьмем хотя бы одно из лучших стихотворений поэта «Дорога и тропинки». В свое время критика совершенно справедливо приветствовала авторскую сдержанность восприятия перемен в жизни аратов. Эта сдержанность обманчива: ведь поначалу мы принимаем стихотворение как типичный образец пейзажной лирики. Грустим вместе с автором, что некогда шумное «кочевье предков опустело, заросло травой». И не ведаем, что в последнем четверостишии нас подстерегает приятная неожиданность:

Заросли травой тропинки эти,
время беспросветное прошло,
лишь одна дорога на рассвете
приведет в колхозное село.

(Перевод Ф. Ф о л о м и н а).

Один маленький штрих — «колхозное село», — и уже существенным образом изменился смысл стихотворения. И нет в нем никаких громких слов по поводу социальных преобразований в тувинском селе, а оно впечатляет. Впечатляет именно сдержанностью автора.

Неожиданный поворот темы — еще одна особенность поэтического творчества Олега Сувакпита.

Пожалуй, наибольших удач автор рецензируемой книги достигает в любовной лирике. Казалось, что можно сказать о любви после Пушкина, Блока, Щипачева? Какими новыми словами рассказать об этом прекрасном чувстве? Какие новые струны читательской души затронуть сегодняшними стихами? Казалось...

Олег Сувакпит находит в интимной лирике свои повороты темы, свои интонации, одному ему лишь присущие образы и самих влюбленных, и предметов, их окружающих.

Удивительно стихотворение «Влюбленные». Вслушайтесь в его начало:

Метель, мороз...
А эти двое
летят сквозь пламя снеговое,
сквозь плотный утренний туман.
Летят, усталости не зная...
И — напряженная, тугая
лыжня звенит,
как чадаган.

(Перевод Л. Т а р а н а).

Вы чувствуете эту изумительную упругость стиха? Вы ощущаете на своем лице колючее дыхание утреннего тумана? Вы слышите хрусткий звон лыжни-чадагана? Если да, то поздравляю вас — перед вами истинная поэзия.

Не менее хороша и концовка:

...Бросают рукавицы в снег.
И руки встретились с руками.
И губы встретились с губами.
Вдвоем всем холодам назло,
стоят —

и ничего не слышат.

...А рукавицы жарко дышат,
а рукавицы жадно дышат,
горячей пастью
жадно дышат,
как волки,
дышат тяжело.

Вот уж чего не было в любовной лирике, того не было. И с этой находкой, именуемой «дышащими рукавицами», автора можно только поздравить.

Предвижу напоминание известного афоризма о переводчиках поэзии и переводчиках прозы. Сам им когда-то пользовался. Но вот аргумент, против которого нельзя серьезно возразить: хороший дом строится на добром фундаменте. И, отдавая должное переводчику, не будем забывать первоисточник его вдохновения. В противном случае мы будем говорить совсем о других вещах.

В любовной лирике Олег Сувакпит предельно искренен, честен, целомудренно нежен. Вот лирический герой, проводив любимую в далекий город, обращается к ней через расстояния, обещая ей свою нежность и верность («Ты уехала...») Вот он мучается своей неизбывной любовью к той, которая почему-то не отвечает на его большое чувство: «Было б все намного проще, если б выдумал тебя я» («Осеннее»). А вот счастливый влюбленный вместе с подружкой видит, как «двое в черемухе пенной стояли, младенца тихонько качали. Подруга моя улыбунулась мгновенно — мне все стало ясно». («На прогулке»).

Ведь и в интимной лирике можно размахивать руками и швыряться громкими обещаниями. Герои Олега Сувакпита этого не делают и оттого они симпатичны читателю.

Есть в литературе тема, мимо которой не проходит ни один писатель, ни один поэт. Это тема матери, тема материнского сердца, тема той самой «старушки», которой и в трудную, и в радостную минуты жизни обращается ее дитя. Недаром и сборник Олега Сувакпита назван «Материнское сердце».

Стихотворение «Светлой памяти моей матери» звучит как клятва автора самому близкому человеку на земле быть достойным его памяти:

Не запятнаю память твою,
твое незабвенное имя!
Тебя, дорогая,
всей жизнью пою,
всеми делами своими!

(Перевод Л. Гарана).

Второе произведение этой тематики — «Материнское сердце» — и по своему содержанию, и по самому исполнению отлично от первого. Здесь тесно сплетены две темы — тема матери-женщины и тема матери-Родины:

Материнское сердце —
пульс родимой земли.
Охватило оно беспокойством своим
все, что мы для Отчизны
трудом сберегли,
все, что мы для Отчизны
еще сотворим!

(Перевод А. Богучарова).

Мать для поэта — животворный источник творческого вдохновения, защитница от ненавистного врага, человек, поднимающий страну по набатному зову...

Олег Сувакпит — поэт любознательный. Он хочет поведать читателю обо всем, что видит, что знает, о чем думает. Его интересует пейзаж родной республики, и он пишет «Осенью в Туве», «Я брожу по лесам...», «Улуг-Хемские картины». Из поездок в города и республики Советского Союза он привозит яркие впечатления об Эльбрусе («Эльбрус»), о соседних Горном Алтае и Хакасии («Горный Алтай», «Хакасия»), о трагической судьбе узбекской девушки Тухташ («Красавица Тухташ»). Поэт размышляет о природе литературного творчества, и тогда из-под его пера выходит удивительная по своей смысловой законченности и афористичности мысли миниатюра «Мартовское утро», грустно-искренний конец которой: «Вновь тебе для счастья не хватает — лишь одной единственной строки» воспринимается нами как сожаление о еще найденном, но обязательном слове.

Но вот какой парадокс: любознательность Олега Сувакпита, порождающая в свою очередь тематическую пестроту его лирической поэзии, служит поэту иногда нехорошую службу. Читатель начинает теряться в поисках основного направления его лирики, тем более, что в сборнике стихи не подчинены ни какой-либо хронологии, ни определенной тематике. Вдобавок эти поиски осложняются присутствием в книге стихов необяза-

тельных, плохо сделанных чисто технически, иногда просто пустых. Обидно за поэта, ставящего рядом далеко не равноценные вещи.

Особенно заметны профессиональные просчеты автора «Материнского сердца» в стихах публицистических. Гражданская лирика требует от поэта особой осторожности: неверно употребленное слово, не вовремя выброшенный лозунг, излишние патетическая интонация могут снизить впечатление от произведения, в основе своей верного и злободневного.

Да, публицистическая поэзия допускает определенную дозу декларативности и патетики — без этого в ней просто не обойтись. Но когда переступаешь грань дозволенного, рискуешь превратиться в заурядного плакатиста.

На мой взгляд, именно это и произошло с Олегом Сувакпитом в некоторых его публицистических стихах.

В упоминаемой выше статье Юрия Кюнзегеша есть строки о подражательности тогда еще молодого поэта Сувакпита. Прежде всего Маяковскому. Но подражание, в лучшем смысле этого слова, предполагает не слепое следование образцу, а творческое осмысление поэтической манеры любимого автора.

Темы поэтической публицистики Олега Сувакпита глобальны — Ленин, партия, Родина, Россия, Тува. Решение же их порой неинтересно, несамобытно.

Сборник открывается стихотворением «Всегда с партией» (перевод А. Богучарова), написанным где-то в начале 50-х годов. Тема, что и говорить, велика и ответственна. Но кто и когда сказал, что для ее поэтического воплощения годятся такие строки:

«Неповторимо, нет,
теплеющее к друзьям
и для врагов сурово,—
слово наших побед,
о Ленинской партии слово?»
(Перевод А. Богучарова).

Помилуйте, тот ли это Сувакпит с изящностью того же «Мартовского снега»? И если грамматическая полуграмотность стихотворения большей частью от переводчика, то тяжеловесность самой мысли, увы, от автора первоисточника. Дальше — больше. Появляются откровенные прозаизмы, столь же откровенные лозунги, нарушается ритмический строй стиха. Во имя чего? Во имя того, чтобы преподнести читателю прописную истину вроде вот этой: «Мы открываем новое время — Коммунизма первооткрыватели!» Наверно, стоило и самому автору, и редактору сборника А. Жарову серьезно подойти к стихотворению, имеющему честь открывать сборник. Ведь так читатель может и до лирики не добраться.

Тем более, что Олег Сувакпит и в публицистике может добиваться заметных успехов. Вот уже в стихотворении «Слава России» (перевод С. Гудзенко) и интонация гораздо сдержаннее, и язык не в пример язы-

ку предыдущего произведения точнее и выразительнее. Удачны, на мой взгляд, «Песня о Ленине» (перевод С. Козловой), «Пою о дружбе» (перевод И. Лашкова), «Возмужание» (перевод И. Лашкова).

Есть в сборнике Олега Сувакпита стихи, в которых описательность и констатация факта заменяют движение мысли. Как ни странно, их больше всего в «Раздумьях в час великого созидания», в «Обязанности перед страной», в «Шумит Улуг-Хем...», стихах, технически сделанных вполне профессионально. Вообще стоит, наверное, отказаться в поэзии от повелительных интонаций, и уж если применять их, то в ограниченном количестве.

Заключают книжку две большие баллады — «Баллада о дружбе и любви» и «Герои живут» (Баллада о дружбе). Кстати, автору «Материнского сердца» хочется посоветовать более серьезного отношения к выбору названий своих стихов. Часто они невыразительны, повторяют друг друга. Никогда не подумаешь, что в стихах «Живительные корни» и «Скрытая сила» речь идет о «любви большой, молодой».

Вернемся к балладам. Сюжет первой таков. В провинциальном курортном городке герой встречает красивую девушку, с которой связывают его далекие воспоминания о студенческой юности. Естественно, эти воспоминания и поставлены в центр баллады. Но поданы они настолько путано и одновременно кокетливо, что сначала просто не понимаешь, о чем же речь. А оснащение баллады весьма сомнительными утверждениями па: «Я узнал тебя, Печорин, ловелас и дуэлянт (?)», усугубляет наш непонимание. А потом будут еще Зигфрид с Одеттой, гений Лермонтова, призванные доказать нам интеллектуальность героя. Увы, удачей эту балладу не назовешь. Впрочем, а почему балладу? Ничего такого, характерного для этого жанра, здесь нет.

Совершенная противоположность ей «Герои живут» (перевод С. Козловой). Рассказ старого Очтура о предательстве Чамзырына и подвиге русского арата Ивана по-человечески волнует читателя. Ибо в нем ни кокетства, ни патетики — только суровая правда жизни. Умение переводчицы чередованием различных стихотворных ритмов передать внутреннее состояние героя сделало балладу заметной в обширном поэтическом хозяйстве Олега Сувакпита.

Очень жаль, что в сборнике мало представлены басни поэта. Лишь с одним стихотворением Олег Сувакпит выступил как детский поэт.

Эти заметки не претендуют на всеохватность анализа. Их задача скромнее — обратить внимание русского читателя на своеобразного лирика Олега Сувакпита, на его «мелодии чистой души». Ведь в лучших своих стихах он нашел ту «одну ненайденную строку», которой ему так не хватало для счастья.

НЕ ЗАБЫТОЕ, НЕ УСТАРЕВШЕЕ

Я перебираю и перечитываю слегка уже пожелтевшие страницы, по которым, одна за другой, сбегает вниз ровные строки. Издавна знакомый измашинный, но четкий «токинский» почерк... Памятные и влитые в запыленные слова, неподвластные времени мысли... Думается, что есть смысл ознакомить с ними широкую читательскую аудиторию. Они что-то родскажут, о чем-то напомнят, а может быть, кого-то и по-хорошему изволнуют.

Во второй половине пятидесятых — начале шестидесятых годов наш научно-исследовательский институт совместно с группой московских, ленинградских и иркутских ученых напряженно работал над созданием двухтомной «Истории Тувы». Салчак Калбакхорекевич Тока был утвержден бюро обкома партии членом редколлегии первого и ответственным редактором второго тома. И вот 15 мая 1962 года ему на просмотр была вручена весьма объемная рукопись.

Несмотря на большую перегруженность партийной и государственной деятельностью С. К. Тока изыскивал время для чтения этой рукописи, проявлял к ней живой интерес. Помимо собеседований с сотрудниками института по возникавшим у него вопросам, Салчак Калбакхорекевич практиковал направление к нам прочитанных страниц с препроводительными записками. Последние были то лаконичными, то пространными, затрагивали различные сюжеты, но в каждой из них настойчиво и разнообразно подчеркивалось большое значение создаваемого труда, высказывалось пожелание быстрее его издать. Так, уже 31 мая мы получили первую часть прочитанной рукописи (177 с.). В приложенной к ней записке были такие слова:

«...С интересом читал и думаю — институт делает большое дело... Выход в свет этого тома будет большим вкладом в культурную жизнь Тувы и в правильное понимание ее прошлого, в борьбу за настоящее, за коммунизм».

Буквально через несколько дней, 7 июня, к нам вернулась новая «порция» рукописи. В приложении к ней С. К. Тока обращал внимание авторов, дирекции на наличие неоправданных повторений, искажений исконно тувинских слов и на недостаточный высокий уровень отдельных фрагментов. «Все остальное,— писал Салчак Калбакхорекевич,— хорошо и вызывает большой интерес, и поэтому нужно ускорить издание этого тома».

Во второй половине июня он закончил чтение всей рукописи первого тома, и вот его заключение: «В целом написано хорошо, правдиво и грамотно. Выход первого тома «Истории Тувы»¹ будет большим событием в культурной жизни Тувы и положит начало более глубокому осмыслению интересной, многогранной и многострадальной истории небольшого тувин-

¹ Ответственным редактором этого тома являлся заслуженный деятель науки РСФСР и Тувинской АССР Леонид Павлович Потапов.

ского народа. Он положит конец кривотолкам, которые порой бытуют в нашей действительности... Мои пожелания — ускорить издание и поэтому авторам — усилить свою творческую работу». И далее: «В целом от материала, который я прочитал, остался в восторге. Это большое дело — иметь историю Тувы — показать больших социально-экономических и культурных успехов, достигнутых вследствие великой заботы партии и правительства, торжества ленинской национальной политики нашей родной Коммунистической партии».

В таком же хорошем темпе проходило редактирование рукописи второго тома, посвященного обновлению Тувы под могучим воздействием Великого Октября, ленинской национальной политики. К 21 июля была уже прочитана большая половина этой рукописи. И с высоты послеоктябрьских перемен редактором еще более целостно и зримо просматривалась вся история тувинского народа от древнейших времен до современности. «Когда окинешь взглядом многострадальную, но славную историю, — взволнованно отмечал С. К. Тока, — еще больше понимаешь и убеждаешься, как нужен этот труд. Поэтому мне хочется пожелать ускорения подготовки его к изданию, чтобы молодые люди, да и пожилые глубже поняли... и вдохновлялись тем, что тувинцы возрождены ленинской партией, русским народом».

Салчак Калбакхорекович являлся не только очевидцем освещенных во втором томе событий, но и активным участником революционного преобразования родной земли. И поэтому его замечания и советы были особенно ценны для авторского коллектива. О высокой требовательности редактора говорят следующие его замечания: отдельные параграфы и даже главы написаны наспех и потому велики по объему, сыроваты; в них много повторов, недостаточно раскрыта деятельность партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, допущено завышение достигнутых успехов. После изложения этих недостатков в письме С. К. Тока от 6 ноября 1962 г. содержался требовательный вывод: «Надо... как следует поработать».

17 января 1963 года С. К. Тока завершил редактирование и поручил институту «договориться о быстром издании истории Тувы, которую ждут тувинцы и не только они».

Двухтомная «История Тувы» увидела свет в 1964 году (издана центральным издательством «Наука»). Она действительно, как и предугадывал Салчак Калбакхорекович, явилась важным событием в идеологической жизни республики, стала настольной книгой тысяч и тысяч трудящихся Советской Тувы.

Значительный интерес представляют также высказывания С. К. Тока по тем или иным аспектам литературного творчества. В частности, я не раз позволял себе обращаться к С. К. Тока за советами и с вопросами, так сказать, личной литературной деятельности. После ознакомления в 1956 году с моим очерком «Орлы» (опубликован в альманахе «Улуг-Хем» № 4, 1958) Салчак Тока в своей записке одобрил написанное, но и настойчиво советовал ввести подлинные факты из жизни колхозов «Победа»

«Искра», уменьшить текст об «орлах» (шабашниках), умножить число персонажей за счет «Бальчий-оолов», то-есть тувинских колхозников.

С. Тока поддерживал издание моего первого сборника «Добро и зло» (1959), в который были включены «Рассказы старика Булчуна». Здесь местно упомянуть про высказанные им замечания. Читая их, я почему-то тчетливо ощущал, что С. Тока обращается не только ко мне, но и ко всем пишущим на тувинскую революционную тему

Он предупреждал о недопустимости идеализации, облегченного рассмотрения событий и явлений прошлого с позиции «сегодняшнего дня», без учета конкретной обстановки. Справедливо, в частности, был высказан ирек в том, что я несколько упростил сложный процесс сдвигов в сознании аратства. «Не так-то легко,—писал С. К. Тока,—араты и сам С. Булчун встречал, воспринимал новое. Более или менее активная роль Булчуна началась с 1923—1924 годов». С. К. Тока неоднократно подчеркивал, что главным и отправным в вызревании классового сознания аратов была победа социалистической революции в России.

По поручению правления Союза писателей Тувы мне довелось перевести некоторые произведения Салчака Тока на русский язык. В одном из его писем Олегу Саган-оолу были строки, в которых писатель давал ценку моего перевода «Соян Даваа». Я их привожу по памяти — все вроде бы хорошо, гладко, правильно, но чего-то все же не хватает...

Не трудно было догадаться о том, что мои переводы с подстрочника не содержали, да, пожалуй, и не могли содержать тот лаконизм, образность и экспрессивность языка, которые составляли черту творческого портрета Салчака Тока.

...Со стола вновь собраны разноформатные, поблекшие, словно опавшие листья, вобравшие в себя частичку дел и чувств оставшегося в нашем строю человека.

Мария ХАДАХАНЭ

АВТОГРАФЫ С. ТОКА.

Дважды в связи с 60-летием и 70-летием писателя мне пришлось по литературным делам знакомиться с юбилейной почтой Салчака Тока и его личной библиотекой, в которой было много дарственных книг. Думается, что творческие связи С. Тока — государственного деятеля и писателя — представляют всеобщий интерес и для наших читателей.

В личной библиотеке Салчака Тока есть, кроме большого отдела политической литературы, собрание сочинений русской и зарубежной классики, книги из серии «Жизнь замечательных людей» о революционерах, писателях, музыкантах, художниках, а также книги советских писателей И. Шолохова, А. Фадеева, Г. Николаевой, Л. Леснова и других.

Богат раздел книг с автографами, по которым можно представить круг интересов и общения с разными людьми. Много дарственных книг об ученых Кызыла и других городов: профессора Л. Потанова «Труды Тувинской археолого-этнографической экспедиции» доктора исторических наук С. Вайнштейна «Историческая этнография тувинцев», старшего научного сотрудника Сибирского отделения АН СССР В. Надеяева «Древнетюркский словарь», географа Б. Лиханова «Средняя Сибирь», от тувинских историков Ю. Аранчына, Н. Очура, Н. Сердобова. Интересны автографы Носина на книге «Почвы Тувы»—«в знак моего глубокого уважения к тувинскому трудовому народу и искренней привязанности к красивой тувинской земле, которую я старался глубже понять и изучить на пользу отечественной науке и хозяйству Советской Тувы» (1963), а также профессора Л. Тульчинского «Очерки бюджета Тувы»—«С. Тока, прорубившему Туве окно в социализм». Академик Трофимчук подарил книгу «Новосибирский научный центр» (1964), академик Окладников свою книгу «Утро искусства» с надписью—«большому человеку и большому государственному деятелю».

Салчаку Тока подарили книги своих мемуаров генерал Н. С. Демин «Война и люди», генерал С. Банных «Годы и люди границы» с надписью—«заботливому другу пограничников».

В библиотеке есть дарственные книги от первого секретаря Якутского обкома КПСС Чиряева «Якутия под знаменем Октября», от первого секретаря Бурятского обкома КПСС А. Модогоева «Бурятия славит тебя»—с надписью—«другу и товарищу», а также книги от делегации Горного Алтая, Хакасии, Красноярского края. Свой труд «Путь народов Севера к социализму» прислал доктор исторических наук В. Увачан с надписью—отцу и брату. В подарок была прислана книга «М. Н. Ербанов» с надписью—«в память соратнику».

Почетное место на полке занимают «Избранные статьи и речи» первого секретаря ЦК МНРП Ю. Цеденбала с надписью—«Дорогому Тока в знак глубокого уважения с наилучшими пожеланиями» (1963).

Салчаку Тока дарили свои книги писатели Тувы А. Даржаа, Д. Берзи, М. Пахомов, Н. Сердобов и другие. Среди книг с автографами есть «Березовый сок» С. Щипачева—«с любовью и уважением» (1957), «Я вам скажу» П. Бровки—«от всего сердца» (1972), четыре книги для детей С. Баруздина—«с искренней, давней любовью» (1972), Г. Колесниковой—«от почитателя Вашего таланта» (1958). Много книг от писателей народов СССР. «Сын степей» калмыцкого поэта А. Сусева с надписью—«Славному сыну тувинского народа с глубоким уважением», калмыцкий эпос «Джангар» от Э. Санчаева—«в память XXI съезда КПСС дарю великий эпос моего народа—это любимое народное творение—верному сыну братского тувинского народа С. Тока. Желая и хочу, чтобы Салчак был подобен Хонгору в борьбе за счастье народа, за страну Бумбы—коммунизма». Алтайский писатель Л. Кокышев дарит свою книгу с надписью—«Салчаку Тока, классику советской литературы», библиотекари Горного Алтая присылают перевод «Слово арата» на алтайский язык—«книгу вай

шу любят и читают». Украинский писатель П. Шабатин присылает серию очерков о Туве — «наши республики на одной параллели, наши сердца принадлежат одной родине — СССР» (1972). Секретарь Актюбинского обкома КПСС казах И. Дженалаев встречался с С. Тока в суровом 1942 году на западном фронте, тогда он был наводчиком орудия и в память об этом шлет книгу в дни 25-летия Победы над фашизмом. Писатель из Грозного М. Мамакиев присылает свой роман «Зелимхан», поздравляя С. Тока с 70-летием со дня рождения, узбекский писатель Шухрат дарит сборник «Мангулик». Монгольские друзья присылают перевод «Слова арата» на монгольский язык (1967).

Я. Калинин, работавший ранее в Туве, дарит роман В. Лациса «К новому берегу» с надписью — «Нестареющему, вечно стремящемуся к новому берегу». Доцент из Кишинева Рошин дарит «Историю Кишинева» (1966). Учащиеся Сарыг-Сенской школы № 2 дарят альбом, сделанный руками ребят, «По следам «Слова арата» (с фотографиями). Большую коллекцию рисунков московской художницы Нади Рушевой присылают ее родители Н. К. Рушев и Н. Ажикмаа.

Очень трогателен почетный паспорт и звание капитана счастливого детства — «За большую и действенную любовь к детям, за молодость души и помыслов», полученный от кызыльского Дома пионеров в 1972 г.

Среди телеграмм, открыток и писем по случаю праздников, 60-летия в 1961 году и 70-летия в 1971 году, получения высокого звания Героя Социалистического Труда есть поздравления от партийных работников и депутатов — Ю. Палежкиса, А. Снечуса, М. Гапурова, Б. Городовикова, Лабахуа, М. Ефремова, С. Щетицина, В. Долгих, Федирко, Ф. Габеева, Н. Пилюгина, В. Кудрявцева, министров Б. Бещева, П. Ломако, академика М. Лаврентьева, генералов И. Федюнинского, Бакланова, Союза писателей СССР за подписью Суркова, Симонова, Тихонова, Леонова, Федина, Кожевникова, Твардовского, Сафронова, Грибачева; Союза писателей РСФСР — Соболева, Баруздина; бурятских, якутских, калмыцких, белорусских, узбекских, казахских, татарских, ленинградских, новосибирских, иркутских, красноярских, тульских писателей. От монгольских товарищей Шагдарсурена, Удвал, польского журналиста Р. Бадовского.

И, конечно, множество поздравлений от трудящихся Тувы, от людей, ранее работавших в Туве. Пишет рабочий из Ачинска Симонов, колхозник Ф. Шаповалов из Красноярского края, читательница Полоскова из Новосибирска выразила свои впечатления в стихах (1972):

Сколько сил, дорогой, положили
и остались лишь только в Туве.
Посылаю Вам лучшие чувства
и — живите сто лет на земле!

Если ж только закроются очи,
и короче окажется жизнь,
ваше «Слово арата» навечно
будет ярко светить в коммунизм!

Мария ХАДАХАНЭ

ПО ДОРОГАМ ФРАНЦИИ

В течение десяти дней мне с группой писателей довелось побывать во Франции. После осмотра Версаля едем в Шартр — сельскохозяйственную житницу страны. Ухоженная, причесанная земля с массой мелких участков. Вечером въезжаем в небольшой городок с маленькими узкими улочками и бешеной ездой автомобилистов. Слушаем в соборе органнй концерт Иозефа Реверона, в репертуаре которого Бах, Франк, Хиндемит. Собор знаменит еще с 12 века. Впечатляет стометровая высота, красивые шпили, витражи, порталы, многочисленные химеры — чудовища. Утром гид ведет нас в подземную крипту, темную от лампад и затхлую. Сюда прибыло около ста школьников с рюкзаками за плечами, сделавшими марш-бросок из любви к спорту, архитектуре и легендам родной старины.

Двигаемся дальше по своему маршруту вдоль долины Луары до Тура в густом потоке машин. По чистому полю идут чистенькие охотники с ухоженными собаками на поводках. Кукуруза убрана в штабеля за железную сетку. По полю ездят крошечные трактора — единоличные. Здесь выращивают рис высокой урожайности. Поселки все городского типа, небольшие коттеджи самой пестрой архитектуры и планировки. Довольно часты объявления о распродаже дома, земли — все стремятся в большой город.

В Туре, на родине Бальзака, нас встречают члены ассоциации «Франция—СССР», в их числе полковник Жиль, бывший летчик эскадрильи «Нормандия—Неман» — высокий, седой, моложавый. Он становится нашим гостеприимным гидом. Мы едем в аббатство Сен-Ком, в дом поэта Возрождения Пьера Ронсара. Здесь он прожил 20 лет, создал свои лучшие произведения. Могила поэта проста и скромна — на зеленом дерне растут 2 куста роз — белых и красных. Хранитель му-

зая месье Рене воздаёт оду — влюбленно украшает свой рассказ легендами и преданиями.

Направляемся в местечко Саше в дом Бальзака. Трёхэтажный дом принадлежал другу писателя Маргону. Бальзак жил здесь с 1829—1837 гг., последний раз был в 1848 г. Поднимаемся на второй этаж. В центре зала стоит могучая скульптура Бальзака работы Родена. В витринах выставка книг писателя, в том числе советские издания, скульптура малых форм — литературные герои Гранде, Гобсек; а главное — рукописи — неразборчивые, стремительные, густо исправленные. На стене большой портрет Эвелины Ганской — «прекрасной незнакомки» Бальзака. В маленьком рабочем кабинете шла титаническая ночная работа. Небольшой стол, воронье перо, простая настольная лампа, огромная кофеварка, которой хватило бы на целую семью, скромная кровать. Здесь он написал «Утраченные иллюзии», «Отец Горио» и другие знаменитые романы. С чувством благоговения уходим из дома, выходим в сад, всматриваемся в окружающий пейзаж, питающий неукротимое воображение гения Франции.

Возвращаемся в сумерки — время между собакой и волком, как говорят французы. После ужина едем в погребок Рене Марне — президента местного отделения ассоциации «Франция — СССР». Хозяин — экспансивный толстяк с искренним радушием ведёт нас по пещере с высоким сводом. Ярко пылает камин, Марне увлеченно и темпераментно рассказывает о долине Луары — как центре французской культуры, подарившей миру Рабле, А. Франса. Среди присутствующих — музыканты, домашние хозяйки, студенты. Расстаемся тепло, обмениваемся сувенирами.

Утром нас предупредили, что в Блуа забастовка хозяев гостиниц и поэтому для ночевки мы вновь вернемся в Тур. Забастовка была вызвана правительственными ограничениями и высоким налогом. Над Луарой шлейф молочного тумана, мелькают острова, лодки, шпиль башни, пышная крона лозняка. Въезжаем в замок Амбуаз, заходим в маленькую готическую часовню с цветными витражами и каменным кружевом алтаря. Здесь покоится прах великого итальянца Леонардо да Винчи. Все молча касаются рукой плиты. Сам замок напоминает сцены из исторических романов А. Дюма — лестницы, камин, опочивальни, гобелены — атмосфера придворных интриг и заговоров.

Едем к дому Леонардо в Кло-Люсе, где великий ученый и художник жил три последних года и умер. Это маленький домик из красного кирпича с черепичной крышей с примыкающим к нему садом.

В Блуа осматриваем еще один королевский замок. Гид с

чисто французским шармом слегка подчеркивает интимные подробности королевских биографий Людовиков, Карла, Генриха. И тогда по-другому воспринимаешь эти двухметровой толщины стены, низкие двери, тайные переходы. Переходим в другое крыло и попадаем в муниципальную библиотеку. В фондах 150 тыс. книг. Помещение невелико. Мы проходим через читальный зал с одним огромным столом. Читателей около одной тысячи (на город с 60 тыс. населения). Существует плата за пользование. Много читателей—студентов, читают из русских писателей Толстого, Чехова, Достоевского; из советских — Шолохова, Симонова, Евтушенко. Библиотека имеет МБА с Ленинградом. Среди редких рукописей — 20 писем В. Гюго, адресованные отцу-генералу. Рассматриваем новые поступления — много книг о природе, альбомы Родена и Пикассо, путешествия Ливингстона и Стенли в Африку. Библиотекарь мадам Субербьеле повышенно внимательна и предупредительна.

Вечером был ужин с французскими друзьями. Мэр Жорж Ларкад представил обе стороны. Собралось много молодежи, женщин с детьми. Подходят все новые люди. Вызывает внимание седой, подтянутый человек в светлом свитере. Оказывается это генеральный секретарь компартии департамента Лауры и Шеры Роже Леклер, член ЦК ФКП. Его атакуют наши писатели, получается экспромтом конференция.

Здесь 1800 коммунистов, большинство сельхозработники. Он рассказывает об условиях работы и жизни местной организации. Сам он несколько раз был в Москве, в партии с 1944 г. Четыре его дочери — коммунистки. Он очень прост, весел, радушен. Дарим ему сувениры и в том числе кедровую сибирскую шишку. Идет оживленный разговор о литературе, о Т. Шевченко и Ю. Германе, о жизни...

Наш автобус накручивает новые километры. Впереди долгожданный Орлеан. Идем бродить по вечернему городу. Заходим в книжный магазин. Пестрота имен и обложек. Есть отличные издания книг по искусству и природе, масса различных серий, рассматриваем книги Кокто, Сартра, Кафки, Камо. Вот знакомые портреты Пушкина и Горького. Еще одна — «Все о ленинизме». Много книг о Наполеоне. Целый отдел занят боевиками и детективами. Покупателей немного, в основном разглядывают, листают и уходят, ничего не купив. 53% населения не читают книг совсем, из оставшихся только 15% читают серьезную литературу, только 30% рабочих участвуют в культурной жизни — по свидетельству французских товарищей.

Вечером на встречу с нами пришли изучающие русский язык, в основном преподаватели лицеев и колледжей. За на-

им столиком—Жаклин, домохозяйка, коммунистка. Она несколько раз была в СССР с мужем. Дочь ее вышла замуж за алийца, работает заведующей материнской школой-ясля. Сын пишет диссертацию о Марксе.

Среди гостей была русская — мадам Красильщик, жена рача. Уже 53 года они живут во Франции. Голубая седина, черные перчатки, блеск украшений, розовость дряблых щек...

— Вы думаете, у нас рабочие голодают и плохо живут? Ничего подобного! У нас все есть, и все же они бастуют, безельники!— В этой фразе — вся суть взглядов мадам. Протые французы говорят: она не наша. И всегда разграничивают: это господин, а это — товарищ, коммунист.

Подходит молодой ясноглазый человек — Дени Бриссон, электромонтер. Он учит русский язык уже три года. Интересуется всем советским. Мы рассказываем о Туве, о тувинской литературе, обычаях. Он мечтает еще раз съездить в СССР стать летчиком: для этого надо много денег!

Утро мы встречаем у памятника Жанны д'Арк, воздвигнуый за счет добровольных пожертвований.

Едем в Орлеанский университет. Он за городом, в районе новостроек, в лесу, рядом пруды. Заходим в одно из зданий. Система образования в стране 10-летняя: сначала бесплатные материнские школы с 2 до 6 лет, затем начальные—с 6 до 10, потом система лицеев и колледжей — классических и реальных. Поступающие в вуз сдают экзамены за плату 160—170 франков. Общежитий мало, стипендии небольшие, плата за обучение 200—300 франков. Семестровых экзаменов нет. Большой отсев, оканчивает вуз один из четырех. Учатся в основном дети из богатых семей и только 10—12 процентов из рабочих и крестьян. Окончившие не обеспечиваются работой, многих ждет неизвестность...

Прощаемся с гостеприимным Орлеаном и едем в Фонтенбло.

Впереди, в туманной дымке — Париж. Движемся медленно, в городе 2,5 млн. автомобилей, и сейчас часы «пик». Останавливаемся в отеле в районе Гранд-оперы. Идем на большие Бульвары и Елисейские поля. Яркость реклам, разноголосые толпы гуляющих, парад освещенных витрин магазинов, салонов, баров. Проходим мимо огромной рекламы кинофильмов «Последнее танго Парижа», «Великое обжорство», «Крик и шопот». В кафе немногочисленно, сидят одинокие люди за чашкой кофе или рюмкой и разглядывают проходящую толпу. Африканцы, чаще всего алжирцы, прямо на тротуаре продают поделки масок из черного дерева, дешевые браслеты, амулеты. Много американцев и японцев.

На следующий день с утра мы в Лувре. Тысячи туристов

вместе с нами. Идем на свидание с Венерой Милосской. Спокойно ее безмятежное лицо, ниспадают складки легкого хитона, все в ней стройно и гармонично, и облик величав и женственен. Наравне с королевскими драгоценностями охраняется бесценная Мона-Лиза Джоконда Леонардо да Винчи. Она действительно прекрасна, притягивают и не отпускают эти неуловимая улыбка, эти покойно скрещенные руки, глубокий взгляд, чистый лоб. Сюда нужно ходить неделями, чтобы вобрать весь прекрасный мир искусства. Непосредственное впечатление ярче, глубже любой репродукции.

Много раз проезжаем по разным уголкам Парижа: площадь Согласия, Триумфальная арка, Эйфелева башня, с высоты которой любимся панорамой города. Дом инвалидов, площадь Республики, площадь Бастилии, площадь Вогезов, где жил Гюго, набережная Сены с древними мостами и лавками букинистов, Латинский квартал с Сорбонной. Гуляем Люксембургском саду, любимся детворой. И, наконец Нотр-Дам — Собор парижской богородицы — огромная каменная симфония, колоссальное творение народа. Внутри в полумраке торжественно звучит органная музыка. Зрелище незабываемое и прекрасное.

Предпоследний день был особенный. С утра поехали за Сену, на Монпарнас, в квартиру-музей В. И. Ленина на Мари-Роз, 4. Здесь с 1909 по 1912 жил и работал наш вождь. Две комнаты на третьем этаже, в одной жила мать Н. К. Крупской, в другой — рабочий кабинет Владимира Ильича. Проездом здесь бывали Орджоникидзе, Камо, Бонч-Бруевич и другие соратники Ленина. На многочисленных фотографиях представлен Париж того времени, собраны документы и материалы о Ленине. В комнате Ильича портрет матери Марии Александровны и К. Маркса. Простой письменный стол, вместо книжной полки — ящики. На столе номера газет «Пролетарий», «Рабочей газеты», книги Маркса, Энгельса, по истории Франции, Парижской коммуны, из русских изданий — Некрасов, Толстой. Сохранился номер «Юманите» с сообщением о смерти Лафаргов и изложением речей В. И. Ленина и А. Коллонтай на похоронах. В темной комнате без окон — кровать со скромным покрывалом. Кухня была своеобразной приемной близких знакомых. Деревянные табуретки, железная плита, стены облицованы синей фаянсовой плиткой. Здесь рассказывались новости и обсуждались вопросы борьбы с ликвидаторами, отзовистами и троцкистами, вырабатывались принципы построения партии. Хранителем музея является товарищ А. Лежандр — коммунист, ему за 80 лет. Седой, приветливый, взволнованный встречей с советскими людьми. Дом частный, коммунистам пришлось втридорога выкупать

соседнюю квартиру, чтобы устроить в ней экспозицию о жизни Ленина. Много времени отняло оборудование музея. Цвет обоев восстановили по клочку, сохранившемуся за зеркалом. Фабрики отказались выполнять этот заказ, рисунок послали в Москву и там сделали вручную. Комнаты обиты деревянными панелями по обычаю того времени. В дни 100-летия В. И. Ленина в квартиру ночью ворвались фашиствующие элементы и устроили погром, сломали макет квартиры В. И. Ленина в Кремле, разбили скульптуру. Теперь дверь обита железом. Во время своего визита во Францию Л. И. Брежнев обратился с балкона с приветственной речью к парижанам. Около бюста Ленина тысячи советских значков от туристов. Мы расписываемся в книге посетителей и остабляем на память значок «Центр Азии».

Владимир Ильич Ленин много раз выступал в этом районе с лекциями, летом отдыхал в Медоне, Кламаре, гулял в парке Монсури. С прогулки на велосипеде всегда привозил полевые цветы Надежде Константиновне и Елизавете Васильевне. В 1911 г. он организовал партийную школу в Лонжюмо.

Во второй половине дня еще одна волнующая встреча в красном поясе Парижа—в муниципалитете Бобиньи. Это рабочий пригород в четырех километрах от столицы. Подъезжаем. У входа в мэрию толпа — идет регистрация новобрачных. Невесты в длинных светлых платьях с фатой, дети тоже в длинных белых одеждах, взволнованные родители и друзья. Принимает нас Клод Троцкий—заместитель мэра, шутливо извиняется за свою фамилию. С 1920 г. здесь во главе стоят коммунисты. Из 33 советников — 27 коммунистов, 4 социалиста и 2 беспартийных.

Улицы носят названия: П. Элюар, Э. Триоле, Ж. Кюри, Ленинград. Затем прием в муниципалитете. Всех представили друг другу, в разных уголках идут свои беседы. Нам дарят красные розы. Первый заместитель мэра — Шопэн — худощавый изящный человек произносит тост за дружбу. Обмениваемся сувенирами и тепло прощаемся. Говорят по-русски двое, в том числе председатель ассоциации Рене Комон (он был 18 раз в Советском Союзе, даже в Шушенское ездил). Мы встречаемся с ним еще раз, когда он приезжает на аэродром Ле Бурже, чтобы проводить нас.

Последний воскресный день нашего пребывания в Париже. Он затих, люди выехали за город, стоит теплая солнечная погода, еще свежа и ярка зелень, без позолоты. Гуляем по Монмартру, осматриваем собор Сакре-Кер, любимся панорамой Парижа в розовой дымке, которую тоже сделали предметом любования, хотя воздушная среда загрязнена и дышать трудно. На площади Тертр праздник пива, всюду пе-

страя толпа. В центре художники всех направлений выставили для продажи свои картины. Говорят, в Париже живет 60 тысяч художников и одновременно открыто 50 выставок. Вот экзотичная фигура художницы с распущенными длинными волосами в козлином полушубке, в сапогах на толстой платформе, в брюках — клеш необъятной ширины, похожих на цыганскую юбку. Рядом с ней творит еще художник, который из черной бумаги мгновенно вырезает ваш силуэт за 10 франков, находятся любители попозировать на складном стуле и на наших глазах возникает на мольберте портрет. Оригинален художник, пишущий в желто-оранжевом колере портрет веселого лохматого старика. Много видов Парижа. Большинство работает на публику, но среди ширпотреба есть и настоящие произведения. Идем в кафе, где бывали всегда Зоя, Пикассо, Модильяни, Сюзан Валадон, М. Утрилло. В боковых лавочках идет торговля открытками и репродукциями.

Спускаемся с холма вниз, и вот мы на кладбище Пер-Лашез, у стены 142 парижских коммунаров, возлагаем гвоздики. Неподалеку — могилы Мориса Тореза, Марселя-Кашена, леденящие душу памятники жертвам фашизма в Равенсбруке, Маутхаузене, Заксенхаузене, Бухенвальде, Освенциме. Идем к литературным могилам — Мольера, Мюссе, Барбюса. Каждое надгробье — поэма в камне. Прощаемся с тенями великих. Останавливаемся у знаменитых литературных кафе «Ротонда» и «Селест», где часто бывали и работали Хемингуэй и Эренбург, Сартр и Бовуар.

Идем на остров Сите, где начинался древний Париж. Спускаемся вниз под землю, в мемориал узникам концлагерей. У самой решетки плещет Сена, горит вечный огонь. В длинной галерее матово светится 200 тысяч жемчужин — по числу жертв, на дощечках стихи, написанные лучшими поэтами Франции: «О земля, грусти, мы погибли в тумане ночи в борьбе за свободу, и тот, кто верил и не верил, все одинаково любили свободу. Смерть расстрелянных более значима, чем самые блестящие триумфы. Я так сильно мечтала о тебе, я лелеяла, любила твою тень, но мне остается быть тенью в счастливой жизни других. Прости и не забудь...»

Во Франции много безработных—850 тыс., 40 проц. из них моложе 25 лет. Минимальная зарплата 787, средняя—1100 франков. Много средств уходит на страхование—30 процентов зарплаты. Для повышения рождаемости введены семейные пособия: за трех детей—354 франка, за четырех—445 франков. Пенсионный возраст 65 лет, пенсия—40 процентов от оклада.

Цены постоянно растут в среднем на 6 проц. в год. Плата

а двухкомнатную квартиру 1—2 тысячи франков. За воду платят 250 франков. Водопровод проведен в Париже в 1968 г. то лишь в половину квартир, центральное отопление имеет лишь четвертая часть жителей. Жилой фонд старый.

В стране 40 тыс. врачей, один — на 830 человек (у нас — а 480 человек). Вызов врача на дом стоит 50 франков, один день пребывания в больнице обходится 200 франков, а в хирургическом отделении—435 франков. Половина населения имеют машины, но расход на них составляет 1/4 семейного бюджета. Сейчас подорожал бензин, ввозимый из Саудовской Аравии. Расход на квартиру составляет 20 проц. зарплаты. Женский труд оплачивается на 7 проц. ниже мужского.

О ценах. Билет в кино стоит 10—12 франков, 1 литр вина—2 франка, 1 кг. мяса—25—30 франков, причем баранина дороже курицы. Довольно дорогой общественный транспорт: метро, автобусы, такси.

У решеток метро много бездомных бродяг, нищих.

Такова Франция. Не королевские замки Генрихов, Людоиков, Наполеона, а народ Франции был главным впечатлением. Любовь к общению, потребность поговорить о жизни, екая отзывчивость, юмор и шутка, жизнерадостность, чувство красоты — привлекательные черты народа. Француз вел даже от ясной погоды, любит цветы, у официантов работа горит в руках. Народ любит свою историю и культуру, он много раз опрокидывал королевские троны и он же с почтением и любовью относится к старине. Культ «принца поэтов» онсара в долине Луары — тому доказательство.

«У каждого города свои любимые блюда, свои вина, свои елики и свои легенды»,— говорил И. Эренбург. Трудно редставить француза без улыбки. Главное — «иметь смеющихся на своей стороне». Вышучивают мадам Помпиду и академиков, шофера любезничают с девушками-полисменами в ишневых мундирах; обгоняя женщину-водителя, долго копящуюся в моторе, они поздравят ее с новорожденным; аксисты скажут вместо приветствия: как крутится? И у всех в устах по любому поводу — многозначное о-ля-ля!

В памяти надолго останутся серо-голубые города, долины уары, дома, увитые зеленью, одинокие вязаы и дубы в полях, розрачные рощи, воронье перо неистового Бальзака, Луара, бнимающая острова, живой, кипучий, неповторимый Париж.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕБЕ, ПОБЕДА!

Проза

<i>С. Сарыг-оол.</i> Вечная слава. Перевод <i>С. Гудзенко</i>	1
<i>С. Пюрбю.</i> Чургуй-оол — гордость Тувы. Перевод <i>Ю. Новикова</i>	2
<i>К. Кудажи.</i> Одинадцать. Пьеса. Перевод <i>А. Барянови.</i>	6
<i>А. Доманк.</i> Тувинский эскадрон	7
<i>М. Воршинин.</i> В начале 1944 года. Из фронтовых блокнотов	5
<i>Т. Сермавкин.</i> России верные сыны	6
<i>А. Русский.</i> Солдатские звезды.	10

Поэзия

<i>С. Сарыг-оол.</i> В едином хоре. Перевод <i>С. Козловой.</i>	11
Украшения. Перевод <i>С. Козловой.</i>	11
Наказ. Перевод <i>С. Козловой.</i>	11
Перед телевизором. Перевод <i>Ю. Разумовского.</i>	11
Моя лиственничка. Перевод <i>В. Потемкиной и М. Скуратова.</i>	11
<i>С. Пюрбю.</i> Письмо на фронт. Перевод <i>С. Козловой.</i>	11
Стихи о Москве. Перевод <i>М. Скуратова.</i>	11
По дороге Ак-Довурак — Абаза. Перевод <i>Ю. Разумовского</i>	11
<i>Ю. Кюнзегеш.</i> Крылья орла. Перевод <i>П. Железнова.</i>	12
Саргатчай, родной мой край. Перевод <i>П. Железнова.</i>	12
Прилетели журавли. Перевод <i>П. Железнова.</i>	12
<i>М. Кенин-Лопсан.</i> Наказ боевому оружию. Перевод <i>С. Козловой.</i>	12
Канал в степи. Перевод <i>С. Козловой.</i>	12
<i>О. Сувакпит.</i> Саяны. Перевод <i>В. Потемкиной.</i>	12
Березка. Перевод <i>Л. Тарана.</i>	12
Огонь моего сердца. Перевод <i>И. Лашкова.</i>	12
<i>С. Сюрюн-оол.</i> Сын Хемчика. Перевод <i>И. Лашкова.</i>	12
Шофер. Перевод <i>И. Лашкова.</i>	12
Река Ак. Перевод <i>И. Лашкова.</i>	12
<i>Б. Саган-оол.</i> Мой брат — гвардеец-герой. Перевод <i>М. Скуратова.</i>	13
Орлы. Перевод <i>С. Козловой.</i>	13
<i>А. Емельянов.</i> Запевала.	13
Возле общежития.	13
Никто не забыт.	13
На ферме Кадыр-Адыр.	13
«Почти что вровень с берегами...»	13

<i>Козлова</i> . Осенняя именем.	139
Делегатка.	140
Читаем «Фауста».	141
Родинка.	143
Родословная.	144
<i>Танова</i> . Страница из лирической тетради. Перевод <i>В. Потемкиной</i>	144
<i>Даржай</i> . На лугу. Перевод <i>С. Козловой</i>	145
<i>Доржу</i> . «Бывают сердца...» Перевод <i>В. Потемкиной</i>	146
«Хоть и светят звезды...» Перевод <i>В. Потемкиной</i>	146
«Когда то так высок был горный перевал...» Перевод <i>В. Потемкиной</i>	147
<i>Санчай</i> . Освободитель.	148
Снежные стихи.	148
«Как ни странно, мой друг...».	148
<i>Принцева</i> . Ассоль.	149
«Заворожить мгновенья...».	150
«Далекий месяц падающих яблок...».	151
«Отворяются двери...».	151
«И не желалось...»	152

ЮНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

<i>Уулар Аракчал</i> . Сова.	154
Кедровка.	155
Белка с неба.	155
Заяц на кедре.	157
Росомаха.	157
Кедр на скале.	159
Мараленок.	160
Заяц и тарбаган.	162
<i>Учил-оол Экер-оол</i> . На скачках.	165
Летающая загадка.	170
И я пойду в школу.	170
Кролик.	171
<i>Уег Сувакпит</i> . Медведь и обезьяна (басня-сказка)	171
<i>Уче-оол Ондар</i> . Рассказ Дозурама «На горе Хербис».	175

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ.

<i>Гаврилов</i> . Наедине с природой.	183
---	-----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Ускава</i> приветствует тувинцев	209
<i>Серен-оол</i> . Плод зрелой мысли	217
<i>Хадаханэ</i> . М. Кенин-Лопсану 50 лет	221
<i>Лсканов</i> . Мелодии чистой души	224
<i>Сендобов</i> . Незабывтая, неустаревшая	231
<i>Хадаханэ</i> . Автографы С. Тока	233
<i>Хасакханэ</i> . По дорогам Франции	236

УЛУГ-ХЕМ № 15
литературно-художественный альманах

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пюрбю С. Б. (главный редактор), *Калзан А. К.*, *Кудажиг К. К.*, *Куулар Д. С.*, *Сердобов Н. А.*, *Сюрюн-оол С. С.*, *Хадаханэ М. А.*

Редактор издания *Бородина А. Д.*

Художник *Ооржак Д. С.*

Художественный редактор *Кузнецов И. Я.*

Технический редактор *Чернова А. А.*

Корректор *Конева Г. В.*

Сдано в набор 11/VI 1975 г. Подписано к печати 21/VII 1975 г. Формат
60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 15,5 Уч.-изд. л. 13,7. Тираж
2000 экз. Цена 65 коп. ТС 00168. Заказ № 2423.

Тувинское книжное издательство, г. Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 57

Гипография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли Совета Министров Тувинской АССР, г. Кызыл, Щетинкина и
Кравченко, 1

РС Улуг-Хем № 14. Литературно-художественный аль-
У47 манах. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1975.

248 с. Тираж 2000. Цена 65 коп.

В альманахе «Улуг-Хем», издания Союза писателей Тувинской АССР, опубликованы новые стихи, рассказы, очерки.

Первая часть сборника названа «Тебе, победа», где помещены произведения о Великой Отечественной войне.

0-7-3-3

121-170+03+M134

0-7-4-3

65 коп.

КЫЗЫЛ - 1975